Книга видений и свидетельств о жизни души в загробном мире

св. Флор
Ангел Хранитель
свт. Кирилл
Александрийский

свт. Петр
прп. Мария
св. Лавр

Ангел Хранитель

Жизнь вечная –
есть утешение в Боге,
и кто преобрел его, тот почитает
излишним утешение мирское.

Прп. Исаак Сирин

Один день мрака в аду
ужаснее всех зол жизни.

Свт. Иоанн Златоуст

Между раем и адом

книга видений
и свидетельств о жизни души
в загробном мире

«Ковчег»
Москва
2009

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

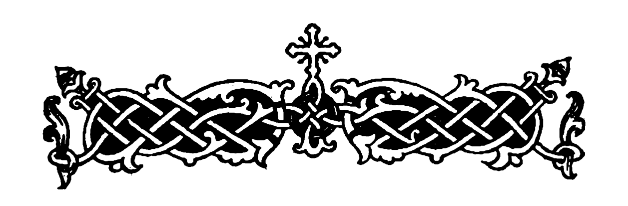
Между раем и адом. Книга видений и свидетельств о жизни души в загробном мире. — М.: «Ковчег», 2009. — 352 с.

ISBN 5-98317-064-3

СОДЕРЖАНИЕ

---

* Публикация иеродиакона Онуфрия (Махова).



ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

«Между раем и адом» — книга свидетельств святых и подвижников благочестия о жизни души в загробном мире, о прохождении мытарств, об участи грешников.

Многие угодники Божии были восхищены в рай, в небеса небес, в селения, уготованные праведникам, к самому престолу Господа. Перефразируя апостола, о них можно сказать: «Увидел то, чего не видело бренное око, слышал то, чего не слышало смертное ухо, и насладился в откровении такими небесными красотами, которых и не представляло себе человеческое сердце».

Многим, для назидания, были показаны адские обители, показано, как проходит душа испытания мытарствами.

Эти видения и вошли в нашу книгу.

Видения рая и ада, которых сподобились избранники Божии, — это не сны, не созерцания, а подлинное зрение миров иных, даруемое, как писал преподобный Исаак Сирин, «по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию... неожиданно, весьма

редко, при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Божию».

«Видение» — слово, родственное «зрению». Видеть — значит постигать, познавать чувством зрения. Дух Святой дает духовное зрение, и тогда «ум видит подобно тому, как чувственный глаз видит чувственные предметы» (святитель Игнатий Брянчанинов).

В наш сборник мы отбирали только такие видения, достоверность которых была документально засвидетельствована Русской Православной Церковью. К ним в полной мере относятся слова священноисповедника протоиерея Митрофана Сребрянского, который завершил описание видения своей духовной дочери так: «Свидетельствую своей священнической совестью, что все, записанное мною... верно».

ВИДЕНИЕ ДИВНОГО РАЯ БЛАЖЕННЫМ АНДРЕЕМ

Блаженный Андрей, Христа ради юродивый, был славянин и жил в X веке в Константинополе. Многие годы он терпел насмешки, оскорбления, но благодушно сносил побои, голод и жажду, стужу и зной, прося милостыню и отдавая ее другим нищим. За свое великое терпение и смирение святой получил от Господа дар пророчества и прозорливости. В 910 году, во время молитвы во Влахернском храме, блаженный Андрей сподобился узреть Пресвятую Богородицу, покрывающую молящихся Своим омофором (в память об этом видении установлен праздник Покрова Божией Матери).

Блаженный Андрей сам рассказывал пресвитеру Никифору, священнику Константинопольского Софийского собора, еще об одном видении, в котором он, подобно апостолу Павлу, был восхищен до третьего неба, и там слышал неизреченные глаголы и узрел невидимое.

Что со мною было, я не знаю. По Божественному изволению я пребывал в течение двух недель в сладостном видении, подобно человеку, который, сладко проспав всю ночь, просыпается утром. Я видел себя в прекрасном и дивном рае и, удивляясь этому в душе, размышлял: «Что это значит? Я знаю, что

живу в Константинополе, а как сюда попал — не знаю». И не понимал я, *в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает* (2 Кор. 12, 2). Но я видел себя облеченным в светлое, как бы из молний сотканное — на голове моей лежал венок, сплетенный из многих цветов; я был опоясан царским поясом и сильно радовался при виде той красоты; умом и сердцем удивлялся я несказанной прелести рая Божия и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из тех деревьев непрестанно цвели, другие были украшены златовидной листвой, иные же имели плод несказанной красоты; сих деревьев нельзя уподобить по красоте ни одному земному дереву, ибо их насадила не человеческая рука, а Божия. В тех садах были безчисленные птицы с золотыми, белоснежными и разноцветными крыльями. Они сидели на ветвях райских деревьев и так прекрасно пели, что от сладкозвучного их пения я не помнил себя: так услаждалось мое сердце, и я думал, что их пение слышно даже на самой высоте небесной. Те прекрасные сады стояли по рядам, наподобие того, как стоит один полк против другого. Когда я с сердечной радостью ходил между ними, то увидел большую, протекающую посередине рая реку, которая орошала прекрасные те сады. По обоим берегам реки рос виноград, распростирая лозы, украшен-

ные листьями и златовидными гроздьями. Там со всех четырех сторон веяли тихие и благоухающие ветры, от дуновения коих сады колыхались, производя своими листьями чудный шелест. После этого на меня напал какой-то ужас, и мне показалось, что я стою наверху небесной тверди, предо мною же ходит какой-то юноша, со светлым, как солнце, лицом, одетый в багряницу. Я подумал что это тот, который ударил меня цветущей ветвью по лицу. Когда я ходил по его стопам, то увидел Крест большой и прекрасный, по виду подобный радуге, а кругом его стояли огневидные, как пламень, певцы и воспевали сладостное песнопение, славословя Господа, некогда распятого на Кресте. Шедший предо мною юноша, подойдя ко Кресту, облобызал его и дал знак и мне, чтобы и я облобызал его. Лобызая его, я исполнился несказанной духовной сладости и обонял благоухание сильнее райского. Пройдя мимо Креста, я посмотрел вниз и увидел под собой как бы морскую бездну. Мне показалось, что я хожу по воздуху; испугавшись, я закричал моему путеводителю:

— Господин, я боюсь, как бы мне не упасть в глубину.

Он же, обратившись ко мне, сказал:

— Не бойся, ибо нам необходимо подняться еще выше.

И он подал мне руку. Когда я ухватился за нее, мы уже находились выше второй тверди. Там я увидел дивных мужей, их упокоение и непередаваемую на языке челове-

ческом радость их праздника. После этого мы вошли в какой-то дивный пламень, который не опалял нас, но только осиявал. Я стал ужасаться, и снова мой путеводитель, обернувшись, подал мне руку и сказал:

— Нам следует подняться еще выше.

И вот, после этих слов мы поднялись выше третьего неба, где я видел и слышал множество сил небесных, воспевающих и славословящих Бога. Мы подошли к какой-то, блистающей как молния, завесе, перед которой стояли великие и страшные юноши, видом подобные как бы огненному пламени; лица их сияли ярче солнца, а в руках у них было огненное оружие. Предстоя со страхом, увидел я безчисленное множество небесного воинства. И сказал мне водивший меня юноша:

— Когда отверзется завеса, ты увидишь Владыку Христа. Поклонись же Престолу славы Его.

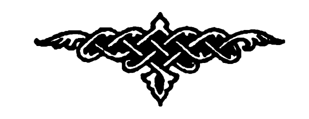
Услышав это, я радовался и трепетал, ибо меня объял ужас и неизреченная радость. Я стоял и смотрел, ожидая, когда отверзется завеса. И вот какая-то пламенная рука отверзла завесу, и я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, *сидящего на Престоле высоком и превознесенном, и вокруг Него стояли Серафимы* (Ис. 6, 1—2). Он был облечен в багряную одежду; лицо Его было пресветло, а очи Его с любовью взирали на меня. Увидев это, я пал пред Ним ниц, поклоняясь пресветлому и страшному престолу Славы Его. Какая радость объяла меня

при созерцании лица Его — того нельзя словами и выразить. Даже и теперь, при воспоминании о том видении, я преисполняюсь неизреченной радостью. В трепете лежал я пред моим Владыкой, изумляясь такому Его милосердию, что Он попустил мне, нечестивцу и грешнику, предстать пред Собою и созерцать Божественную Его красоту. Размышляя о своем недостоинстве и созерцая величие моего Владыки, я умилялся и повторял про себя слова пророка Исаии: *Горе мне! Ибо я человек с нечистыми устами, и глаза мои видели Господа* (Ис. 6, 5). И услыхал я премилосердого Творца моего, изрекшего мне пресладкими и пречистыми Своими устами три Божественных слова, которые так усладили сердце мое и разожгли его любовью, что я от теплоты духовной весь истаивал как воск, и исполнилось на мне слово Давидово: *сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей* (Пс. 21, 15). После этого все небесное воинство воспело предивную и неизреченную песнь, а затем — не понимаю и сам, как — снова очутился я ходящим по раю. И размышлял я о том, что не видел Пречистой Госпожи Богородицы. И вот я увидел мужа, светлого как облако, носящего Крест и говорящего:

— Пресветлейшую небесных сил Царицу хотел ты увидеть здесь? Но Ее нет здесь. Она удалилась в многобедственный мир — помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место, но теперь нет времени, ибо тебе надлежит опять

возвратиться туда, откуда ты пришел: так повелевает тебе Владыка.

Когда он говорил это, мне казалось, будто я сладко уснул; затем проснувшись, очутился я на том самом месте, где находился ранее, лежащим в углу. И удивился я тому, где я был во время видения, и тому, что сподобился видеть. Мое сердце исполнилось неизреченной радости, и я возблагодарил моего Владыку, изволившего явить мне такую благодать.



ВИДЕНИЕ СТРАШНОГО СУДА ХРИСТОВА, БЫВШЕЕ ГРИГОРИЮ, УЧЕНИКУ ПРЕПОДОБНОГО ВАСИЛИЯ НОВОГО

Преподобный Василий скончался около 944 года в возрасте ста десяти лет. Церковь называет его Новым, отличая от других подвижников, носивших то же имя и живших до него. Еще в молодости он оставил мир и подвизался в пустынном месте, обличая грешников, обращая их на путь покаяния, предсказывая грядущие события. Среди посещавших святого был Григорий, который стал его учеником и впоследствии описал свое видение страшного суда.

В ту же самую ночь, когда я почивал на ложе своем, я вдруг увидел себя на каком-то плодородном, светлом и прохладном поле, украшенном всевозможными прекрасными цветами. Веял тихий и прохладный ветерок, над полем носился какой-то светлый дым, от которого распространялось чудное благоухание. Когда я стоял там и дивился на все кругом, радуясь в сердце своем, вдруг подошел ко мне какой-то муж, светлый и прекрасный, в белой одежде, с жезлом в руке, и, приблизившись ко мне, спросил: «Что

стоишь здесь и удивляешься, глядя на все?» Я ответил ему, что не могу понять, как я вдруг очутился здесь. Тогда он мне сказал: «Это молитва отца твоего духовного привела тебя сюда, чтобы ты увидел то, о чем просил». «О чем же я просил, Господин?» Он ответил: «Когда ты говорил, что глубока и искренна вера евреев, а угодник Христов Василий на это ответил, что они отвержены Богом, то ты просил показать тебе какое-нибудь знамение — и вот Господь исполняет твое желание. Следуй теперь за мной, и я покажу тебе веру каждого народа и какая из них какую имеет силу пред Богом». И мы направились на восток.

Вдруг появилось облако, которое подняло нас и вознесло на высоту неимоверную. И казалось мне, что все это не во сне, а наяву. И увидел я какую-то дивную страну, незнакомую и странную; пока я удивлялся ей, облако отступило от нас, и мы оказались на каком-то незнакомом поле — светлом и прекрасном. Земля на этом поле была чистая и прозрачная, как лед или стекло, и оттуда были видны все концы земли. Там были юноши с огненными лицами, сладко и благозвучно поющие и пением своим славословящие в Троице Единого Бога. После этого пришли мы на какое-то страшное место, как будто объятое огнем Божиим. Увидев это место, я пришел в ужас; мне казалось, что меня привели сюда, чтобы сжечь здесь, но потом я заметил, что место это не горит, а только светится, подобно пламени.

Затем увидел я юношей — крылатых, дивно красивых и светлых; они двигались при помощи крыльев куда хотели, летали на высоту, и были они в белых как снег одеждах. И подумал я о них, что это Ангелы Божии, кадящие невещественный Жертвенник Божий. Затем вдруг оказались мы у какой-то страшно высокой горы, на которую поднялись с большим трудом. И повелел мне светоносный муж посмотреть к востоку, где я увидел другое поле, необъятно большое и страшное, блистающее, как золото. Когда я это увидел, сердце мое наполнилось неизреченной радостью. Затем увидел я какой-то город чудный и обширный, от которого пришел в умиление, и простоял несколько часов, как будто в забытьи. Я спросил своего проводника: «Господин, что это за город, такой обширный и странный, при виде которого ум мой помрачился?» Он ответил мне: «Это Вышний Иерусалим — это есть Сион нерукотворенный; он так же велик в ширину и длину, как свод небесный; построен он не из смолы, не из мрамора, не из дерева или стекла, так как все это тленные вещи; ты же видишь, что он чист и блестящ, как золото, а построен он из двенадцати каменьев». Красота и благолепие этого города таковы, каковых глаз человеческий не видел, и ухо не слышало, и мысль не может представить, и ум не в состоянии постигнуть — ни человеческий, ни ангельский. Высота стены его, мне кажется, не менее трехсот локтей или даже более, но никак не меньше этого. В нем двенадцать ворот, весь-

ма прочных и крепко запертых; все они одинаковы и блестят, как лучи солнечные.

Размышляя об этом чудном и дивном видении, я невольно сказал сам себе: «Если город этот снаружи представляется таким дивным и чудесным, то кто же может описать и кто может себе представить то, что находится внутри его!» И, придя в удивление и ужас от этого видения, я спросил провожавшего меня Ангела Господня: «Господин, что это за город и кто живет в нем, кто царь в этом городе, кто построил его и как он называется; какая это страна и зачем мы пришли сюда?» Тогда светлый юноша ответил мне: «Это город Великого Царя, о котором чудесно предсказал Давид; создал его Господь наш Иисус Христос по окончании Своей земной жизни и после Своей чудесной смерти и Воскресения, а по Вознесении Своем на небеса к Богу, Отцу Своему, приготовил его святым Своим ученикам и апостолам и тем, кто через их проповедь уверовал в Него, как сказал Сам Господь в Евангелии Своем: «В доме Отца Моего обителей много». А если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». Это вот и есть то дивное жилище, которое Он обещал им, и всем возлюбленным Его, и с усердием хранящим заповеди Его. Имя ему — Новый Сион, град христианский, град Высшей Митрополии. Немного погодя ты увидишь и живущих в нем, и не только людей, но и Царя их, ради чего ты и пришел сюда. Тогда узнаешь и увидишь, как исполняется слово,

что всякий верующий в Сына Божия и во Святую Соборную Его Церковь жив будет этою верою (ср. Рим. 1, 15) и учением святых Его учеников, и повелениями и заповедями святых и богоносных отцов. Неверующий же в это не наследует Жизнь Вечную, а будет предан вечному огню».

Пока мы вели эту беседу, вдруг явился посередине города холм высокий, как гора; вершина этого холма казалась блестящей, как раскаленное железо, и на ней сиял Крест дивный, освещая все кругом, а на Кресте — голубь, белый как снег, сияющий светом неописанным. Видя это, я удивлялся. Затем с неимоверной высоты спустился на этот город юноша, блистающий как молния, и начал все приготовлять и украшать, как будто готовясь к встрече Царя. Вслед за ним спустился и другой юноша, неся Престол чудный для ожидаемого Царя, и поставил его на вершине холма. После этого я услышал громкий голос, говорящий: «Вот, Царь хочет прийти в град сей с силою и славою великою».

Вслед за тем спустились с высоты четверо юношей — светлых и благолепных, держащих в руках по большой свече, горящей невещественным огнем, и запели согласно: «Возсия благодать Твоя, Господи, прииде слава святых Твоих, Вышний Сын Живаго Бога». Вслед за ними спустился с небес еще один юноша, провозглашая: «Вот, суд и воскресение мертвых будет, и воздаяние каждому от Праведного Судии наступит».

Тогда с высоты спустился столп огненный, и пламень огненный разливался из него по всему воздуху; столп этот не остановился над городом, но рассеялся на все четыре конца земли, и пламень объял всю вселенную. Затем раздался голос, страшный, как тысяча громов, говорящий: «Вот соделательная сила Вышнего, которая соберет всякое творение». И раздался этот голос над всеми костями человеческими, и стали собираться кость к кости, сустав к суставу и член к члену. Затем спустился еще один юноша, держа в руке свиток огненный — послание Господне к сатане, в котором сказано: «Окончилось владычество твое, ибо прошло уже время, которое дано было тебе царствовать по всей земле». Юноша стал пред сатаною и прочел ему это послание. Затем он с гневом повлек его из царских дворов на край земли, чтобы изверг он из себя всю злобу, погибель, гнев, неистовство, ярость, весь яд злой, всякую нечистоту, всякую неправду и всякие ереси, так как приблизился конец его, и он будет сожжен со всем своим воинством.

Потом видел я, как полки сил небесных на конях огненных разъезжали по воздуху; и послышался вопль мучительный, плач и рыдания многочисленные и ужасные: эти огненные всадники гнали перед собой и убивали всех тех, которые прельстились учением антихриста во время его владычества на земле. Затем видел я, как полки благообразных воинов сошли с небес и стали приготов-

лять землю к пришествию Господню. Среди них был один юноша, отличавшийся особенным благообразием. Он держал в руке трубу золотую; с ним было двенадцать других юношей с такими же золотыми трубами. Когда они сошли на землю, затрубил перед ними их славный Воевода, и звук трубы его раздавался от одного до другого конца вселенной, за ним затрубили другие двенадцать юношей, и такой раздался гром от звука труб их, что земля заколебалась, как море. Тогда сухие кости, лежащие в земле, облеклись плотию, но жизни не было в них.

Величественный Воевода затрубил во второй раз — и тотчас же открылись гробы, и все умершие от начала мира вышли из них. И вот спустилось безчисленное множество юношей. Каждый вел душу, которую при временной жизни охранял. Они направились к восстающим из мертвых, чтобы душу каждого человека направить в свое тело.

После этого в третий раз раздался звук трубный — отчего ужаснулись небо и земля, и все мертвые ожили. Моря, реки, озера, болота, леса и чащи со страхом возвратили целыми всех тех, которые погибли в них, отчего появилось безчисленное, как песок морской, множество человеческих существ. Возрастом все они были равны между собой — муж стоял вместе со своей женой, и всякий народ, все колена и роды были соединены воедино.

Не понимая таинства Воскресения, я был объят страхом и с трепетом думал: «Были в

персть превращены и вдруг стали целы», — и удивлялся, видя, как у некоторых из них лица сияли как звезды, у других же сияние было меньше, подобно тому, как сказал Божественный апостол: «Звезда от звезды разнится в славе». У одних лица сияли, как луна в темную ночь, у других — как дневной свет или как железо раскаленное, искры рассыпающее, а у иных — как солнце. У одних лица были белые и сияющие, как снег, у других цветом подобны морской волне, у иных же бело-румяные, блистающие. У каждого из них в руке была книга, а на челе — надпись. У одних было написано: «пророк Господень», у других «проповедник Божий», «апостол Христов», «мученик Господень», «евангелист» или «исповедник Господень»; многие же носили на челе надпись: «святитель Господень», или «праведник», или «преподобный Иисуса Христа». Каждый из них осенен был той добродетелью, которой был славен на земле; и я видел много различных надписей, указывающих добродетели восстающих из мертвых: «нищий духом», «смиренный сердцем», «претерпевший Господа ради в пустыне», «кроткий Господа ради», «милостивый и добрый», «чистый сердцем», «миротворец», «изгнанный правды ради», «ради зависти и лести пострадавший», «нищету и напасть претерпевший Господа ради», «воздерживавшийся Господа ради», «праведный пресвитер Господень», «честно послуживший службу духовную», «девственник Господень чистый», «положивший душу за ближнего своего», «сотворив-

ший правду», «научивший добру», «сохранивший ложе неоскверненным», «покаянием Господу угодивший», и много других различных добродетелей написано было на челах у восстающих из мертвых.

Также написаны были и пороки восстающих: «злоба», «лукавство», «нечистота», «скаредство», и разные другие грехи и беззакония. У одних было написано на темени, а у других казалось написанным на воздухе над головою — так что всем видны были грехи и беззакония их. Согрешившие же в христианстве и без исповеди скончавшиеся казались по виду скверными и нечистыми, с темными и мрачными лицами, и было их много. У одних лица были цветом подобны земле, смешанной с пеплом, или как гной, у других лица казались изгнившими, и черви кишели на лицах их. Видел я и лица черные, как у самого сатаны, и цветом подобные коже ехидины или коже ослиной; некоторые с головы до ног были покрыты гноем смердящим. Все они говорили, обращаясь друг к другу: «О, горе нам! Ибо это есть последний день, день пришествия Христова, о котором мы знали еще до смерти нашей и теперь восстали, чтобы получить по делам нашим. О, горе нам, несчастным и грешным, ибо мы осквернены и помрачены — Господь накажет нас! О, горе нам, ибо мы только теперь познали стыд и позор наш». И много они укоряли себя и проклинали день и час своего рождения, стоя и ожидая с поникшей головой приговора Праведного Судии.

Слышал я и других, говорящих: «Кто есть Бог и кто Христос — мы не знаем». «Мы многих богов имеем; мы угодили им, и они должны почтить нас», — говорили они самонадеянно.

Слышал я и следующие речи: «Если Бог Закона Моисеева воскресит нас, то мы получим от Него много добра, ибо мы рассеяны были по всей вселенной за то, что, кроме этого Бога, иного не хотели признать. Если же Сын Человеческий придет судить нас, горе нам будет: ибо мы возненавидели Его, хулили, ругали Его, делали Ему много зла и предали смерти; учеников Его убивали, не веря им и не признавая Богом их Учителя. И теперь мы сомневаемся — может ли Он прийти судить людей как Бог. Думаем, что вместе с нами и Он подлежит суду Божиему и будет судим за то, что говорил: «Я Сын Божий и равен Ему». Как хорошо было бы, если бы мы увидели Его здесь: тогда мы обличили бы Его во лжи, ибо Он считал Себя нашим Судиею и не раз называл Себя Сыном Божиим. Но мы-то хорошо знаем, что с Моисеем на горе Синайской говорил Бог — этот же никогда не видел Бога». Так, разговаривая между собою в ожидании Праведного Судии, иудеи просили друг друга: «Если кто увидит здесь Христа, пусть возьмет Его, и мы представим Его пред Богом».

Другие израильтяне во множестве стояли и говорили: «Горе нам, веровавшим не в признаваемого Законом Бога, но служившим ваалам, и астартам, и множеству других бо-

гов языческих и поклонявшимся двум златым тельцам. Не знаем, откуда приключилось с нами несчастье».

На некоторых из стоявших явились червленые слова: на мужчинах — «муж убийца», на женщинах — «жена убийца»; на других написано было: «тать» (то есть вор), или «блудник», или «идолослужитель», или «мытарь и хищник», «детогубец» или «детогубица», «завистник» или «гневливый»; на некоторых же было написано: «суровый и сердитый», «злосердый и немилостивый», «жадный и сребролюбивый», или: «еретик», «арианин», «македонянин» — и названия других всевозможных ересей. Стояли здесь и все некрещеные, и те, которые после христианского крещения согрешили, и все умершие без покаяния. Видя на себе обличения, они плакали горько и стенали. Я же смотрел на них, и весьма изумлялся, и был объят страхом.

И вот явились Ангелы, неся сияющий Крест. Они пели Божественную песнь. Они поставили Крест на Престоле — на виду у всех воскресших из мертвых. Народ изумлялся красоте Креста — иудеи же молча смотрели на него и трепетали от страха — на лицах их виден был стыд. Ударяя себя по лицу, они говорили: «Недоброе видим мы в этом знамении, явившемся во славе — это знамение Распятого! Если Он придет судить нас, то как мы встретим Его или где скроемся: ведь мы много зла сделали не только Ему Самому, но и верующим в Него».

И когда иудеи, рыдая, говорили так, водивший меня Ангел сказал мне: «Видишь ли, как они начали трепетать, глядя на честный Крест!» Я стоял на высоком месте, и мне казалось, будто я ношусь по воздуху, потому что я видел все от края до края вселенной и слышал все — даже то, о чем говорили где-нибудь лишь шепотом, доносилось до моих ушей; я все понимал, что бы кто ни говорил, и все это сохранялось в памяти. После этого я услышал сильный шум и говор, и страшный звук — и испугался. Но водивший меня святой Ангел сказал мне: «Не бойся, увидишь еще более этого».

И вот святые Ангелы расступились, и явился Судия, Который шел судить всех людей и воздать каждому за беззаконие, обличаемое надписью на челе. Пред Престолом Судии стали являться безчисленные страшные силы. Видя это, я еще больше устрашился. Но святой Ангел снова ободрил меня, сказав, что я должен разумно внимать всему, ибо происходящее перед моими глазами послужит мне на пользу.

Не успел он окончить своих слов, как вдруг блеснула молния, послышался страшный голос свыше, и земля сотряслась. Все праведники, от Адама до последнего земнородного, не только не устрашились, но стали еще больше радоваться и веселиться. Они молча тихо приблизились к Престолу Судии, сияя красотой, которой удивился бы всякий человек. Лица же идолопоклонников и неверных были мрачны — на них виден был страх.

Когда явился Крест и они поняли, что Христос идет судить всех, то пали духом и устыдились. Израильтяне до появления знамения Креста ожидали какого-то иного великого бога, но, увидев сияющий паче солнца Крест Господень и зная, что он является знамением христианской веры, возопили: «О, горе нам! Иисус Христос, Которого прославляют христиане, идет судить всех!» Их лица омрачились и исполнились стыда. Христиане же радовались и поклонялись Кресту, зная, что на нем Господь был пригвожден по Своей воле, ради спасения людей.

В это время вдруг явилось светлое облако с молнией и, осенив Божественный Крест, долго оставалось на нем. Когда же оно поднялось туда, откуда снизошло, вокруг Креста обвился пречудный венец красоты неописуемой. Иудеи и агаряне при виде его удивились и вострепетали, идолослужители, мучившие святых, от страха и изумления не могли слова произнести. Христиане же исполнились еще большею радостью и, воздевая руки, прославляли Господа.

И вот заблистала молния, послышался шум, гром — и явились Ангелы и Архангелы, направляясь к приготовленному для судилища месту. Весь воздух наполнился небесными силами, и всех объял трепет.

Грешники ужаснулись тому, что все их тайные помышления сделаются известными, ибо Господь сказал: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным и не обнаружилось бы». Престол Божий стоял не на земле, а на

воздухе, на высоте около сорока локтей; вокруг Престола, по четырем сторонам его, в воздухе носились Ангелы. Они отличались один от другого: одни были белые, как свет солнечный, другие подобны пламени, иные — золоту блестящему. Разделившись на четыре части, они наполнили всю поднебесную; земля же была наполнена людьми.

Затем с высоты небесной спустилась огненная колесница. Вокруг нее шестокрылые многоочитые Херувимы, громогласно, торжественно и победоносно взывавшие: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея». Ангелы воскликнули: «Благослови, Отче Вседержителю... Благословен Грядый во имя Господне, Господь Иисус Христос, Слово Соприсносущное Отцу». От их славословия содрогнулись небо и земля. Херувимы, пришедшие с колесницей, окружили Престол Божий. Евреи и агаряне, слыша, что Ангелы славят Господа нашего Иисуса Христа наравне с Богом Отцом, начали рыдать, говоря: «О, горе нам! Мы не ждали Его — и Он пришел».

СТРАШНЫЙ СУД БОЖИЙ

Разделение праведных и грешных

После этого раздался страшный звук трубы, возвестивший о приближении Судии. За ним вострубили другие трубы, появились царские хоругви и скипетры и, наконец, бе-

лое как снег облако. Посреди его — Господь наш Иисус Христос, а вокруг Него множество безплотных слуг Его, не смевших приблизиться к облаку. От благолепия Славы Божией мир осветился в тысячу раз светлее, чем от солнца. Как выразить это? Ум не в силах постигнуть, а слово передать все благолепие Божества.

Все устремили свои взоры на Господа, Ангелы же воскликнули: «Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь пришел судить живых и мертвых». Слышавшие и видевшие все это пали ниц и поклонились Судии. Затем Господь сошел с облака и сел на Престоле Славы Своей. Небо и земля затрепетали, как лист на дереве от ветра, люди же исполнились страха. И воззвали Ангелы ко Господу: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго, Которого распяли иудеи, Ты еси Божие Вышнее Слово, Которое Отец родил прежде всех век, сугуб естеством, волею и хотением. Един есть Господь Иисус Христос, Который воплотился от Девы Марии, не изменив естества, и пришел в мир творить чудеса и знамения. Ты еси Бог наш со Отцем и Святым Духом, и нет иного Бога, кроме Тебя».

После этого Господь взглянул на небо — и оно удалилось от взора его; взглянул на землю — и она бежала от лица Его, будучи осквернена делами человеческими, и, наконец, совсем скрылась, так что стоявшие на ней оказались в воздухе. Господь опять взглянул на высоту небесную — и небо ста-

ло новым; на тверди, вместо прежних светил: солнца, луны и звезд — явилось новое Светило Незаходимое — Христос Бог наш. Господь взглянул на глубину безмерную — и явилась новая земля, блистающая, как свет, и все на ней изменилось. Господь взглянул на море — и вода тотчас иссякла, превратившись в огонь, от которого поднялось пламя до небес.

Все были объяты страхом, потому что пламя это стало жечь и поедать неверных, грешных и идолослужителей, как только Господь взглянул на них, и огненные Ангелы возложили на них свои руки. Но не все нечестивые были ввергнуты в огненное море — некоторых Ангелы пощадили. Я обратился к водившему меня святому Ангелу, и он объяснил мне, что это те из иудеев, которые веровали в Божественный промысл и не поклонялись идолам.

Исполнилось слово Божие, написанное в Евангелии: «Там будет плач и скрежет зубов». Из огненного моря, куда были ввержены нечестивцы, слышен был плач, и вопль, и рыдание. Они мучились в страданиях и изнемогали, видя себя оскверненными греховными делами. Оставшиеся же невредимыми радовались, что приняли Закон Божий и хранили его.

После этого Господь воззрел на восток. Ангелы затрубили, и те из них, которые были на восточной стороне, разошлись по всей вселенной и, где только встречали людей со светлыми лицами, с великою радос-

тью целовали их. Так обошли они с быстротой молнии всю землю и, отделивши избранников Божиих от грешников, поставили их по правую сторону Судии.

После этого Господь воззрел на север и на юг, и Ангелы Божии привели оставшихся и поставили их по левую сторону; было их безчисленное множество, как песок морской.

Стоявшие по правую сторону Судии сияли неизреченным светом, а стоявшие по левую были мрачны. Обратившись к первым, Господь сказал: «Приидите, благословенные Отца Моего, и наследуйте приготовленное для вас от сотворения мира Царствие небесное; ибо вы кормили Меня, когда Я был голоден, утоляли Мою жажду, одевали Меня, когда Я был наг, служили Мне, когда Я был болен, в скорби и несчастии вы утешали Меня». На это праведники отвечали Судии: «Владыко Господи, никогда мы не видели Тебя голодным — и не кормили, никогда не видели Тебя жаждущим — и не поили, никогда не одевали Тебя, и в скорби и болезни не служили Тебе». Но Господь сказал им, указывая на святых, нищих духом: «Если вы им добро делали, то делали и Мне».

Затем, обратившись к стоящим по левую сторону, Он сказал: «Уйдите от Меня, проклятые, в огонь вечный, приготовленный диаволу и его слугам; ибо, когда Я был голоден, вы не давали Мне есть, когда Я жаждал, вы не напоили Меня, когда Я был странником, вы не приняли Меня, Я был в темнице,

и вы не навестили Меня. Уйдите от Меня, нечестивые, всю жизнь свою во грехах и беззакониях проведшие: Я не знаю вас!» Они же с плачем отвечали: «Господи, когда мы видели Тебя голодным или жаждущим, нагим или больным и не служили Тебе?» «Так как вы не сделали ничего этого, — отвечал им Судия, — никому из меньших сих, то не сделали и Мне. Уйдите от Меня, проклятые, оскорбившие Меня, ни во что вменившие Мои заповеди и повеления, возлюбившие минутное наслаждение плоти и гордость сатанинскую и чрез сие скверное житие послужившие диаволу! Наследуйте же уготованное ему вечное мучение!» (см.: Мф. 25, 31—45). Услышав такой строгий ответ, грешники начали горько плакать и просить о помиловании. Но Господь не простил их, и тотчас Ангелы схватили их и бросили в огненное море. В муках и терзаниях грешники взывали: «О, горе! Горе нам», — но их воплей никто не слышал, потому что они тотчас скрылись в огненной бездне.

Господь опять взглянул на новую землю — и украсилась она прекрасными садами; красоте их я не мог надивиться. Обратившись к водившему меня Ангелу, я спросил: «Каково будет Царствие Божие? Неужели может быть что-нибудь лучше этого?» Ангел отвечал мне: «Не знаешь, что говоришь: это та земля кротких, о которой Господь говорит в Своем Евангелии: „Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю“. Небесное же Царство еще красивее ее».

Господь опять посмотрел на землю — и она тотчас покрылась многоразличными цветами, красотой которых я был поражен. И потекли по земле, разлившись в садах ее, две реки: одна наполнена была чистым и сладким медом, другая — молоком. Реки не сливались одна с другой, и молоко не смешивалось с медом, а текли в разные стороны, напояя корни деревьев. После этого прилетели птицы небесные, прекрасные и разнообразные, наполнили сады и начали петь чудными голосами. Невозможно передать красоту их пения, восходившего до небес. После этого Господь взглянул на высоту небесную, и оттуда сошли во множестве Ангельские Силы, которые несли великий нерукотворенный Град — Иерусалим, славя в Троице Единого Бога. Творец же его — Бог.

Ангелы поставили град на востоке; посреди его был Рай Едемский. Окружен он был святыми Ангелами, врата же его сияли как солнце.

И вот Ангелы вострубили, и все творения Божии, небесные и земные, стали славить Бога. И воззвал Господь ко грешникам: «О окаянные и беззаконные, жестокосердые и ленивые, и все проклятые! Смотрите, каких благ вы лишились и какая мучительная участь ждет вас...» Затем Господь встал с Престола Своего и направился к стоявшим по правую сторону, говоря им кротким голосом: «Приидите, благословенные Отца Моего и возлюбленные Мои, и войдите в обещанную вам радость Господа Бога вашего».

Находившиеся же по левую сторону грешники издали следовали за Ним, желая видеть все происходящее.

Впереди всех шла Пресвятая Богородица.

Первой из всех стоявших по правую сторону пошла Жена, лицо Которой сияло, как солнце. Приблизившись к Господу, Она поклонилась Ему. Господь с радостью встретил Ее и, преклонивши пречистую главу Свою, сказал: «Войди, Святая Мати Моя, в радость Сына Своего, ибо все это — наследство Твое». Она же, поклонившись Господу и облобызав пречистые руки Его, весело и с радостью вошла во Святой град. И воспели все Ангелы и праведники, прославляя Ее как Матерь Божию и Царицу небесную.

После Пресвятой Богородицы пошли святой Иоанн Предтеча и двенадцать святых апостолов.

Затем от стоявших на правой стороне отделились двенадцать мужей в царских одеяниях и приблизились к вратам города. Вместе с ними был и святой Иоанн, Предтеча и Креститель Господень. Господь с радостью принял их, облобызал их и сказал им: «Войдите в радость Господа своего». Они поклонились Ему и с веселием вошли во Святой град. И Ангелы прославили о них Бога.

За апостолами шли семьдесят учеников Христовых.

Затем по повелению Судии пришли к вратам города семьдесят мужей в молниевидных одеждах и поклонились Господу. Господь повелел и им войти в город.

Видя все это, стоявшие по левую сторону горько рыдали и рвали на себе волосы, вспоминая свои беззакония, из-за которых они лишились стольких благ вечных. Евреи, не покорившиеся Христу и не крестившиеся, напрасно проклинали ни в чем не повинного Моисея, говоря: «Где он теперь? Мы не видим его; мы не видим того, заповедям которого мы были покорны, хотя и отвергли Христа». Они искали Моисея и не могли найти. Он же вместе с Авраамом, Исааком, Иаковом и другими святыми пророками Христовыми стоял на правой стороне.

За учениками Христа шли святые мученики и мученицы.

После этого по повелению Божию от стоявших на правой стороне отделилось великое множество людей с сияющими, как солнце, лицами и в червленых одеяниях. Это были святые мученики и мученицы, пролившие за имя Христово кровь свою. Приблизившись к Господу, они поклонились Ему. Господь принял их с радостью и повелел им войти во Святой град Свой.

За мучениками шли исповедовавшие святую веру.

После них приблизились к городу другие, с сияющими лицами, в блестящих, как огонь, ризах. Это были исповедники Христовы. И они вошли в радость Господа своего.

Благовестники.

За исповедниками приблизились к городу благовестники. Лица их блестели, как

снег, ризы сияли, как золото блестящее. Они тоже вошли в радость Господа своего.

Святители.

После благовестников подошло ко вратам Святого града немалое число людей с сияющими, как солнце, лицами, в белых, как снег, ризах. Они имели омофоры на плечах своих. Это архиереи и святители. Господь повелел им войти в славу Свою. Ангелы же и о них прославили Бога Вседержителя.

Воздержники и постники.

Затем с правой стороны приблизился к городу полк великий, с белыми, как крин, лицами и поклонился Господу. Это были воздержники и постники. Господь повелел и им войти в город.

Иноки, трудившиеся ради Христа.

Господь вновь обратил взор к правой стороне, и оттуда пришло к Нему множество иноков, очистившихся истинным покаянием. Господь повелел и им войти. Воздев руки, они прославили в Троице Единого Бога.

Инокини смиренные.

За иноками и постниками приблизились инокини, отказавшиеся от всего мирского и последовавшие за Христом. Господь повелел им войти, и они, радуясь, вошли в город.

Мученицы жены.

Затем пришли мученицы жены, ради имени Христова пролившие кровь свою. И их Господь принял в Свой град.

Видя это, осужденные, стоявшие на левой стороне, взывали: «Скольких благ мы

лишены вследствие своего неразумия, ослепления и помрачения!» Видя славу святых, дивный град, благолепие красоты Господней, они били себя по лицу и рвали волосы, осуждая самих себя.

Праведники.

Вновь Господь обратил взор к стоявшим по правую сторону, и оттуда пришли к Нему праведники с сияющими, как луна в темноте ночной, лицами. И они вошли в радость Господа своего.

Авраам, Исаак и Иаков.

После праведников Господь призвал Авраама, Исаака, Иакова и двенадцать патриархов. Они подошли, одетые в белые ризы. Господь повелел им войти во Святой град, и они вошли, радуясь и воспевая Бога.

Пророки.

За ними прошли все пророки, кроме Моисея и Аарона, блистающие, как звезды небесные, и с радостью вошли в город.

Судьи Ветхого Закона.

Затем подошел Моисей; лицо его сияло славою Божиею, ризы блистали, как молния. С ним были Аарон, Елеазар и двенадцать мужей, которые пророчествовали некогда о Христе. Между ними были и все судьи израильские — от Гофониила и до пророка Самуила. За ними — Давид — царь и пророк, и все цари израильские благочестивые, и все двенадцать колен Израилевых, строго соблюдавших Закон Моисея до пришествия Христова и не поклонившихся языческим богам.

Первые, послужившие Богу.

Затем призвал Господь Адама, Авеля, Сифа, Эноса, Эноха, Ноя, Мелхиседека и прочих святых Своих мужей и жен. Все они вошли в радость Господа своего, ибо Он повелел служителям Своим дать им достойную награду за подвиги и труды.

За ними пришли немногие другие — именно те, которые еще до пришествия Христова исполняли делами своими Закон, хотя и не знали его, и не поклонялись идолам, но чтили истинного Бога. Господь повелел им войти, и они удостоились неизреченной радости.

Юродивые Христа ради.

Затем подошел весьма малый собор, сияющий необыкновенной славой небесной. Со многим дерзновением вошли они во Святой град. Это были юродивые Христа ради, униженные, осмеянные людьми, претерпевшие много зла, за что и удостоились радости.

Нищие духом.

Господь повелел прийти и другим, находившимся на правой стороне, и к Нему приблизилось множество народа; лица всех были прекрасны, ризы их блистали. Это были нищие духом. И они вошли во Святой град.

Плачущие в молитвах.

Затем явилось собрание, покрытое светлым облаком. Господь обратился к ним и сказал кротким гласом: «Войдите, войдите, возлюбленные Мои, в радость Господа свое-

го, пожинайте плоды трудов своих». Это были плачущие.

Кроткие и смиренные.

За ними подошел к вратам Святого града иной честной собор; одеяние на пришедших было световидное, и они вошли в Святой град. Это были кроткие и смиренные.

Судьи справедливые Нового Закона Христова.

После них пришел малый собор. Лица их были чисты, как мед каплющий; ризы их сияли, как свет. Господь с любовию повелел им войти. Это праведные судьи, не требовавшие награды, не боявшиеся сильных, но судившие всех справедливо.

Милостивые.

После них призвал Господь другой лик. Пришедшие к Нему были в ризах червленых и с венками на главах; лица их были покрыты миром благовонным. Господь повелел им войти во Святой град. Это были милостивые.

Осмотревшись вокруг, я увидел неизреченную славу Святого града, видел прекрасные палаты и множество жилищ, которые должны были наполниться. Вошедших было великое множество, но они, мне казалось, не наполнили и четвертой части тех палат, которые были для них приготовлены.

Миротворцы.

Опять взглянул Господь на стоявших по правую сторону. От них отделился малый собор и приблизился к Господу; на всех одежда была бела, как хрусталь, и лица

светлы весьма; и они вошли во Святой град. Это были миротворцы.

Изгнанные за правду.

Затем Господь призвал великий полк, сияющий великой славой и честью; с веселыми и радостными лицами они вошли в Святой град. Это были изгнанные за правду, и поруганные, и избиенные без вины; за все, что они перенесли за имя Христово, они вошли в радость Господа своего.

Девственники.

После этого пришел другой великий собор; лица их были белее снега, а одежда сияла, как молния; в руках они держали золотые свечи. Этих также с радостью принял Господь и повелел им войти во Святой град. Это были те, которые не осквернили своего девства.

Жены честные и непорочные.

Опять посмотрел Господь на стоящих по правую Его сторону, и подошел к Нему малый собор. Лица их были необыкновенно красивы и румяны, а одежда была бела как снег, головы же украшены венцами. Они пришли и поклонились Господу, и Господь повелел им войти в Святой град; Ангелы же святые прославляли о них Господа. Это были жены, которые честно и непорочно пожили в замужестве и не осквернили ложа своего, к тому же были милостивы и помогали бедным, ходили в церковь на молитву, и за то удостоились наслаждения вечными благами.

Увидев это, я спросил водившего меня святого Ангела: «Молю тебя, скажи мне, мо-

жет ли в этой вечной жизни жена иметь своего мужа, если захочет того, или муж — жену, если они нескверно и в страхе Божием провели временную жизнь?» На это Ангел отвечал: «Здесь нет места желаниям суетного мира; они пришли в вечную жизнь, где нет ничего тленного, плотского, но все они живут, как Ангелы Божии». Я спросил и о многом другом, увиденном и узнанном мною прежде; и святой Ангел Божий все по порядку объяснил мне.

Затем я увидел, как святой Крест поднялся с того места, на котором стоял, и, приблизившись к Святому граду, остановился у ворот, где стоял Господь, призывавший Своих святых и вводивший их во Святой град.

О гневе Господнем на тех, которые согрешили в Ветхом и Новом Завете.

Многое множество грешников стояло по всей земле, как песок морской, от времен Адама и до последнего дня пришествия Христова, от всякого народа и племени. Они стояли с лицами мрачными, злобными, заклейменными печатью отверженников, и трепетали от страха, ужасаясь вечных мучений. Многие и из христиан православных стояли со страхом, не ожидая помилования, потому что были христианами только по имени, но Заповедей Христовых не соблюдали. Они наследуют сугубую муку за свое отступничество.

И увидел я в руках Господних огненный жезл, которым Он разделил всех грешных по их племенам и народностям, отделил веру от

веры и поставил особо повинных в различных ересях; и каждому грешнику определил место.

Отдельно поставил грешников из иудейского народа, которые не сохранили Моисеева Закона, но поклонялись идолам до пришествия Христова на землю. В другой же части оказались те иудеи, которые по пришествии Господнем не уверовали в Него и распяли Его, и соделали много зла святым ученикам Его и апостолам.

Господь с гневом посмотрел на запад, и явились молниевидные Ангелы, которые наблюдали за муками, и начали они ввергать грешников в огненное море. Грешники же рыдали: «О, тяжело, тяжело!» — и погружались в огненную бездну.

Все это показал мне святой Ангел.

Об отвергшихся от Христа.

После этого утаенные Ангелы пошли на ту сторону, где были те христиане, которые во время гонения отверглись от Господа нашего Иисуса Христа. Их постигла та же участь: они были брошены в огненное море. Они громко начали кричать, с мольбою взывая к Богу: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!», но не были помилованы.

О разбойниках и убийцах.

Затем Господь отделил иную часть: находившиеся здесь имели одежду и руки, обагренные кровью — это были разбойники и убийцы. Ангелы бросили их в огненное море, они же кричали и плакали, говоря: «Помилуй

нас, Страшное Слово Бога и Отца», но не получили ни от кого пощады.

Были здесь и те, которые сами себя удавили, или мечом или ножом закололись, чем оскорбили Бога, а диавола порадовали, — а потому и будут мучимы вместе с диаволом.

О ворах и мошенниках.

После этого были отделены и поставлены особо грешники, все темные и испускающие зловоние; одежда их была разорвана, а на ногах — козлиные кожи. Господь повелел Ангелам взять и этих. Ангелы связали им руки и ноги и бросили в огонь. Это были воры и мошенники. Когда Ангелы бросали их в огненную бездну, огонь разгорался все сильнее; от пламени слышался страшный шум и гром; ввергаемые же грешники скоро опалялись, как сухие тростники.

О клятвопреступниках.

Таким же образом отделились и другие от стоявших по левую сторону Судии и стали против Него. В ноздрях их кишели черви, из уст исходило зловоние; одежды их были очернены дымом, а лица мрачны. Они навлекли на себя гнев Господень тем, что были лживы и клятвопреступны и многим причинили вред, забыв о Боге. За это Господь и передал их в руки злых и немилосердых ангелов, которые схватили их и подвергли мучениям. В муках грешники просили пощады, но им не было помилования.

О гневливых, свирепых и злопамятных.

После клятвопреступников, отстоящих по левую сторону, Господь немало отделил

грешников, покрытых тьмой и имевших дикие лица, скрежещущих зубами, с языками, свисающими изо ртов, как у собак, из глаз их сыпались искры. Это были гневливые, злые, злопамятные, завистники, клеветники, насмешники и ругатели. И этих Господь осудил на страшные муки, и Ангелы-мучители бросили их туда, где червь неумирающий. Они же горько плакали; вместо слез из глаз их текла кровь, но пощады им не было.

О тех, которые делали всякие несправедливости.

Затем было отделено очень много таких, у которых лица были очернены сажей, одежда замарана кровью и гноем, ноги отекшие и посиневшие. Эти грешники оставались безответными пред обличающим их Богом, так как ни исповедью, ни милостынею не очищали душ своих от грехов и не умилостивляли тем Судию. Но более всего они осуждаются за то, что не воздерживались от гнева и не прощали обижавшим их.

От Ангела, который был со мною, я узнал, что действительно, прощением обид своим ближним люди приносят себе большую пользу на страшном суде. Строгий Судия является им кротким, и они смело могут сказать Ему: «Прости нам, так как и мы прощали». И Господь не только им прощает, но и Царство небесное дарует.

Но горе тем, которые не захотели воспользоваться этой добродетелью для приобретения своего спасения, в особенности же тогда, когда им воспрепятствовала в этом их

гордость. Желая отмщения, мы замышляем зло против своих врагов, но в действительности не можем им причинить вреда, потому что Бог разрушает злые замыслы; вредим же только самим себе, так как теряем всякую надежду на спасение. В самом деле, никакой враг не может причинить нам столько зла, сколько мы сами себе причиняем, и тем губим себя. Если же кто сам себе не вредит, тому не может повредить и сам сатана; и врагов у такого не будет, если он сам себе не враг. Из этого следует заключить, что мы должны поносить и презирать самих себя, а не своих ближних.

В числе стоявших по левую сторону были и те, которые предавались объедению и пьянству. И на этих разгневался Господь, и Ангелы схватили их и ввергли в огонь.

О прелюбодеях.

Затем Господь отделил от стоящих на левой стороне весьма большую часть. Их одежда была испачкана грязью, в волосах ползали черви. Из глаз исходила кровавая пена, лица были гнойны. Черви точили их внутренности и самое сердце, на ногах висели пиявки, которые пили их кровь, а из ноздрей исходил смрад, как от мертвого трупа. Увидев их, Господь разгневался и сказал: «Род прелюбодейный, в похотях своих блудивший, да пойдет он в муку вечную».

Услышав это, они заплакали и закричали: «Помилуй нас Боже и пощади Свое создание! Хотя мы и согрешили, но от Тебя не отступили и не поклонялись богу чужому».

И тогда Ангел вострубил три раза, и Господь сказал: «Отойдите от Меня, проклятые, чтобы Я не видел вас; если бы слезы и покаяние вы принесли прежде смерти, то могли бы очиститься от грехов, а теперь, находясь в муках, и сам сатана кается! Нет, отойдите от Меня, проклятые, в огонь вечный!» И тотчас Ангелы схватили их и бросили в огненное море.

О монашествующих.

Далее отделил Господь от стоящих по левую сторону весьма большой полк в иноческом одеянии. Ангелы схватили их и повлекли пред судилище Христово. Увидев их, я пришел в недоумение: как это бывшие иноками ради Христа оказываются теперь на левой стороне? Лица их были мрачны, как сажа, они держали потухшие светильники, без масла. На шеях их виднелись леность и небрежность в образе птиц — сов. Над ними висели задумчивость и неряшливость, как змей, а непокорливость, как тяжкое железо, обхватывала хребет их.

Господь посмотрел на них строго и укоризненно, за то что одолели их страсти, что они не исполнили своего обещания и были рабами своих плотских страстей. Они же начали взывать: «Помилуй нас, так как мы Тебя одного признавали и Святому Твоему имени служили день и ночь, Твоим именем прогоняли бесов и пророкали будущее». В ответ Господь сказал им: «Отойдите от Меня, служители страстей и любители похоти плотской. Отойдите в муку вечную. Вы не слушали прежде Моего голоса, теперь Я вас не слу-

шаю». И Ангелы повлекли их в огонь вечный и тяжкую муку.

И сказал мне святой Ангел, что при кончине мира монашеский чин почти весь попадет в погибель, потому что мало таких, которые возлюбили труд, и смирение, и злострадание. В конце века начнется царство сатаны, который всякими кознями многих привлечет к себе, больше же всего таких, которые не возлюбили Христа ради нищеты, злострадания и смирения, а потому легко поверят прелести антихристовой, отвергнутся от Христа и навеки погибнут.

О младенцах, не просвещенных святым крещением.

И после этих отделил Господь от левой стороны слепых, но ходивших по мановению Божию. На них не было ни печати зла, ни печати добра. Посмотрел Господь на них и сжалился над ними с кротостию. На родителей же их грозное обратил внимание, осуждая их за то, что не просветили их святым крещением. И повелел Господь святым Своим Ангелам даровать им покойное место на западе и несколько причастное наслаждению вечному, но так, чтобы они не видели лица Господня.

Они же всегласно прославили Бога: «Владыко, Господи, благословен Ты и благ, и милосерд, потому что, как Господь жизни и смерти, лишил нас временной жизни неисповедимыми Твоими судьбами; но одного у Тебя просим: помилуй нас, Господи!» И Господь даровал им малое утешение.

Это были младенцы, не принявшие святого крещения. Возрастом все они были одинаковы.

О еретике проклятом Арии и его соборе.

После этого отделил Господь от левой стороны нечестивое соборище Ария. Составлявшие этот собор имели лица как у самого сатаны, головы их змееобразны, а из уст исходили злосмрадные черви.

Александрийский пресвитер Арий учил, что Сын Божий есть только первое и совершеннейшее творение Божие, но не Бог, и не безначален, но сотворен во времени, и если называется Богом, то не по существу, а только потому, что Он выше всех тварей по Своим совершенствам. Лжеучение его было отвергнуто Церковью на Первом Вселенском соборе в Никее в 325 году.

Господь грозно посмотрел на них, в особенности же на Ария, который многих соблазнил в свое лжеучение, уча, что Сын Божий — тварь и не Единородный, не единого существа с Богом Отцом. Господь сказал ему: «Не Я ли Богочеловек Иисус Христос, соприсносущный Отцу: как же ты Мое Божество низвел в тварь и этих прельщенных тобою людей довел до вечной муки?» Сказав это, Господь отвратил от них лицо Свое. Ангелы же огненные внезапно схватили их, возложили на них тяжелые железные вериги и бросили их в лютейшую муку, где сам сатана с бесами и Иуда-предатель мучаются, и все нечестивое сборище сатанинское.

О еретике Македонии и его соборе.

И еще схватили грозные Ангелы и привлекли к судилищу Христову нечестивое сборище Македония. У них лица были дики и свирепы, как у тигров разъяренных. Из уст их исходили смрад и зловоние, глаза их сверкали сатанинской злобой.

Обратившись к лжеучителю Македонию, Господь сказал: «Если Я не буду обличать тебя, то Святой Дух, похуленный тобою, придет и осудит тебя, потому что Он есть Истинный Бог». И вдруг все силы небесные и святые Божии торжественно и победоносно воспели Божественную песнь, прославляя Святого Духа: «Царю небесный, Утешителю, Душе Истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Прииди и явися, да посрамится похуливший Тебя всескверный лжеучитель Македоний».

По окончании пения с высоты воссиял свет великий, озарение огненное, пресветлое, и заблистали молнии страшные. И явился Престол, сделанный как будто из изумруда, на котором Господь Дух Святый — Утешитель — в образе белого голубя парил над Престолом Праведного Судии, Единородного Сына Божия. Ангелы и собор праведников Божиих прославили Отца и Сына и Святого Духа — Троицу Единосущную и Нераздельную. Таким образом был посрамлен скверный Македоний со своими единомышленниками.

Затем явились Ангелы огненные и, бивши их немилосердно веригами, низвергнули в бездну адскую. А Святой Животворящий Дух взошел со славою туда, откуда сошел.

Конец суда Божия.

И в тот час кончился страшный суд Божий, так как нечестивцы низвергнуты были в бездну, и закрыла земля свои уста, и затворились врата адские.

Вдруг послышалось неизреченное пение Ангелов, воздающее славу Праведному Судии. И вошел Господь во святой великий град, Горний Иерусалим, и вместе с ним Ангелы, и затворились врата града. Воссев на Престоле Славы Своей, Господь повелел Ангелам принести все духовные сокровища небесные. По мановению Божественному явились пред Ним все святые, и Господь начал одарять их по числу добродетелей их, кто сколько мог вместить, особыми дарованиями.

Дарование Пресвятой Богородице.

Первой подошла к святому Престолу Пресвятая Богородица, Матерь Господа нашего Иисуса Христа. Тотчас Господь, сняв с Пречистой Главы Своей чудный венец, возложил его на главу Пречистой Своей Матери и сказал: «Приими, Мати Моя, славу сию, которую даровал Мне Отец Мой, победу над диаволом и смерти одоление, которое Я совершил, приняв плоть от Тебя».

Затем Господь дал Матери Своей первую одежду — багряницу, в которую Сам одевался, будучи Богочеловеком, — и мно-

гое множество различных неописуемой красоты цветов и предметов невещественных; и весьма почтил Ее, как Матерь Божию. Господь похвалил душевную и телесную чистоту Ее, вспомнив и все Ее теплые слезы, и усердные молитвы, которые Она возносила к Нему за всех христиан. И поставил Ее Госпожою и Владычицею над всеми небесными силами и над всеми святыми. И все силы небесные воспели чудную песнь, прославляя Матерь Божию. Неизреченная слава осияла Ее, и по мановению Сына Своего, Она вошла в чертог, красотой и великолепием превосходящий красоты Горнего Иерусалима.

Дарование двенадцати апостолам.

После сего призвал Господь Своих святых учеников и апостолов и дал им царские одежды, украшенные разными драгоценностями. И дал им двенадцать престолов, устроенных из чистого золота и украшенных драгоценными камнями и бисером. Затем, взяв венцы, сияющие светом солнечным, возложил на главы их, венчая их как царей. И повелел им воссесть на двенадцати престолах и назначил судиями над двенадцатью коленами Израилевыми, то есть старейшинами-владыками, и поставил их над всеми святыми — оценивать их труды и подвиги, совершенные во временной жизни, и воздавать им небесные духовные дарования. Ибо, по слову Святого Писания, святые апостолы в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на Престоле Славы Своей, сядут и они на две-

надцати престолах судить двенадцать колен Израилевых (ср. Мф. 19, 28), и получат в Вечной Жизни блага, превосходящие блага всех.

И в тот же час воссели апостолы на престолах вокруг Господа своего, силы же небесные и все святые прославили благость Божию.

Дарование ученикам Христовым.

После сих были призваны Господом семьдесят апостолов. И одарил Он их бессмертными дарами по числу добродетелей их, и возложил на главы их неувядающие венцы, сияющие славой и красотой неизреченной.

Потом Господь призвал мужей апостольских, то есть преемников святых апостолов, епископов христианской Церкви. Среди них были священномученики. Господь похвалил их за самоотверженные труды и подвиги, и увенчал их прекрасными венцами, и одарил многочисленными дарованиями...

Таким образом, весь собор святых, призываемых Господом, подходил к Престолу Славы Божией: пророки, святители, мученики, проповедники, благовестники, преподобные, праотцы, отцы, патриархи, воздержники, девственники, милостивые, кроткие, изгнанные правды ради, незлобивые, и все святые, всякого чина и звания. И всех их милостиво одаривал Господь небесными дарованиями, и, принимая их, они просвещались славою небесной, сияя неописуемым светом и блистая всякой добродетелью...

Божия Церковь.

Затем явилась святая Божия Церковь. Помост небесной Церкви Божией блистал чистым золотом; по этому помосту ходили юноши, весьма красивые. Они были в сане диаконском: обязанность их была приготовлять все к Богослужению. Церковь имела в ширину около трех тысяч стадий и представляла собой громаднейшее здание, крестообразное в плане, с четырьмя куполами; внутри ее было три алтаря; по сторонам ее — четыре улицы. Здание это было нерукотворно и невещественно, но создано рукою Божиею. И внутри все было сделано из чистого золота и дорогих камней, блиставших, как солнце. Стены Церкви были прозрачны, так что находящимся внутри можно было видеть стоящих вне, а находящиеся вне легко видели все, что происходило внутри. Вместо обыкновенных мраморных столпов своды этого великолепного здания поддерживали облака.

Приготовив все, юноши громко возгласили: «Благослови, Владыко!..» Господь воссел на Своем дивном Престоле, и двенадцать апостолов, по шести с правой и левой стороны, воссели на своих престолах. Обратившись к диаконам, Господь сказал: «Призовите сюда всех избранных Моих». И тотчас вострубил Ангел, и глас трубы говорил: «Приидите, благословенные Отца Моего, в Церковь славы святыя Моея, да совершим новую жертву веселия».

И тотчас все святые начали входить в Церковь. Пресвятая Владычица наша Бого-

родица вышла из чертога Своего и, войдя в храм Господень, подошла к Сыну Своему, Господу нашему Иисусу Христу. На Ней были дивные одежды, на главе венец, дарованный Господом, как говорит Святое Писание: *Предста Царица одесную Тебе, в ртах позлащенных одеяна преукрашена.*

Потом пришли семьдесят апостолов, сияя неописуемым светом, а за ними все святые: мужи апостольские, священномученики и пророки, праотцы, патриархи, преподобные и праведные, которые удостоились этой великой славы. Воздав хвалу Богу, каждый лик вставал на своем месте в святой Церкви, ибо все места имели надпись, говорящую, какому чину святых каждое предназначено.

Тотчас воссиял необыкновенный свет в сердцах их, мир Божий умастил сердца их сладостию Божественной, сердца их исполнились неизреченной любовью и желанием непрестанно воспевать благодарственные песни.

И вот Великий Первосвященник и Архиерей благ грядущих, Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос сошел с великолепного Престола Своего совершить Божественную литургию. Он был облачен во все первосвященнические одежды; поверх саккоса возложен был омофор, на главе — митра чудной и неописуемой красоты... Херувимы и Серафимы, со страхом и трепетом паря вокруг Него, служили Ему, воспевая Трисвятую песнь. Прочие же Ангелы,

которых было безчисленное множество, предстояли окрест Престола Господня. Двенадцать апостолов сослужили Господу; они произносили возгласы, пели же Ангелы... Когда оканчивалось ангельское пение, святые отвечали им.

Когда пришло время Приобщения святого, причастился Сам Господь от Духовной Манны Живота Своего. Потом причастилась Матерь Божия, Царица неба и земли, из пречистых рук возлюбленного Сына Своего. Потом двенадцать апостолов, Предтеча Господень Иоанн и семьдесят апостолов, затем пророки и все святые по чину подходили к Великому Первосвященнику, Сыну Божию, Господу Иисусу Христу, и все причастились небесного Хлеба и пили новое вино духовной радости в Царствии Отца небесного, и напоевались сладостию Божественной, и радовались, и хвалили Бога.

Потом открыл Господь страшные тайны Своего Присносущия всем избранным Своим. Тотчас все уразумели всю сокровенную мудрость непостижимого учения. И не преставал глас хвалы и благодарения из уст небожителей; и обожились, и явились сопричастниками, и братиями, и сынами Единородного Сына Божия, благоволением Отца и содействием Святого Духа.

И вышли из храма все святые и все дщери Нового Сиона, небесного Иерусалима. Трапеза чудная ожидала праведников.

Господь наш Иисус Христос направился в Свой чудный чертог, находящийся к вос-

току от святого града Сиона. Херувимы и Серафимы в ожидании стояли пред величественными вратами дивного чертога. Тут же была установлена пречудная трапеза, исполненная дивных благ и различных духовных брашен. Эта трапеза была приготовлена двенадцати апостолам; были же тут и другие трапезы для всех праведников и святых; и каждому было предназначено свое место.

Господь вышел из Своего Божественного чертога, сопровождаемый служащими Ему Ангелами, и возлег на трапезе Своей духовной со всеми избранными Своими, в невечернем и неизреченном свете. Рядом с Ним Матерь Его и все от народов, уневестившиеся Церкви. Господь, обратившись ко всем возлежащим с Ним, сказал: «Братия мои, и друзья, и все угодившие Отцу Моему и Мне, ядите и насытитесь вечных Моих благ, которые приготовлены вам от сложения мира».

Они, услышавши это, возвеселились радостью великою, и насыщались невещественными благами, и пили вино вечного веселия. Все поставленное на трапезе не убывало, как это обыкновенно бывает на земных столах, но оставалось цело, как будто никто и не прикасался к ней.

Едемский рай.

Когда избранные насытились духовной небесной пищей, тогда востал Господь от трапезы Божественной, и все святые последовали за Ним, направляясь к востоку. И вошли в чудный вертоград. Это — рай Едемский, Богом насажденный, из которого

изгнан был Адам за то, что не исполнил Заповеди Божией. Войдя внутрь, все изумились виденному, и в великой радости веселились и наслаждались красотами Едема, и рассматривали чудные древа и благоуханные райские цветы, и вкушали от сладости плодов райских.

Ангелы же восхваляли благость Божию, поя чудную песнь: «Аллилуиа, Аллилуиа, Аллилуиа», — и другие Божественные песни.

Много времени рассматривали святые красоту райскую, необозримую широту вертограда Божия. Показав избранным Своим Богосозданное жилище праотцев и обещанное жилище святым, Господь возвратился в Горний Иерусалим.

О прошении святых у Господа.

И воззвали святые ко Господу: «Дай нам, Владыко, благодать сию: да воздвигнем и здесь, в вечной и блаженной жизни, как и в том мире, церкви во имя Твое Святое, чтобы в них, как и прежде, сходиться нам и славить Тебя, со Отцем и Святым Духом, и прославлять Пресвятое имя Твое».

И простер Господь всесильную десницу Свою, и благословил крестообразно на все четыре стороны, и сказал: «Приидите с высот Моих, преблагие селения Мои, приготовленные Моим святым избранникам». И тотчас вся земля и весь воздух воспалились снеговидным пламенем, и длилось это чудо продолжительное время, и поднялось это пламя на высоту небесную, и сошли с высоты небесной безчисленное множество

селений Божиих чудной красоты, с храмами Божиими и палатами, и чертогами, и садами. В вертоградах древа приносили каждодневно плоды, благоухающие Божественными ароматами.

В этой новой и нетленной жизни нет ни лета, ни зимы, ни дня, ни ночи; нет нужды ни в дожде, ни в теплоте солнечной, ни в возделывании земли; нет заботы ни о пище, ни о питии, нет ни печали, ни скорби. Ветхое разрушилось, и явилось все новое: новая земля, и новое небо, и человек нов. По слову апостола: «Вся нова тварь во Христе» (ср. 2 Кор. 5, 17).

Житие их мирно и безпечально, ибо им чужды всякие телесные похоти. Они не знают ни гнева, ни ревности, ни лихоимства, ни злобы, ни гордости — все это низвержено и заключено вместе с диаволом в преисподней. И всем, сподобившимся нетленной жизни, нет надобности трудиться, но они вечно упокоиваются и радуются, славословя Господа, дивного во святых Своих.

И видел я, как эти чертоги, и храмы, и вертограды Ангелы Божии, по повелению Господню, раздавали святым, каждому по достоинству, как сказано в Святом Писании об обителях святых. Получив обители на земле кротких, входя в них и исходя, святые призывали друг друга праздновать духовно, и непрестанно веселились божественно. И слышен был несмолкаемый глас шума празднующих, глас непрестанного веселия духовного.

Некоторые из них ходили по новой земле, другие имели огненные крылья и парили в воздухе. И, созерцая все это, приходил я в восторг духовный и радовался. Великие же праведники, подобно Серафимам, имели крылья огненные.

О великих праведниках, подобных Серафимам.

После этого по повелению Царя Христа вострубили Архангелы трубой Божией величественно и торжественно, так что вздрогнули и радостно вострепетали небо и земля, и на высоте небесной отверзлись врата дивные, охраняемые Серафимами, Херувимами, Престолами, Архангелами и Силами Господними. И все воскликнули победную песнь, встречая Искупителя мира, Великого Первосвященника и Вечного Архиерея, Сына Божия, прославляя Его победу над сатаной, адом и смертью.

Матерь Божия восходила одесную Сына Своего, сияя красотой и величием.

С Ними взошли и некоторые святые, стяжавшие великие добродетели. И даны им были крепкие крылья, на которых они могли летать куда хотели. Вошедшие во врата небесные стали невидимы для меня. Я спросил у водившего меня Ангела: «Куда Владыко восшел?» Он сказал: «В Царствие небесное вошли они, в Сион небесный Божий». Я же спросил: «Как же некоторые взошли с Господом, другие же остались на земле?» И он ответил мне: «Только те сподобились этой великой славы, которые премногим воздержа-

нием достигли совершенного безстрастия». Это истинные подвижники, которые презрели все земное и прежде смерти умертвили себя миру. Оставшиеся же на земле суть те, которые во временной жизни праведно пожили и, исполнив Заповеди Христовы, угодили Господу, пребывали в чистоте супружества, очистили себя милостынями, и многими молитвами, и покаянием и уклонялись от всякого злого и богопротивного дела — словом, праведно пожившие и в покаянии скончавшиеся. Все они водворились как бы в предместьях Святого града, в уготованных им селениях и вертоградах. Иные же удостоились жить и во Святом граде. Таковы монахи, свято и благочестно пожившие и без претыкания совершившие Заповеди Господни; они вместе с другими, избранными Божиими, удостоились воспринять праведных своих трудов воздаяние, веселие вечное и жизнь нескончаемую.

Слова Господни Григорию.

Потом я увидел опять Господа, выходящего из врат небесных с небесными силами и со всеми святыми, восшедшими с ним в небесный Сион; и все они сияли славой небесной, многократно превосходящей прежнюю славу их, и дерзну сказать, не погрешив, что были они подобны Господу. И радовались они, и веселились духовно непрестанно. И вот Господь, стоя у врат Святого града, обратился к нам с тихим и кротким взором и мановением подозвал к Себе. Мы скоро сошли с высокого холма, на котором стояли и обозревали все происходящее чудное, поистине до-

стохвальное парение преславных дел Божиих. Со страхом подошли мы к Господу и, падши ниц, поклонились Его пречистым стопам. И сказал Господь тихим и кротким Божественным голосом: «Вот, Григорие, по молитвам угодника Моего Василия, Я показал тебе все, что будет при кончине мира и временной жизни. Ты же, Григорие, постарайся и другим передать, чтобы и им это послужило на пользу и во спасение. Особенно же тебе сие вразумление да послужит, неправильно рассуждавшему об иудеях, что они хорошо хранят Закон Моисеев; и вот, ты видел, какое постигло их осуждение.

И еще возвещаю тебе: если кто не последует Моему Святому Евангелию и всему тому, что написано в нем, не будет участником Жизни Вечной, но возненавиден будет Отцом Моим и Мною, кто неправо верует и отделяется от оснований Святой Церкви — тот окажется сыном геенны огненной. Кто и трудами, постом и другими добродетелями будет подвизаться, но не входит евангельскими дверями Моей Святой Церкви — тот вор и разбойник.

Ты же, Григорие, разумно рассмотрев все показанное тебе, постарайся приумножить врученный тебе талант. Потщись спасти свою душу и, ради пользы душ многих, не скрой в землю своего сердца духовного Моего серебра, но передавай Святым Моим Церквам, так как многие, услышав от тебя все это, спасутся; убоявшись злого, будут стремиться ко всему доброму и благому. Весь мир и все, что в

мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, — всею душою возненавидят. А Мои Заповеди исполнят; всем сердцем возжелают благ точных и потщатся совершить все потребное для своего спасения. Если же, и услышав все это, они не покаются, и не обратятся ко Мне всем сердцем, и не возлюбят добродетель, — ты не будешь виноват, они же будут судимы по делам своим. А если ты поленишься или убоишься открыть сие видение Церквам Моим и всему народу, то от тебя взыщутся погибшие души всего мира».

Я ответил: «Владыко Господи, как я смогу это исполнить, будучи нечист душой, скверен сердцем, помрачен умом? Как я смогу рассказать для меня непонятные и неизреченные тайны, если Ты не дашь мне ни херувимских уст, ни серафимского разума? Ведь всего, что я видел, ни ангельский, ни человеческий ум постигнуть не может и изъяснить сего человекам невозможно!..»

Эти слова произнес я со страхом и трепетом. Видя мое смирение, Господь сказал мне милостиво: «Знаю, что это тебе невозможно, но Я пошлю благодать Мою, которая, вселившись в сердце твое, просветит его, воспламенит Божественной любовью ко Мне и подаст силу и память, чтобы все постигнуть и потом подробно написать обо всем на пользу всем Церквам Моим, и всем язычникам, и всем народам, которых Я призываю ко спасению и Вечной Жизни.

Блажен тот человек, который безхитростным умом и чистым сердцем примет это

откровение и постарается избегать всего злого, прилепится же ко всему благому, чтобы наследовать уготованное от века праведным и избегнуть вечного адского мучения. Но горе будет тому, кто не радит о добром, кто не поверит сему откровению, кто не услышит сказанного. Горе тому, кто сомневается: он не будет в части спасаемых.

Сыновья и наследники Царствия небесного, которых имена написаны в книге жизни, приимут все сообщенное тобою с радостью и чистым сердцем, прочитают с любовью, постараются выполнить написанное и передадут другим, доставив и им пользу. Но те, кто сердцем привязан к суете земной, кто, живя в мире, заботится только о мирском, ум и сердце которых помрачены греховными помышлениями — рабы плотских похотей и гордости житейской — таковыми невероятными покажутся слова откровения сего. Они не только не примут его, но еще и посмеются и поругаются над сим откровением.

Кто же осмелится оклеветать Бога, будучи сам очевидцем такого откровения, какого никто из святых не видел и в Писаниях не передавал, что Я открыл тебе, Григорие, по ходатайству Василия, угодника Моего великого? Но, скажут миролюбцы, неужели же этот более Петра и Павла, Моисея и Даниила, и прочих всех святых пророков, великих и славных, и богоносных отцов и вселенских учителей, если от тех никто не узнал подобных неизреченных тайн, которые сокрыты от всех и ведомы Единому Богу? И другим об-

разом будут уничижать и укорять тебя, и сказанное и описанное тобою видение старческими баснями будут называть — ты же оставь укоры их без внимания. Знай, что чрез них открываемой истине будет противодействовать отец лжи — сатана. Постарайся всем и каждому рассказать сие откровение и записать его в книгу с точной подробностию. Передай всем Моим Святым Церквам и верующим во второе Мое пришествие. Скажи патриархам, епископам, священникам Церквей Моих, что скоро приду и должное воздаяние принесу с Собой.

Блаженны будете, если украсите души ваши добродетелью, как украшает себя невеста в день брака для жениха своего. Но горе, вечное горе тому, кто вознерадит о спасении своем и врученном ему стаде. Таковой подвергнется вечному осуждению. Если кто не приложит всего усердия и заботы о спасении души своей, но обольстится земными прелестями богатства, почестей мира, и наслаждением плотским, и суетой скоропреходящей, и славой человеческой — взыщу погибшие души от рук их и подвергну их сугубому осуждению и казни. Скажи это и в монастырях живущим. Я, по милосердию Своему, не хочу смерти грешников, но жду обращения их и покаяния с исповеданием.

Вот Я Господь Бог, Который любит правду, изливает милость и человеколюбие. Благодать Моя открыта созданию Моему. Врата Рая и Царства Моего отворены. Все вам уготовано — жду вас всех с распростер-

тыми объятиями. Я Господь, готовый все вам простить, все, чем вы Меня оскорбили, — только омойте слезами покаяния и сотрите нечистоту греховную сокрушением сердечным. И Я вас осыплю небесными дарами.

Для спасения людей Я был распят, ради них Я много пострадал от непокорных иудеев. Я милостив ко всем искренно кающимся и прощаю им все грехи: по смерти же нет уже больше покаяния, нет пользы в слезах и молениях. Чем может помочь тогда себе нераскаявшийся грешник?.. На суде Своем строго накажу согрешившего. Не Я обличаю вас в грехах ваших, но вы сами тогда, на суде Моем, себя осудите, видя свою гнусность и непотребство. Я ничего не утаил от вас того, что могло бы послужить вам на пользу, и дал вам свободную волю, предоставив добровольно избирать по своему желанию. Что хотите избирайте себе: или Жизнь Вечную в Царстве небесном, или вечные муки во аде.

Вот Я Сын Божий Иисус Христос, вовеки живущий со Отцем Моим и Святым Духом, — это все говорил Я и прежде чрез Моих пророков, и апостолов, и церковных учителей, которые в Писаниях все это изложили и после себя вам оставили, чтобы, последуя их учению, спаслись, избегая еретических заблуждений и соблазнов. Сие сказал Я вам, что небо и земля прейдут, а слова Мои не прейдут. Истину сказал вам непреложную». И окончил Господь нашу беседу ко мне, недостойному.

Вставши от земли, на которой лежал пред Господом, я хотел войти чрез врата за Господом и просил об этом святого Ангела, водившего меня. Но он мне не позволил, сказав: «Невозможно войти туда находящемуся в теле». А я думал, что действительно уже мир изменился и настала вечная нетленная жизнь. И в час я проснулся, содрогаясь от страшного и чудного видения сего!.. Я удивлялся про себя: «Что значит это страшное видение?» Сильный страх охватил меня — и я был в недоумении много дней.

Несколько дней я не выходил из келии моей, припоминая все виденное и слышанное и желая скорее записать все в эту книгу, чтобы со временем не забыть... Я горячо молил Господа, чтобы Он послал благодать Свою мне и просветил ум мой, чтобы исполнить все повеленное Им.

По прошествии нескольких дней виденное мною пришло мне на память подробно все, что я видел и слышал. И я поспешил записать как можно подробнее — не красноречием блистая и не мудростию философствуя, но просто и понятно записал все по порядку, наставляемый и научаемый Богом.

Закончив свой труд, я отправился к преподобному Василию. После обычной молитвы и благословения преподобный велел мне сесть. Побеседовав со мною о душевной пользе, он сам рассказал мне о моем видении, тем уверив меня в том, что откровение это от Бога.

Потом преподобный сказал: «Блажен ты,

чадо Григорие, сподобившийся такой благодати от Господа. Ты хотел видеть некое духовное видение, и вот я молил Человеколюбие Божие — дабы исполнил твое прошение Господь — более же всего о вере иудейской. И вот ты получил от Бога такое преславное дарование на пользу тебе и иным многим.

Постарайся исполнить все сказанное тебе Богом, потому что близ, при дверях, отшествие мое, как о том сказал мне Господь. Если же хочешь сотворить память моей худости и моего худого жития, приложи его к видению, показанному тебе от Бога. Да послужит и оно на пользу тем, кто придет в этот мир после нас, во славу Христа, Истинного Бога нашего.

Ты же, чадо, не превозносись Божественным откровением, не ослабевай, в небрежении изживая время жизни своей. Испытывай себя каждый день, как добрый купец, — о том, что приобрел ты, а в чем потерял для души своей. Имей страх Божий и память смертную. Заповеди Господни соблюди — более же всего не осуждай никого согрешающего и не поминай зла обидевшему тебя и досадившему тебе. Постарайся избежать шуией части и потрудись, исполняя все, что слышал от меня и что было открыто тебе Богом, дабы быть сопричтенным части десной. Если соблюдешь все это, то встретимся и в будущей жизни, если Господу будет то угодно». Этими и многими другими словами поучал меня преподобный Василий — предсказал же и о будущей моей жизни.

МЫТАРСТВА БЛАЖЕННОЙ ФЕОДОРЫ

Блаженная Феодора происходила из богатой семьи. После смерти мужа всю свою жизнь она посвятила молитве и служению ближним. Став ученицей блаженного Василия, она еще более усилила свои подвиги поста и молитвы. Пред кончиной она приняла иночество и предстала Богу 30 декабря 940 года. Ученик блаженного Василия, Григорий, просил старца открыть, где и как пребывает блаженная Феодора, сподобилась ли она от Господа милости и отрады за свое служение святому старцу. Не желая огорчать своего духовного сына, преподобный Василий помолился, чтобы Господь открыл ему участь блаженной Феодоры.

Блаженная Феодора, явившаяся Григорию в тонком сне, сама рассказала ему, как проходит душа мытарства.

Когда настал час разлучения души моей от тела, я увидела вокруг моей постели множество эфиопов, черных как сажа или смола, с горящими как уголья глазами. Они подняли шум и крик: одни ревели как скоты и звери, другие лаяли как собаки, иные выли как волки, а иные хрюкали как свиньи. Все они, смотря на меня, неистовствовали, грозились, скрежетали зубами, как будто желая

меня съесть; они готовили хартии, в которых были записаны все мои дурные дела. Тогда бедная душа моя пришла в трепет; муки смертной как будто не существовало для меня: грозное видение страшных эфиопов было для меня другой, более страшной смертью. Я отворачивала глаза, чтобы не видеть их ужасных лиц, но они были везде, и отовсюду неслись их голоса. Когда я совершенно изнемогла, то увидела подходивших ко мне в образе красивых юношей двух Ангелов Божиих; лица их были светлы, глаза смотрели с любовью, волосы на голове были светлые как снег и блестели как золото; одежды были похожи на свет молнии, и на груди они были крестообразно подпоясаны золотыми поясами. Подошедши к моей постели, они стали около меня с правой стороны, тихо разговаривая между собой. Увидев их, я обрадовалась; черные же эфиопы затрепетали и отошли подальше; один из светлых юношей обратился к ним со следующими словами: «О безстыдные, проклятые, мрачные и злые враги рода человеческого! Зачем вы всегда спешите прийти к одру умирающих, производя шум, устрашаете и приводите в смятение каждую душу, разлучающуюся от тела? Но не радуйтесь очень, здесь вы ничего не найдете, ибо Бог милостив к ней, и нет вам части и доли в этой душе». Выслушав это, эфиопы заметались, подняв сильный крик и говоря: «Как мы не имеем части в этой душе? А эти грехи чьи? — спрашивали они, показывая на свитки, где были записа-

ны все мои дурные дела. — Не она ли сделала вот это и это?» И сказав это, они стояли и дожидались моей смерти. Наконец пришла и сама смерть, рыкающая как лев и очень страшная по виду; она похожа была на человека, но только не имела никакого тела и была составлена из одних голых человеческих костей. При ней находились различные орудия для мучений: мечи, копья, стрелы, косы, пилы, топоры и другие неизвестные мне орудия.

Затрепетала бедная душа моя, увидев это. Святые же Ангелы сказали смерти: «Что же медлишь, освободи эту душу от тела, освободи тихо и скоро, потому что за ней нет многих грехов». Повинуясь этому приказанию, смерть подошла ко мне, взяла малый оскорд и прежде всего отсекла мне ноги, потом руки, затем постепенно другими орудиями отсекла прочие члены мои, отделяя состав от состава, и все тело мое омертвело. Затем, взявши теслу, она отсекла мне голову, и она сделалась для меня как бы чужая — ибо я не могла ею повернуть. После этого смерть сделала в чаше какое-то питье и, поднеся к моим устам, насильно напоила меня. Питье это было так горько, что душа моя не могла этого вынести — она содрогнулась и выскочила из тела, как бы насильно вырванная из него. Тогда светлые Ангелы взяли ее себе на руки. Я обернулась назад и увидела свое тело лежащим бездушным, нечувственным и недвижным, подобно тому, как если кто снимет с себя одежду и, бросивши, смотрит на нее —

так и я глядела на свое тело, от которого освободилась, и весьма удивлялась этому. Бесы, бывшие в образе эфиопов, обступили державших меня святых Ангелов и кричали, показывая мои грехи: «Душа эта имеет множество грехов, пусть даст нам за них ответ!» Но святые Ангелы стали отыскивать мои добрые дела и, по благодати Божией, находили и собирали все, что при помощи Господней сделано было мною доброго: милостыню ли я когда подала, или накормила голодного, или жаждущего напоила, или одела нагого, или ввела странника в дом свой и успокоила его, или услужила святым, или посетила больного и находящегося в темнице и помогла ему, или когда с усердием ходила в церковь и молилась с умилением и слезами, или когда со вниманием слушала церковное чтение и пение, или приносила в церковь ладан и свечи, или делала другое какое-либо приношение, или вливала деревянное масло в лампады перед святыми иконами и лобызала их с благоговением, или когда постилась и во все святые посты в среду и в пятницу не вкушала пищи, или сколько когда поклонов сделала и молилась по ночам, или когда всей душой обращалась к Богу и плакала о своих грехах, или когда с полным сердечным раскаянием исповедовала Богу перед своим духовным отцом свои грехи и старалась их загладить добрыми делами, или когда для ближнего сделала какое-нибудь добро, или когда не рассердилась на враждующего на меня, или когда перенесла какую-нибудь обиду и брань и

не помнила их и не сердилась за них, или когда воздала добром за зло, или когда смиряла себя, или сокрушалась о чужой беде, или сама была больна и безропотно терпела, или соболела другим больным, и утешила плачущего, или подала кому руку помощи, или помогла в добром деле, или удержала кого от дурного, или когда не обращала внимания на дела суетные, или удерживалась от напрасной клятвы или клеветы и пустословия, и все другие мои малейшие дела собирали святые Ангелы, готовясь положить против моих грехов. Эфиопы, видя это, скрежетали зубами, потому что хотели похитить меня у Ангелов и отвести на дно ада. В это время неожиданно явился там же преподобный отец наш Василий и сказал святым Ангелам: «Господие мои, эта душа много служила мне, успокаивая мою старость, и я молился Богу, и Он отдал ее мне». Сказав это, он вынул из-за пазухи золотой мешочек, весь полный, как я думала, чистым золотом, и отдал его святым Ангелам, сказав: «Когда будете проходить воздушными мытарствами и лукавые духи начнут истязать эту душу, выкупайте ее этим из ее долгов; я по благодати Божией богат, потому что много сокровищ собрал себе своими трудами, и дарю этот мешочек душе, служившей мне». Сказавши это, он скрылся. Лукавые бесы, видя это, находились в недоумении и, поднявши плачевные вопли, тоже скрылись. Тогда угодник Божий Василий пришел снова и принес много сосудов с чистым маслом, дорогим миром и, открывая один за другим

каждый сосуд, вылил все на меня, и от меня разлилось благоухание. Тогда я поняла, что изменилась и стала особенно светла. Святой же опять обратился к Ангелам со следующими словами: «Господие мои, когда вы совершите все, что нужно для этой души, отведите ее в уготованный мне Господом Богом дом и поселите ее там». Сказавши это, он сделался невидим, а святые Ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на восток, поднимаясь к небу.

Мытарство первое

Когда мы восходили от земли на высоту небесную, сначала нас встретили воздушные духи первого мытарства, на котором испытываются грехи празднословия. Здесь мы остановились. Нам вынесли множество свитков, где были записаны все слова, какие я только говорила от юности моей, все, что было сказано мною необдуманного и, тем более, срамного. Тут же были записаны все кощунственные дела моей молодости, а также случаи праздного смеха, к которому так склонна юность. Я видела тут же скверные слова, которые я когда-либо говорила, бесстыдные мирские песни, и обличали меня духи, указывая и место, и время, и лиц, с кем занималась я праздными беседами и своими словами прогневляя Бога, и нисколько не считала того за грех, а потому и не исповедалась в этом перед духовным отцом. Глядя на эти свитки, я молчала, будто лишенная дара речи, потому что мне нечего

было им отвечать: все, что было у них записано, была правда. И я удивлялась, как это у них ничего не забыто, ведь прошло столько лет, и я сама давно забыла об этом. Подробно и самым искусным образом испытывали они меня, и мало-помалу я все вспомнила. Но святые Ангелы, водившие меня, положили конец моему испытанию на первом мытарстве: они покрыли грехи мои, указав лукавым на некоторые из бывших моих добрых дел, а чего недоставало из них на покрытие моих грехов, добавили из добродетелей отца моего, преподобного Василия, и искупили меня из первого мытарства, и мы пошли далее.

Мытарство второе

Мы приблизились к другому мытарству, называемому мытарством лжи. Здесь человек отдает отчет за всякое лживое слово, а преимущественно за клятвопреступление, за напрасное призывание имени Господня, за ложные свидетельства, за неисполнение данных Богу обетов, за неискреннюю исповедь во грехах, и за все тому подобное, когда человек прибегает ко лжи. Духи в этом мытарстве свирепы и жестоки и особенно сильно испытывают проходящих через это мытарство. Когда они остановили нас, то начали со всеми подробностями спрашивать меня, и я была уличена в том, что два раза солгала когда-то в самых малых вещах, так что не ставила того себе во грех, а также в том, что

один раз из-за стыда не всю правду сказала на исповеди своему духовному отцу. Уличив меня во лжи, духи пришли в большую радость и уже хотели похитить меня из рук Ангелов, но они, для покрытия найденных грехов, указали на мои добрые дела, а недостающие пополнили добрыми делами отца моего, преподобного Василия, и тем выкупили из этого мытарства, и мы безпрепятственно пошли выше.

Мытарство третье

Мытарство, к которому мы пришли потом, называется мытарством осуждения и клеветы. Здесь, когда остановили нас, я увидела, как тяжко грешит тот, кто осуждает своего ближнего, и как много зла, когда один клевещет на другого, безславит его, бранит, когда ругается и смеется над чужими грехами, не обращая внимания на свои собственные. Грозные духи испытывают грешных в этом за то, что они предвосхищают сан Христов и делаются судиями и губителями своих ближних, тогда как сами неизмеримо больше достойны осуждения. В этом мытарстве я, по благодати Божией, не во многом оказалась грешна, потому что во всю жизнь свою остерегалась, чтобы кого-нибудь не осудить, не наклеветать на кого, не насмехалась ни над кем, никого не бранила; иногда только, слушая, как другие осуждали ближних, клеветали на них или смеялись над ними, в мыслях я отчасти с ними соглашалась и, по неосто-

рожности, к их речам прибавляла немного от себя, но, одумавшись, тотчас удерживалась. Но и это испытывавшие меня духи поставили мне во грех, и только заслугами преподобного Василия святые Ангелы освободили меня из этого мытарства, и мы пошли выше.

Мытарство четвертое

Продолжая путь, мы достигли нового мытарства, которое называется мытарством чревоугодия. Навстречу нам выбежали скверные духи, радуясь, что к ним идет новая жертва. Внешний вид этих духов был безобразен: они изображали собой разные виды сластолюбивых чревоугодников и мерзких пьяниц: несли блюда и чаши с яствами и разным питьем. Пища и питье по виду тоже были гнусны — походили на смердящий гной и блевотину. Духи этого мытарства казались пресыщенными и пьяными, они скакали с музыкой в руках и делали все, что обыкновенно делают пирующие, и ругались над душами грешных, приводимыми ими к мытарству. Эти духи, как псы, обступили нас, остановили и начали показывать все мои грехи этого рода: ела ли тайно когда-нибудь или через силу и сверх надобности, или с утра, как свинья, без молитвы и крестного знамения, или в святые посты ела прежде времени, назначенного церковным уставом, или по невоздержанию вкушала прежде обеда, или во время обеда пресыщалась не в меру. Высчитали также мое пьянство, показывая чаши и

сосуды, из которых я напивалась, и прямо говорили: столько-то чаш выпила ты в такое-то время, и на таком-то пиршестве, с такими-то людьми; а в другом месте выпила столько, что и дошла до безпамятства и рвоты, и столько-то раз пировала и плясала под музыку, хлопая в ладоши, пела песни и прыгала и, когда тебя приводили домой, изнемогала от безмерного пьянства; еще показывали мне лукавые духи те чаши, из которых я пила иногда поутру и в постные дни ради гостей или когда по немощи пила до опьянения и не считала того за грех и не каялась, а напротив, еще и других соблазняла к тому же. Указали мне и на то, когда в воскресные дни случалось мне выпить прежде святой литургии, и многое тому подобное указывали они мне из моих грехов по чревоугодию и радовались, уже считая меня в своей власти, и намеревались отвести меня на дно ада; я же, видя себя обличенной и не имея ничего сказать против них, трепетала. Но святые Ангелы, заимствовав из сокровищницы преподобного Василия добрые дела его, покрыли мои грехи и изъяли из власти тех лукавых духов. Видя это, они подняли крик: «Горе нам! Пропали наши труды! Исчезла наша надежда!» — и начали пускать по воздуху свертки, где были написаны мои грехи; я же была рада, и затем мы безпрепятственно пошли оттуда.

Во время пути к следующему мытарству святые Ангелы вели между собой беседу. Они говорили: «Поистине великую помощь

получает эта душа от угодника Божия Василия: если бы его молитвы не помогали ей, большую нужду пришлось бы ей испытать, проходя воздушные мытарства». Так говорили сопровождающие меня Ангелы, и я взяла на себя смелость спросить их: «Господие мои, мне кажется, что никто из живущих на земле не знает, что здесь бывает, и что ожидает грешную душу по смерти?» Святые Ангелы отвечали мне: «Ужели божественные писания, читаемые всегда в церквах и проповедуемые служителями Божиими, мало говорят об этом! Только пристрастившиеся к земной суете не обращают на это внимания, находя особую прелесть в том, чтобы ежедневно есть до пресыщения и пьянствовать, делая таким образом своим богом чрево, не помышляя о жизни будущей и забывая слова Писания: «Горе вам, насыщенные ныне, яко взалчете, и упивающиеся, яко возжаждете». Они считают Святое Писание баснями и живут в небрежении о своей душе, пируя с песнями и музыкой и всякий день, как евангельский богач, веселящеся светло. Но те, которые милостивы и милосердны, благодетельствуют нищим и убогим — эти получают от Бога прощение грехов своих и за свою милостыню без особого истязания проходят мытарства, по слову Писания: «Милостыня от смерти избавляет и тая отпущает всякий грех». Творящие милостыню и правду исполнятся жизни, а тем, кои не стараются милостыней очистить грехи свои, нельзя избегнуть

этих испытаний, и темнообразные князи мытарств, которых ты видела, похищают их, и жестоко мучая, отводят на дно ада и держат там в узах до страшного суда Христова. И тебе самой невозможно было избежать этого, если бы не сокровищница добрых дел преподобного Василия, из которой были покрыты твои грехи».

Мытарство пятое

Беседуя таким образом, мы дошли до мытарства, называемого мытарством лености, на котором человек дает ответ за все дни и часы, проведенные в праздности. Здесь же задерживаются и тунеядцы, питающиеся чужими трудами и не хотящие сами ничего делать или берущие плату за невыполненную работу. Там же спрашивают отчет с тех, которые не заботятся о славе имени Божия и ленятся в праздничные и воскресные дни ходить к Божественной литургии и другим службам Божиим. Здесь же испытываются небрежность и уныние, леность и нерадение о своей душе как мирских людей, так и духовных, и многие отсюда отводятся в пропасть. Много и меня испытывали здесь и, если бы не добродетели преподобного Василия, восполнившие недостаток моих добрых дел, то мне не освободиться бы от долга лукавым духам этого мытарства за грехи мои; но они покрыли все, и я была изъята оттуда.

Мытарство шестое

Следующее мытарство кражи. В нем мы ненадолго были задержаны, и немного добрых дел потребовалось на покрытие моих грехов, потому что я не совершала кражи, кроме одной, весьма малой, в детстве по неразумению.

Мытарство седьмое

После мытарства кражи мы пришли к мытарству сребролюбия и скупости. Но и это мытарство миновали мы благополучно, потому что я, по благодати Божией, не заботилась во время моей земной жизни о приобретении имения и не была сребролюбива, но довольна тем, что посылал мне Господь; не была и скупа, а что имела, то усердно подавала нуждающимся.

Мытарство восьмое

Восходя выше, мы достигли мытарства, называемого мытарством лихоимства, где испытываются отдающие в рост свои деньги и чрез то получающие неправедные приобретения. Здесь же отдают отчет те, кто присваивает себе чужое. Лукавые духи этого мытарства тщательно обыскали меня и, не найдя за мной никакого греха, заскрежетали зубами; мы же, возблагодарив Бога, пошли выше.

Мытарство девятое

Мы достигли мытарства, называемого мытарством неправды, где истязуются все неправедные судьи, которые свой суд ведут за деньги, оправдывают виновных, осуждают невинных; здесь же истязуются те, кто не отдает должной платы наемникам или при торговле употребляет неправильную меру, и тому подобное. Но мы, по благодати Божией, безпрепятственно миновали это мытарство, покрыв лишь немногими добрыми делами мои грехи этого рода.

Мытарство десятое

Также благополучно прошли мы и следующее мытарство, называемое мытарством зависти. У меня вовсе не оказалось грехов этого рода, потому что я никогда не завидовала. И хотя испытывались здесь и другие грехи: нелюбовь, братоненавидение, вражда, ненависть, но, по милосердию Божию, во всех этих грехах я оказалась невинна и видела, как яростно скрежетали зубами бесы, но не убоялась их, и, радуясь, мы пошли выше.

Мытарство одиннадцатое

Подобным образом прошли мы и мытарство гордости, где надменные и гордые духи испытывают тех, кто тщеславен, много думает о себе и величается; особенно же тщательно здесь испытывают души тех, кто непочти-

телен к отцу и матери, а также поставленным от Бога властям: рассматриваются случаи неповиновения им, и прочие дела гордости, и тщеславные слова. Мне весьма и весьма мало потребовалось добрых дел, чтобы покрыть грехи по этому мытарству, и я получила свободу.

Мытарство двенадцатое

Новое мытарство, которого мы потом достигли, было мытарством гнева и ярости; но и здесь, несмотря на то, что истязующие здесь духи свирепы, немного они от нас получили, и мы продолжали наш путь, благодаря Бога, покрывающего мои грехи молитвами отца моего преподобного Василия.

Мытарство тринадцатое

После мытарства гнева и ярости нам представилось мытарство, на котором немилосердно истязуются те, кто в сердце своем питает зло на ближнего и воздает злом за зло. Отсюда духи злобы с особой яростью низводят души грешных в тартар. Но меня и здесь не оставило милосердие Божие: я никогда не имела ни на кого злобы, не помнила сделанного мне зла, но, напротив, прощала врагам моим и, насколько была в силах, обнаруживала свою любовь к ним, побеждая таким образом зло добром. Поэтому я ни в чем не оказалась грешной на этом мытарстве; бесы рыдали, что я свободно

ухожу из их лютых рук; мы же в радости продолжали путь.

На пути я спросила водивших меня святых Ангелов: «Господие мои, прошу вас, скажите мне, откуда эти страшные воздушные власти знают все злые дела всех людей, какие только живут в мире, так же, как и мои, и не только въявь сотворенные, но и которые знает только их содеявший?» Святые Ангелы отвечали мне: «Всякий христианин с самого святого крещения получает себе от Бога Ангела хранителя, который невидимо охраняет человека и во всю его жизнь, даже до смертного часа, наставляет на всякое добро, и все эти добрые дела, которые человек творит во время своей земной жизни, записывает, чтобы он мог получить за них милость от Господа и вечное воздаяние в Царствии небесном. Так и князь тьмы, желающий погубить род человеческий, приставляет к каждому человеку одного из лукавых духов, который ходит всегда вслед за человеком и наблюдает все те от юности злые дела, поощряя их своими кознями, и собирает все, что человек сделал дурного. Затем он относит на мытарства все эти грехи, записывая каждый в соответствующее место. Отсюда и известны воздушным князьям все грехи всех людей, какие только живут в мире. Когда душа разлучится от тела и стремится взойти на небо к своему Создателю, тогда лукавые духи препятствуют ей, показывая списки ее грехов; и если душа имеет добрых дел более, нежели грехов, то они не могут ее удержать;

когда же окажется на ней грехов более, чем добрых дел, то они удерживают ее на время, заключают в темницу неведения Божия и мучают, насколько допускает им сила Божия, до тех пор, пока душа, по молитвам Церкви и родных, получит свободу. Если же окажется, какая душа настолько грешна и недостойна перед Богом, что теряется всякая надежда на ее спасение и ей грозит вечная гибель, то ее низводят в бездну, где она находится до второго пришествия Господня, тогда начнется для нее вечное мучение в геенне огненной. Знай также, что таким путем испытываются только души тех, кто просвещен святым крещением. Неверующие же во Христа, идолослужители, и вообще все, не ведающие истинного Бога, этим путем не восходят, потому что во время земной жизни живы только телом, а душой уже погребены во аде. И когда они умирают, бесы без всякого испытания берут их души и низводят в геенну и пропасть».

Мытарство четырнадцатое

Пока я беседовала таким образом со святыми Ангелами, мы вошли в мытарство, называемое мытарством убийства. Здесь истязуется не одно только разбойничество, но требуют отчета за всякую причиненную кому-либо кару, за всякий удар по плечам или по голове, по щеке или по шее или когда кто с гневом отталкивает от себя ближнего. Злые духи все это испытывают здесь с

подробностями и взвешивают; мы же прошли это мытарство безпрепятственно, оставив малую часть добрых дел на покрытие моих грехов.

Мытарство пятнадцатое

Безпрепятственно прошли мы и следующее мытарство, где истязуются духами за чародейство, колдовство, обаяние, нашептывание, призывание бесов. Духи этого мытарства по виду своему похожи на четвероногих гадов, на скорпионов, змей и жаб; одним словом, страшно и мерзко смотреть на них. По благодати Божией, духи этого мытарства не нашли во мне ни одного подобного греха, и мы отправились далее; духи же с яростью кричали мне вслед: «Посмотрим, как уйдешь ты из блудных мест, когда придешь туда!»

Когда мы стали восходить выше, я спросила водивших меня Ангелов: «Господие мои, все ли христиане проходят эти мытарства и нет ли для кого возможности пройти здесь без истязания и страха?» Святые Ангелы отвечали мне: «Для души верующих, восходящих на небо, другого пути нет — все идут здесь, но не все бывают так испытываемы на мытарствах, как ты, а только тебе подобные грешники, то есть те, которые из стыда не открывали искренне духовному отцу всех своих грехов на исповеди. Если же кто покается искренне во всех грехах, то грехи по милосердию Божию, невидимо заглаживаются, и когда таковая душа прохо-

дит здесь, воздушные истязатели открывают книги свои и ничего не находят записанного за ней; тогда они уже не могут устрашить ее, причинить ей чего-либо неприятного, и душа в веселии восходит к престолу благодати. И ты, если бы во всем раскаялась перед духовным отцом и получила от него разрешение, избежала бы ужасов прохождения по мытарствам; но помогает тебе еще то, что ты давно перестала творить смертные грехи и уже много лет проводишь добродетельную жизнь, а главным образом помогают тебе молитвы святого Василия, которому ты усердно служила на земле».

Мытарство шестнадцатое

Во время этой беседы мы дошли до мытарства, называемого блудным, где истязуется человек за всякое любодеяние и за всякие нечистые страстные помыслы, за согласие на грех, за скверные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства сидел на престоле одетый в смрадную скверную одежду, окропленную кровавой пеной и заменявшую ему царскую багряницу; перед ним стояло множество бесов. Увидев меня, они удивились, что я достигла их мытарства, и вынесли свитки, в которых были записаны мои блудные дела, начали пересчитывать их, указывая лиц, с которыми я грешила в молодости, и время, когда грешила, то есть днем или ночью, и места, где соделала грех. Я ничего не могла им ответить

и стояла, трепеща от стыда и страха. Святые Ангелы, водившие меня, начали говорить бесам: «Она уже давно оставила блудную жизнь и все это время проводила в чистоте и воздержании». Бесы отвечали: «И мы знаем, что она перестала вести блудную жизнь, но ведь она не открыла духовному отцу и не несла от него епитимии, чтобы загладить прежние грехи, — поэтому она наша, и вы или уходите, или искупите ее добрыми делами». Святые Ангелы указали на многие мои добрые дела, а еще больше добрыми делами преподобного Василия покрыли мои грехи, и я едва избавилась от лютой беды. Мы пошли далее.

Мытарство семнадцатое

Следующее мытарство было мытарством прелюбодеяния, где истязуются грехи живущих в супружестве: если кто не сохранил супружеской верности, осквернил свое ложе — здесь должен дать отчет. Истязуются здесь также и те, кто грешен в похищении для блуда, в насилии. Здесь же испытывают лиц, посвятивших себя Богу и давших обет целомудрия, но не сохранивших свой обет и впавших в блуд; истязание этих особенно грозно. На этом мытарстве я оказалась много грешной, меня уличили в прелюбодеянии, и злые духи уже хотели похитить меня из рук Ангелов и отвести на дно ада. Но святые Ангелы много спорили с ними и едва искупили меня, оставив все добрые дела мои

здесь до последнего и весьма много прибавив из сокровищницы преподобного Василия. И взяв меня от них, отправились далее.

Мытарство восемнадцатое

После этого мы достигли мытарства содомского, где истязуются грехи, несогласные ни с мужским, ни с женским естеством, а также совокупление с бесами и безсловесными животными, и кровосмешения, и другие тайные грехи этого рода, о которых стыдно и вспомнить. Князь этого мытарства, сквернейший из всех бесов, его окружающих, был весь покрыт смердящим гноем; безобразие его трудно описать. Все они пылали яростью; поспешно выбежали нам навстречу и обступили нас. Но, по благодати Божией, ни в чем грешной они меня не нашли и потому со стыдом убежали назад; мы же, радуясь, вышли из этого мытарства.

После этого святые Ангелы сказали мне: «Ты видела, Феодора, страшные и скверные блудные мытарства. Знай, что редкая душа проходит ими без задержания, потому что весь мир лежит во зле соблазнов и скверн и все люди сластолюбивы и склонны к блуду. Человек уже с ранней юности расположен к этим делам, и едва ли сохранит себя от нечистоты; немного умерщвляющих свои плотские похоти и потому свободно проходящих через эти мытарства; большинство же здесь погибает; лютые истязатели похищают души

блудников и, ужасно мучая их, отводят в ад. Ты же, Феодора, благодари Бога, что по молитвам святого Василия миновала эти блудные мытарства, и больше ты уже не встретишь задержки».

Мытарство девятнадцатое

После блудных мытарств мы пришли к мытарству ересей, где истязуются люди за неправильные мнения о предметах веры, а также за отступничество от православной веры, недоверие к истинному учению, сомнений в вере, кощунство и тому подобное. Это мытарство я прошла без остановки, и мы были уже недалеко от врат небесных.

Мытарство двадцатое

Но прежде чем мы достигли входа в Царствие небесное, нас встретили злые духи последнего мытарства, которое называется мытарством немилосердия и жестокосердия. Истязатели этого мытарства особенно жестоки, тем более их князь. По виду своему он сух, уныл и в ярости душит немилосердным огнем. В этом мытарстве без всякой пощады испытываются души немилосердных. И если кто окажется совершившим многие подвиги, соблюдавшим строго посты, неусыпным в молитвах, сохранившим чистоту сердца и умертвившим плоть воздержанием, но был немилосерден, немилостив, глух к мольбам ближнего своего — тот из этого мытарства

низводится долу, заключается в адской бездне и не получает прощения вовеки. Но мы, по молитвам преподобного Василия, всюду помогавшего мне своими добрыми делами, и это мытарство прошли безпрепятственно.

На этом кончился ряд воздушных мытарств, и мы с радостью приблизились к вратам небесным. Врата эти были светлы, как кристалл, и кругом видно было сияние, которое невозможно описать; в них сияли солнцеобразные юноши, которые, увидев меня, ведомую Ангелами к небесным вратам, исполнились радости оттого, что я, покрываемая милосердием Божиим, прошла все воздушные мытарства. Они любезно встретили нас и ввели вовнутрь.

Что я там видела и что слышала, Григорий — это невозможно описать! Я приведена была к престолу неприступной славы Божией, Который был окружен Херувимами, Серафимами и множеством войск небесных, восхвалявших Бога неизреченными песнями; я упала ниц и поклонилась невидимому и недоступному для ума человеческого Божеству. Тогда небесные силы воспели пресладкую песнь, восхвалявшую милосердие Божие, которое не могут истощить грехи людей, и послышался глас, повелевший водившим меня Ангелам, чтобы они отвели меня смотреть обители святых, а также все муки грешных, и потом успокоили меня в обители, уготованной для блаженного Василия. По этому велению меня водили всюду, и видела я преис-

полненные славы и благодати селения и обители, приготовленные для любящих Бога. Водящие меня показывали мне в отдельности и обители апостолов, и обители пророков, и обители мучеников, и обители святительские, и обители особенные для каждого чина святых. Каждая обитель отличалась необыкновенной красотой, а по длине и ширине каждую я могла сравнить с Цареградом, если бы только они не были еще лучше и не имели множества пресветлых, не руками деланных комнат. Все бывшие там, видя меня, радовались моему спасению, встречали и целовали, прославляя Бога, избавившего меня от лукавого.

Когда мы обошли эти обители, меня низвели в преисподнюю, и там я видела нестерпимые страшные муки, которые уготованы в аде для грешников. Показывая их, Ангелы, водившие меня, говорили мне: «Видишь, Феодора, от каких мук, по молитвам святого Василия, избавил тебя Господь». Я слышала там вопли, и плач, и горькие рыдания; одни стонали, другие озлобленно восклицали: увы нам! Были и такие, которые проклинали день своего рождения, но не было никого, кто бы пожалел их. Окончив осмотр мест мучений, Ангелы вывели меня оттуда и привели в обитель преподобного Василия, сказав мне: «Ныне преподобный Василий совершает по тебе память». Тогда я поняла, что пришла на это место покоя через сорок дней после моего разлучения от тела».

Все это блаженная Феодора пересказала

Григорию в сонном видении и показала ему красоту той обители и духовные богатства, которые снисканы многотрудными подвигами преподобного Василия; показала также Григорию Феодора и наслаждение, и славу, и различные золотолиственные и обильные плодами сады, и вообще все духовное веселие праведных.

ВИДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ ЕВДОКИИ БУДУЩИХ СТРАДАНИЙ

Видение Евдокии, двадцатипятилетней неграмотной крепостной, было записано княгиней Татианой Потемкиной. Княгиня, близкая ко двору, патриотка, православная, к сожалению, не умела писать на русском языке, и потому видение было записано на французском, родном языке нашей тогдашней знати. Видение было переведено на русский язык священником Феофаном Комаровским, и с этого перевода иеромонахом Евфимием был сделан список, дошедший до Сергия Нилуса, первого публикатора видения Евдокии.

Я очутилась на середине поля, где и увидела два стада: одно стадо состояло, как я почему-то сразу узнала, из десяти с половиной тысяч овец, а другое — из пяти с половиной тысяч; и то, большое, стадо было без пастыря, а у меньшего был пастырь и хорошие пастбища. Я попала в это малое стадо, и мне среди него было так хорошо, что и выйти из него не хотелось.

И сказала я:

— Боже мой! Оставь меня здесь — нигде мне так хорошо и сладко не было. У нас

теперь зима, а тут — что за весна благоуханная!

И слышала я незримый голос:

— Не для того ты сейчас здесь, чтобы остаться, а для того, чтобы рассказать на земле все, что увидишь.

Тут мне приказано было взглянуть на большое стадо, состоящее из десяти с половиной тысяч овец, и тот же голос сказал:

— Видишь ты это большое стадо? Оно без пастуха и нуждается в пастбищах: твоя обязанность словом своим и молитвою возвратить сих овец в хорошее стадо и в лучшие пастбища.

И подумала я: «Видно, господа мои, князья Горчаковы, на меня прогневались и назначат меня пасти стадо». Но не успела я этого подумать в сердце моем, вместо большого стада овец увидела я собрание людей, скорбящих и тоскующих, а на месте доброго меньшего стада явились существа, схожие между собою лицами, но все такие молодые, такие прекрасные, что не описать человеческим словом. И увидела я, что два маленькие ягненка, черные и худые, стоящие вне обоих стад, стараются присоединиться к доброму стаду; но все овцы, к которым они приближались, не подпускали к себе; и слышны были из доброго стада голоса, говорящие:

— Это — не наши!

И, отринутые всеми овцами доброго стада, бедные ягнятки эти приютились к одной овце одинакового с ними цвета, одиноко и сиротливо стоявшей вне доброго стада.

Овца эта испускала жалобные стенания, и место, на котором она стояла, было холодное, мрачное, и воздух того места был такой тяжкий, что в нем дышалось с большим трудом и нуждой великой. И как только увидела я эту овцу, тотчас она изменила вид свой, и в ней я узнала матушку свою, а в двух маленьких ягнятках показаны мне были два рожденных ею близнеца, которые не успели принять святое крещение. И — дивное дело! — как только я опознала в них мать свою и ее детей, вся моя к ним чувствительность и все о них сомнения превратились в холодность, а на место их явилось одно только желание — уйти как можно скорее из этого печального и мрачного места.

И повел меня за собою незримый голос по таким трудным и смрадным дорогам, что я едва в состоянии была идти; но тот же голос мне сказал:

— Потрудись и ты. Я страдаю более тебя; а затем Я покажу тебе дела еще более дивные.

И поведена я была каким-то длинным проходом и, услышав жалобные и громкие стенания, спросила:

— Откуда исходят эти стоны?

И мне было сказано:

— Это страждущие во аде души грешников.

Я сказала:

— Господи! Покажи мне это место вечных страданий!

И голос мне ответил:

— Я тебе покажу многое.

И была я подведена к краю огромной пропасти, и тот же незримый мой спутник мне сказал:

— Ты увидишь здесь страшные мучения.

И увидела я в пропасти той народ, кипящий как бы в негашеной извести, и, увидевши, ужаснулась, и напал на меня страх, как бы и мне не упасть в эту пропасть... Из пропасти этой кто-то как бы железными щипцами извлек одну грешную душу, и мне было повелено следовать за нею.

Я спросила:

— Куда она идет?

И мне было отвечено:

— Душа эта идет отыскивать свое место.

И увидела я мертвое, обезображенное тело, которое при земной жизни принадлежало этой душе. И когда эта душа приблизилась к тому безобразному и мертвому, что было некогда ее телом, то возопила та душа:

— Господи! Неужели мне надо войти в этот отвратительный труп?

И начала она плакать и сетовать и стенать жалобно.

Образ души этой был образ человеческий, но только он был много меньше по величине своей, и душа эта вид имела непривлекательный. Так боялась, так трепетала эта душа от отвращения при виде своего земного тела, что только могла вопиять об одном ко Господу:

— Господи! Лучше умножь во сто крат мои мучения, которые я терплю во аде, но не посылай меня в это тело отвратительное!

И просила я, чтобы мне был объяснен смысл этого видения.

— Это — образ будущего воскресения грешников, — поведал мне незримый голос. — Ты видишь из него, что для грешной души самым тяжелым мучением будет войти в прежнее свое тело, которое уже станет тогда вечным, и в нем душа будет испытывать сугубые мучения, так как ее плоть, ставшая вечной, будет служить возгнещением вечному огню... Обо всем, что ты здесь видишь и что узнала, ты должна рассказать на земле.

— Господи! — сказала я, — но кто же мне, простой крестьянке, которую считают дурочкой, поверит, что мне были такие откровения?

— Поверят те, кто помнит слово Божие, а остальные пусть смеются над тобой: те поверят после.

Тут душа, за которой я следовала, бросилась в кипящую смолу. И сказала я:

— Пойдем отсюда!

Голос мне отвечал:

— Потерпи: близость Моя утешает здесь находящихся!

Потом я была проведена в иное место страданий. И там раздавались стоны и жалобные вопли грешников.

— Господи! — сказала я, — как Ты, Всеблагий, не имеешь к ним сострадания?

И голос мне говорил:

— Я жалею о мире и потому показываю тебе все, что ожидает грешников по смерти. Я дал им Мое слово, но они забыли его — напомни им угрозу Мою: расскажи, что видела, что показано было тебе из жалости к миру. Я Сам за них страдал более, нежели они. Я даровал им даром рай, а они купили себе ад... Но ты просила показать тебе еще адские муки — так вооружись мужеством: ты их увидишь!

И была я подведена как бы к какому-то дому и была поставлена против его двери, и в дверь эту кто-то ударил точно железным запором, и тотчас эта дверь отворилась... И увидела я «некоего», сидящего в огне, и страшное пламя исходило из уст его... Я была потрясена таким ужасом от невообразимо страшного вида его, что в трепете возопила:

— Теперь я вижу, что я уже умерла!

Но голос мне сказал:

— Слушай теперь, что тебе будут говорить!

И страшный «некий», в огне сидящий и из себя извергающий пламя, сказал мне:

— Душа! Чему дивишься? Если ты в продолжение твоей жизни жила, чтобы угождать диаволу и его ангелам, то ты уже больше не Божия, а моя!

Тогда в ужасе я вскричала:

— Так, стало быть, Тот, Кто меня привел сюда, меня оставил?

Но тот же голос, за которым я шла все время, ответил мне:

— Нет, не оставил Я тебя и не оставлю здесь; но слушай со вниманием слова, которые Я говорю, ибо ты должна все, что услышишь и слышала, рассказать на земле, ничего не прибавив и не убавив из слышанного и виденного.

И, обратясь к «ужасному», голос сказал:

— Сатана! Ты ошибаешься: эта душа еще не принадлежит ни Мне, ни тебе: еще не кончена земная жизнь ее.

И сказал на эти слова «ужасный»:

— Зачем Ты даешь этой душе такое видение и показываешь ей тайны и глубину Твоих путей?

Голос отвечал:

— Не за заслуги сей души извещаю ей судьбы Мои, но по милосердию Моему к людям и во свидетельство им она должна видеть и знать то, что ей показано. Ты поторопился, сатана, послать свою сопротивную силу на землю, чтобы смутить и погубить людей, — еще не узнал ты времени своего, и хотя ты успел приобрести царству своему десять с половиной тысяч овец Моих, но Я прощу им, и если нужно будет, то прибавлю тридцать лет земной жизни этим душам грешным, чтобы привести их на путь покаяния. Ты водил свою силу на разорение и погибель народов, ты воздвиг против них свое орудие — Наполеона, но для Меня нет деления людей на французов и русских, а знаю Я только человеческие души. Сила твоя — во злобе и лжи, но Моя сила — в милосердии, и на сто грехов Мне довольно одного

доброго дела, чтобы спасти душу. По образу Моему Я сотворил человека, но не для тебя, а для Меня. Люди своевольно следуют и губят себя за тобой, но Я сотворю во время определенное, что они отдалятся от тебя.

И сказал мне голос:

— Выйдем отсюда!

И привел Он меня в место сокровенное, где я услышала некое совещание и вновь получила повеление объявить его на земле. В совещании этом я услышала о казнях, определенных земле, дабы ими привести людей через покаяние в злых их делах к Богу.

И был совет святых послать на землю язву тяжкую, смертную, или превратить в знамение людям воду в кровь, или потрясти землю великим землетрясением, или уничтожить великий град Москву за беззакония человеческие, как Содом и Гоморру. Но сказал святым Своим Господь:

— Если Я пошлю язву, добрые истребятся вместе со злыми, и не останется на земле добрых, как устоит она? Если воды обращу в кровь, то все живущее на земле погибнет — и люди, и звери, и птицы, и рыбы. Пошлю землетрясение — те, кто будет им пощажен, возомнят, что они лучше тех, которые им будут наказаны. Москву истребить? Святые, от многих веков в ней почивающие, просят к ней Моей милости, и ради Моей любви к ним пощажу Москву.

И было решено на Совете Господнем опустошить часть земли голодом и не дать ей плодоносить для наказания тех стран, где

забыты законы Господни, где презренны священные праздники, установленные в память благодеяний Божиих, явленных Его милосердием грешной земле. И повелено мне решение суда Господня оповестить людям моей земли. И сказала я:

— Господи! Верить мне никто не захочет, что я была свидетельницей всего виденного и слышанного.

Голос незримый сказал мне:

— Моим повелением уже возвещали в иных странах христиане — сердцем и разумом простые. Теперь и для России Я избираю глас невежественных и слепцов, дабы им посрамить премудрость сего мира. Правосудие Мое истинно, и суд Мой нелицеприятен: твоя обязанность — говорить, а Мне — творить Мою волю. Если в этом году слова твои сочтут басней, следующий докажет истинность твоего посольства. Как верно то, что святой Мой Макарий нетленными мощами почивает в Можайске, так и то верно, что исполнится на людях России Мое наказание.

И сказано мне было тут, что тот старец, которого я видела в своем видении в древней соборной церкви в Можайске, и есть святой Макарий, что мощи его почивают в земле сто девяносто пять лет и молитвы его низведут на Россию великое Божие благословение.

И было мне сказано о пастырях Церкви Господней, о священниках, что весьма немногие из них достойно носят это имя, но

что как бы ни были они малодостойны великого своего призвания, но литургия, ими совершаемая, все-таки — литургия, ибо вместо них Ангелы Господни совершают служение. Говорили святые, что грех великий тем священникам, которые нюхают табак во время Богослужения и принимают без должного благоговения Тело и Кровь Христову. Но сказал мне голос:

— Ты слышала в Можайске Божественное служение Моих Ангелов, знай, что и в земном Моем клире ты услышишь певцов Моих, тела которых измождены Меня ради, а души Мною насыщены. Но много и таких, коих тела насыщены, но души изнеможены.

О господах наших мне было сказано, что они прогневляют Бога балами, театрами — роскошью сатанинской и обольщением.

И сказано мне было еще про мудрецов мира и ученых, что они забыли Божий Закон, не веруют вечным мучениям, учат многому, а «единое на потребу» оставили. Сказал мне голос:

— Не тот Мне любезен, кто много из премудрости земной знает, а воли Моей не творит, а тот, кто хотя и весьма мало знает, но делает много, творя по Заповедям Моим.

О военных мне было сказано, что беседа их соблазнительная и нечестивая — мерзость в очах Господних и что невоздержанность языка их погубит...

Видение это мне было 16 февраля 1839 года...

3 мая 1840 года я видела во сне, что мне должно быть 20 мая в Можайске и заказать панихиду по святому Макарию и молитвы святого отстранят гнев Божий.

В другом сне мне было сказано, чтобы я сходила в Новоспасский монастырь к отцу Филарету* рассказать свой сон. Я была у него и рассказала ему все, что удостоилась видеть. Отец Филарет советовал мне не унывать от препятствий, искушений и даже гонений, которых я должна ожидать, а пребывать во всякое время верной Богу и Его велениям.

В другой раз я получила во сне повеление идти во Ржев к Спиридону Яковлевичу**, который в то же время видел сон, возвестивший ему мое прибытие.

На третьей неделе Великого поста 1839 года, в ночь с пятницы на субботу, я видела сон, в котором мне было приказано рассказать все, что видела, великому князю Наследнику Александру Николаевичу. В этом же сне, в утверждение моей душевной бодрости для исполнения страшного приказания предстать перед очи наследника русского престола, мне было показано, что и Государь Наследник имел в ту же ночь видение Господа, Который ему сказал:

---

* Великий старец, подвизавшийся в Московском Новоспасском монастыре. Канонизирован Русской Православной Церковью.

** Ржевский блаженный, Христа ради юродивый и прозорливец.

— Хочешь ли ты знать пути Мои?

— Хочу, Господи! — отвечал великий князь.

И ему было сказано:

— Не от Меня ты услышишь их, а вот эта тебе их расскажет.

И я была показана наследнику в его сонном видении.

Но прежде, чем мне было решиться говорить с ним, со мной сделалось такое душевное томление, такое явилось отвращение от исполнения данного мне поручения, что я себе нигде места не находила, пока, наконец, находясь в церкви, я не приняла твердого решения идти к государю наследнику во что бы то ни стало. Необходимо мне было сказать об этом своим господам и просить их разрешения, и, к великой моей радости и удивлению, господа мои меня выслушали с любовью и дозволили мне следовать моему внушению.

В это время в Бородине были военные маневры, на которых присутствовали Государь император с наследником цесаревичем. Когда я подошла к наследнику Престола, он спросил меня, что мне нужно. Я рассказала ему мои сны и, чтобы он поверил им, прибавила, что я та самая, которую он видел во сне в ночь с пятницы на субботу третьей недели Великого поста. Ночь эта оказалась отмеченной в памятной книжке Великого Князя, и, крайне удивленный, он выслушал меня с большим вниманием и немедленно послал меня в палатку государя императора.

Целых два часа я пробыла у Государя, рассказывая ему обо всем виденном, и удостоилась монаршей милости: государь приказал через князя Орлова выдать мне десять рублей. Я было не хотела их брать, но и отказаться побоялась, потому что это было приказание императора.

Рассказывая государю о бедствиях, которые угрожали России, я сказала Ему, что Он может их до некоторой степени предотвратить открытием мощей святого Макария. Государь мне ответил на это:

— Я недостоин такого дела.

Тогда я сказала ему:

— А разрушить древний Алексеевский монастырь, чтобы на месте выстроить новую церковь, ты почел себя достойным, не потрудившись даже вопросить людей Богоугодных, угодно ли это Божьей воле?

Мне показалось, что слова мои тронули государя, и я прибавила:

— Ты назначил на построение этой новой церкви семнадцать лет, но я Тебе скажу: если бы Ты открыл мощи святого Макария, то церковь в его имя ты бы выстроил в короткий срок, а этот, которого ты назначил строителям, не выстроит тебе и в семнадцать лет!

Выслушав меня, государь угрожал мне тяжким наказанием, если окажется, что все ему рассказанное я выдумала от себя; но я ему ответила, что для меня лучше претерпеть всякие казни, чем молчать, ибо я получила повеление говорить.

Когда я вернулась обратно из Бородина к своим господам, то оказалось, что меня уже ожидало от них гонение: отнесясь прежде с верой к моим видениям, теперь они выражали к ним презрение, укоряли меня в тунеядстве и бродяжестве, а затем объявили меня сумасшедшей.

Тяжко мне было вступить в прежнюю свою жизнь, и я наконец решилась опять оставить своих господ и идти в Петербург, чтобы опять видеть государя и напомнить ему о суде Божием над Россией. Пришла я из Москвы пешком с рублем серебра денег, и — вот теперь в Петербурге. Не зная здесь ни одной души, я попросила первого встреченного мною будочника свести меня на съезжую, так как у меня не было ни паспорта, ни пристанища. Я провела четыре дня на съезжей и в управе благочиния, где много вынесла всяких насмешек, но и там нашлись люди, которые меня слушали со вниманием, а полиция, снявши с меня допрос, перевела в большую тюрьму, где одна из тюремных надзирательниц, пожалев меня, вывела меня из тюрьмы и взяла к себе в дом на поруки.

ВИДЕНИЕ АФОНСКИМ ИНОКОМ ГОСПОДА И ЕГО НЕБЕСНОГО ГРАДА

Это видение неизвестного афонского инока было прислано 5 апреля 1861 года митрополитом Санкт-Петербургским Исидором своей духовной дочери.

7 марта 1854 года, вставши в полночь, чтобы идти к утрени, и пришедши в церковь, когда братия читала полунощницу, стал я в форме* на свое место и размышлял, как Спаситель наш пришел в мир сей и, воплотившись от Пресвятой Приснодевы Марии, принял столько трудов из любви к нам, человекам.

Находясь в сих мыслях, пришел в столь сильное умиление, что слезы, как ключи воды, текли из глаз моих. Причем, читая умственную молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, пришел в бо́льшее еще умиление, а любовь к Богу пылала в сердце моем как огонь. В это время вижу я лестницу, которой один конец начинался в моем сердце, а другой досягал до небес. И хотя видел церковь и братию, чи-

* Форма — место в храме, предназначенное для иноков.

тавших правило утреннее, но молиться не мог и, опустивши в форме доску, сел на оную. В ту минуту ничего я уже не видел внешнего — ни церкви, ни братии, а видел прекрасный луч, освещенный столь лучезарным светом, что, казалось, он происходил как бы от многих солнц, причем луч сей испещрен был цветами необыкновенной красоты. Смотря с удивлением на сей луч, которому подобного никогда не видел, и не постигая, как зашел на оный, увидел на нем множество мужей, кои все были в монашеском одеянии, но не в черном, а в светлозлато-сияющем белом одеянии, и на главах их были венцы, сияющие необыкновенной красотой.

Идя по сему лугу, увидел я другое собрание: тут все были молодые, и одеяния на них были воинские. Когда я подошел к ним ближе, они отошли от меня и говорили между собою как бы в один голос: кто из нас желает взять этого брата и довести до царя? Тогда один из них, воин, как бы полководец, величественного и могущественного вида, превосходивший всех славою и светом, как бы луна между звездами, сказал: «Я возьму его и провожу». И назвал меня по имени. «Вы знаете, — продолжал он, — как он любит меня и молится мне, и что много раз я ходатайствовал у царя за эту душу». Услышавши это, я подумал, кто таков этот воин, которому подобного в красоте и величии никогда не видел, и как он знает мое имя? Тогда воин, приблизившись ко мне, сказал:

«Брат, — и назвал меня по имени, — я знаю, что ты любишь царя и меня любишь, а потому я и провожу тебя к Нему». На что я отвечал ему, что я недостоин видеть царя и какой это царь, о котором он говорит. «Ты спрашиваешь, — сказал воин, — какой это царь, а между тем, не зная Его, любишь, а также любишь и меня, хотя и меня не знаешь, а потому и должен идти со мною к царю».

Не находя слов отвечать ему, я пошел за ним по тому лугу, который видел, и думал, какой это воин, который так меня любит и так много для меня делает? И хотел спросить его имя, но совестился и думал, что узнаю после, спустя немного времени. Окончился этот луг, направо коего увидел я две высокие стены и посреди них весьма узкую дорогу. Воин пошел по этой дороге прямо, а я боялся. Заметя это, он остановился и сказал: «Брат! Для чего ты боишься идти за мною? Знай, что этот страх происходит от того, что ты не творишь Иисусовой молитвы: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, которую всякий христианин должен творить при каждом своем дыхании». Услыша это, я начал умственно читать сию молитву, и вдруг разлилось в душе моей великое умиление. И сама молитва начала изливаться от души моей, и сделалось мне не только мирно и спокойно, но и сердце мое начало пылать и гореть любовию к Богу, почему и весь страх и боязнь совершенно от меня отошли. Тогда воин, остановясь, ска-

зал: «Брат, вижу, что ты теперь спокойнее. Если хочешь иметь всегда мир, какой имеешь теперь, не должен быть ленивым, но часто творить молитву Иисусову. И каждый человек, который хранит сию молитву, очищается душой от всякого греха и вкушает сладость любви Божией, как и ты теперь несколько вкусил оной, но доселе обленился и оставил совершенно сию молитву. Почему и приказываю никогда не оставлять ее и каждый вечер исповедовать духовнику все помыслы, хорошие и нехорошие». Сказав это, он пошел прямо по узкой дороге, а за ним последовал и я. Когда мы дошли до середины дороги, увидел я наверху стены большой Крест. Дошедши до Креста, воин, остановясь пред ним, осенил себя троекратно знамением Святого Креста и, поклонившись три раза Кресту, сказал тропарь: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим. По учинении сего он сказал мне, чтобы и я делал то же, что он делает. И после сего пошел далее.

Продолжая путь, вскоре пришли к концу дороги, на краю коей увидел я великую пропасть, которая не имела конца и пределов со всех сторон, а внизу оной была темная бездна. Смотря на эту пропасть, увидел в чрезвычайной дали высокие горы, досягающие неба, и чрез сию пропасть как бы мост, состоящий из одной узкой круглой жерди, не более как кругом только в одну четверть, и укрепленную одним концом в конец дороги, а другим досязающую до горы и колеблющу-

юся как бы древесный лист от сильного ветра. Видя, что воин намеревается идти прямо по этой жерди, я смотрел по правую и по левую сторону, ища прохода безопаснее этой жерди. Заметив это, воин упрекнул меня, что я не творю молитвы, и от этого я опять смутился и пришел в страх. И когда я подал ему правую руку, мы пошли по жерди, которая колебалась под нами, как нить, отчего я, пришедши опять в смущение, не мог идти далее. Воин, посмотрев на меня, сказал: «Брат, здесь надобно призывать Имя Матери Божией, Она здесь много помогает!» Услышав это, я в то же время начал взывать: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» И вдруг боязнь, которую я чувствовал, удалилась, и я пошел за воином безбоязненно. Спустя немного пропасть эта кончилась, и мы достигли какого-то города. Здесь воин остановился и сказал: «Брат! Теперь мы прошли уже все опасности!» Я, смотря на город и видев в нем множество растущих деревьев, похожих на масличные, думал: «Для кого так много растет этих деревьев?» При входе в город воин хотел оставить мою руку, но я не хотел выпустить ее из его руки, и от великой любви, которую ощущал к нему, удерживал его руку. Когда мы дошли до середины города и середины горы и немного остановились, я, смотря вокруг себя во все стороны, увидел пред собою большую гору, по которой мы и пошли далее. Взойдя наверх горы, увидел я большие врата, отворенные на восток.

Воин, осенив себя троекратно знамением святого креста и приказав мне сделать то же, пошел во врата, а за ним и я последовал. При вступлении во врата увидел я поле, которому конца не было видно, но подобно небу расстилавшееся в безконечность. Лучезарный свет в сем поле был так силен, что, казалось, оно освещено было многими солнцами. Самая красота поля и цветов, коими оно было испещрено и устлано, превосходила не только все доселе мною виденное, но и ум человеческий не может вообразить подобных красот. Когда я, все это видя, помышлял, что желал бы навсегда остаться в сих местах, воин сказал: «Брат! Ты думаешь, что желал бы здесь остаться, но тебе должно увидеть еще и другие страны, несравненно лучше этих, и потом увидеть и Самого Царя».

Когда опять пошли мы далее, увидел я большое собрание мужей, число коих было так велико, что глаз не мог обозреть безчисленность оных. Они все были в монашеских одеяниях, но одежды их были не черные, а светлые. И на главах венцы, и лица их сияли как солнце. Они все говорили воину: «Радуйся, святой великомученик Георгий! Благо, что пришел сюда». — «Радуйтеся и вы, — отвечал святой Георгий, — и радуюсь видеть вас, угодники Божии!» — «Святой Георгий! — сказали они ему, — ты споручник и попечитель этой души. Этот монах прежде был хорош, а теперь стал ленив к молитве». И, смотря на меня, сказали: «Брат! — и

назвали меня по имени, — как случилось, что ты прежде был усерден, а теперь стал ленив? Ты хорошо знаешь, что, если человек живет на земле и сто лет и наслаждается всеми благами роскоши, пресыщения и удовольствия, не заботясь о душе своей, придет час или минута смерти, когда адская пропасть поглотит всех живущих в нерадении и лености, ходящих по воле сердец своих и пребывающих без покаяния, как ты пребываешь в лени. Рассмотри, как ты прежде был высок и с какой высоты ниспал и сделался недостойным пребывать в сих местах Царствия небесного, в которых мы обитаем». Потом, обратясь к святому Георгию, сказали: «Георгий, возлюбленный Христа, сопутствуй душе этой и доведи ее до Царя, и мы будем заботиться и молиться о ней».

После этого мы пошли полем, тогда я вспомнил, как путеводитель мой в первом поле, когда я только что увидел его, говорил обо мне своим собратиям, воинам: «Я знаю, как он любит меня и молится мне!» Вспомнивши это, я упал ему на выю и, крепко обнимая, не сдерживая чувств своих, долго лобызал лицо его. Затем, взявшись за руку, пошел с ним далее и увидел другое собрание мужей, также в монашеских одеяниях. Но сияние от одежд их было так лучезарно и венцы на них блистали так светло, что я не мог смотреть и переносить их блеска. Впрочем, число сих святых было очень мало. Тогда я сказал святому Георгию: «Святой Георгий, брат мой! Какие дела совершили на зем-

ле эти святые, что они столь превосходят красотою и сиянием прочих, коих доселе я здесь видел?» На что святой Георгий отвечал: «Брат! Это души монахов, живших на земле без наставников и учителей, руководствуясь Святым Писанием и учением древних святых отцов. Подражая им, они совершили подвиги благочестия. И за то Господь прославил и возвеличил их в Царствии Своем». Тогда я сказал: «Святой Георгий! Теперь истощились на земле уже такие святые. И есть ли еще таковые в наше время?» Святой Георгий отвечал: «Очень мало! Теперь на земле — все более злые люди, любви нет, вместо любви ненависть, веры мало, вместо правды царствует ложь, сердца охладели, ничего нет для них труднее, как спасение души, все любят суету. Мало, очень мало, которые любят спасение и заботятся, как прежние, о спасении души своей, а которые и любят спасение теперь — им этот путь очень тяжек и труден». Сказавши это, святой Георгий замолчал, и мы молча продолжали путь.

Спустя немного я увидел на востоке большие палаты, подобные дворцам. Они так были пространны, что не видно было их конца. Из этих палат разливался сильный свет, который распространялся на всю окружность и освещал сиянием необыкновенного блеска сии палаты. Архитектура, формы и размеры их были так восхитительны и необыкновенно красивы, что ум человеческий не сможет и вообразить такого вида, и были все как бы из чистого золота. Когда я

спросил святого Георгия, какие это дворцы и палаты, он отвечал — Царские, в которых обитает Царь.

За сим подошли мы к дворцам, для входа в которые были отпертые врата. Святой Георгий осенил себя троекратно крестным знамением и, сделав три поклона, вошел во врата. Я, подражая ему во всем, последовал за ним. Когда мы вошли во врата, то представилась нам большая ограда, со стены коей виден был весь дворец и все палаты. Прямо пред нами были другие врата. Когда мы вошли в сии, другие, врата, увидели большой и необыкновенной красоты коридор, который шел прямо от врат и по коему ходило много мужей в монашеском одеянии багряного вида, как бы то была самая чистая кровь. В правых руках держали они кресты, а в левых финиковые ветви, на главах были венцы необыкновенного сияния, и лица блистали как молния. Все они подошли к нам и сказали: «Святой Георгий! Ты взял эту душу под свое покровительство, когда еще приведешь ее к нам и водворишь у нас?» Святой Георгий отвечал: «Когда угодно будет Богу!»

В конце коридора виднелись большие двери. Все они были украшены драгоценными блестящими каменьями, которым подобных я никогда не видел. Направо от дверей был образ Господа Иисуса Христа, а налево — образ Божией Матери. Святые с молниезрачными лицами сказали мне: «Брат, почему ты не подвизаешься и не трудишься для спасения души своей? Мы тебя давно

здесь ожидаем». Сказавши это, они взяли меня на руки, как бы младенца, и поднесли к дверям против образа Божией Матери. И все, а с ними и святой Георгий, запели: «Аксиос! Достойно есть яко воистинну...» — весь тропарь сего славословия Божией Матери. Когда они пели, то каждое слово запечатлелось в сердце моем. По окончании пения все положили земные поклоны пред образом Матери Божией и прикладывались к образу. Потом сказали мне: «Мы это делаем для тебя, чтобы не думал, что видение это — от врага прелесть, но что Бог по великой милости Своей благоволил удостоить тебя видеть все это для блага души твоей». Сказавши это, они от нас удалились, и я остался со святым Георгием против дверей.

Двери эти немедленно отворились без помощи рук человеческих. Великий свет пролился из дверей, и слышен был глас: «Велика милость Божия для сынов человеческих!» Сквозь отворенные двери я увидел огромную церковь, красота и великолепие коей превосходили все, что только может вообразить ум человеческий. Среди церкви был Престол наподобие царского, на коем восседал Сам Спаситель. Облачение на Господе было архиерейское, а на Божественной Главе возложена была корона наподобие венца царского. Вид Его, Божественный, был юный, тридцатилетнего мужа. Вокруг Престола предстояло множество святых, из коих одни были в одеждах иеромонашеских, а другие — в монашеских. Свет Лица Гос-

подня сиял и превосходил сиянием сто тысяч солнцев, или сказать более, что неисчислимое число солнцев не может сравняться со светом Его Божественного Лица и всего Его Божества. Свет, происходивший от Лица Господня, изливался и на всех предстоящих Ему святых и так сливался в одно целое, что невозможно было распознать отдельное сияние света Лица Господня от сияния ликов святых, окружавших Его и освещенных Его Светом.

Святой Георгий подошел прямо к Господу, но я не мог последовать за Георгием и, чувствуя страх, остановился. Святой Георгий, остановясь, обратился ко мне, спросив: «Для чего ты не приближаешься ко Господу?» На что Господь сказал: «Он этого недостоин!» Святой Георгий приблизился один ко Господу, и все святые, окружавшие его, поклонились Георгию, подобно тому, как великий полководец, приближаясь к царю земному, зрит, как все окружающие кланяются ему и отдают честь. Сам Господь, когда приблизился Георгий, восстал от Престола и, отверзши Свои объятия, лобызал его чело и сказал: «Хорошо, что ты пришел ко Мне, Мой возлюбленный!» Сказавши это, Господь воссел опять на Престол, а Георгий сделал три земные поклона и, облобызав ноги Господа, сказал: «Господи! Ты много возлюбил род человеческий и для искупления и спасения оного пролил всю Божественную Кровь! Прости и сию душу и сподоби ее быть достойною приблизиться к Тебе!» Господь от-

вечал: «Я не прощу этого монаха, он прежде был хорошей жизни, но теперь сделался ленивым. Я много даровал ему даров, другие праведники Мои работают и трудятся для Меня тридцать и сорок лет, и Я не даю им подобных даров, которыми удостаивал этого монаха». На что Георгий сказал: «Господи! Ты ведаешь, каков теперь мир, каковы люди — слабые и немощные, не таковы, какие были прежде. И когда кто из настоящих людей захочет подражать древним святым, другие, и некоторые даже духовники и старцы, говорят: «Теперь не то время, и прошли те времена, когда предпринимали такие подвиги». Господь отвечал: «Я знаю все, знаю, что на земле мира нет и истинных добродетелей нет. Они кончились. Правды нет, веры мало, любви не стало; на земле царствуют ложь и ненависть. Не только живущие в мире, но и монахи, иеромонахи, духовники, наставники и старцы ходят по стезям неправды и вторично Меня распинают. Я много терпел и терплю, ожидая их покаяния и исповедания. А этот брат, хотя Я и ущедрял его Моею любовию, проводит дни в лености и заботится душою только о теле и временной жизни. Я много раз призывал его и говорил ему, он слышал глас Мой и открывался духовнику, который подтверждал, что глас этот от Бога. Но он, не внимая этому и не заботясь о Моем глаголе, оставил прежние труды, а потому и недостоин прощения».

Уже с первых слов Господа объят я был таким страхом и трепетом, что с ужасом

ожидал, как Господь повелит низринуть меня в ад. Но любовь ко Господу, которая прежде наполняла мое сердце, скоро изгнала страх сей. Святой Георгий сказал: «Господи! Ты знаешь все сокровенное и видишь, как монах этот любит Тебя во глубине своего сердца». И, падши к ногам Господа, сказал: «Господи! Ты ведаешь, что я всю кровь мою пролил из любви к Тебе, ради моей крови отдай мне этого брата, прости его и удостой приблизиться к Тебе!» Тогда Господь милостивым оком и веселым лицом взглянул на Георгия и, взявши его за руку, поднял и сказал: «Да будет тебе якоже хощеши!» Тогда Георгий встал, а Господь взял сосуд, наполненный чем-то красным, как бы кровь, и, держа его в левой руке и десницею благословляя, сказал: «Георгий, возьми этот сосуд, он преисполнен Моею любовию, иди и дай этому брату». Георгий взял и, подошедши ко мне, сказал: «Брат! Осени себя троекратно знамением святого креста и пей из сего сосуда!» Когда я пил из сосуда — не знаю, что в нем было, но было так сладостно, что во всю жизнь не вкушал ничего подобного. И сердце мое запылало в ту же минуту любовию к Богу; я видел, как Георгий, взявши от меня сосуд, передал его Господу уже пустым — в нем не оставалось уже ничего. И не стало во мне ни страха, ни боязни; я сам, без посредства Георгия, приблизившись к Господу, повергся к Божественным стопам Его и, лобызая оные, плакал некоторое время. После сего Господь сказал: «Георгий, возьми этого

брата и иди с ним на землю. Он должен трудиться и подвизаться, чтобы сделаться таким же, каким был прежде. И для сего очистится, как злато в горниле огненном, и после Я приму его сюда. Если же пребудет в такой же лени, как был во все это время, то он сам видел — пропасть поглощает тех, кто живет нерадиво и лениво, и не трудится для Бога, и не приносит плодов покаяния».

После сих слов Господа святой Георгий взял меня за руку, и он и я, сотворивши по три земных поклона пред Господом и облобызав ноги Его, отправились в обратный путь. И двери за нами затворились. Когда опять вышли в тот коридор, то все святые в багряных одеждах приблизились к нам. И когда я сказал Георгию, что желал бы навсегда остаться в этих местах, он мне ответил, что этого сделать невозможно, потому что Царь повелел, что дабы я прежде очищен был, как злато в горниле. При этом и святые в багряных одеждах мне говорили: «Брат! Спеши очистить душу свою подвигами и трудами, и мы будем тебя ожидать. Помни ту пропасть, которая поглощает живущих в лености». Просили и святого Георгия, чтобы он заботился о моей душе, обещая самим молиться о мне ко Господу.

После этого мы пошли далее и прошли врата и ограду, а также и другие врата, вошли в поле, где опять я увидел тот небольшой собор святых, превосходивших прочих красотой и величием. Это были души монахов настоящего времени, и, смотря на них

прилежно, старался заметить — не увижу ли каких-либо посреди них известных мне лиц. Но не видел ни одного, причем сердце мое преисполнено было такою любовию к святому Георгию, что вся душа моя соединилась с ним. Продолжая путь и прошедши поле, достигли горы. Гора эта была так прекрасна, что мы долго утешались ею и, смотря на растущие на ней масличные древа, восхищались зрением сих красот, причем смотрел я со страхом и на ту пропасть, которая была под горою. Спустившись же с горы, мы подошли к жерди, перекинутой чрез сию пропасть в виде моста. Святой Георгий взял меня за руку, и я пошел за ним без страха. Когда достигли середины пропасти, святой Георгий остановился и сказал: «Брат! Видишь ли, сколькими милостями и благодеяниями награждает Господь твою душу! Смотри не забудь, что видел. Подвизайся и не будь ленив и нерадив, приготовляй себя быть достойным вкусить опять из Божиего сосуда. Матерь Божия и я будем твоими заступниками».

Засим, осенив меня по лицу три раза крестным знамением, стал невидим, и я остался один посреди пропасти на жерди, которая колебалась подо мною, как нить. Причем слышал я из пропасти множество голосов, кои вопияли: «Пойдем возьмем этого монаха, — и называли меня по имени, — теперь ушел от него Георгий и он остался один. Поспешим взять его! Видите, что он хочет по этому узкому дереву переправить-

ся чрез пропасть!» К тому же слышал я и громы из глубины пропасти. Тогда, ужаснувшись, возопил: «Господи! Какая душа может перейти чрез эту пропасть без испытаний и опасности? И что может здесь помочь ей?» Тогда услышал с неба глас, говорящий, подобно грому: «Добрые дела помогают перейти этою дорогой. Или когда Матерь Божия молится за какую душу — лишь тогда только душа эта спасается от сей пропасти». Услышав это, я возопил: «Матерь Божия и святой Георгий! Помогите мне, грешному!»

Тогда увидел я опять свою церковь и братию, оканчивающих утреню.

ВИДЕНИЕ НЕБЕСНЫХ ХРАМОВ ПОСЛУШНИКОМ КУРСКОЙ КОРЕННОЙ ПУСТЫНИ

Записи этого видения были представлены одним из послушников в виде докладной записки настоятелю Курской Коренной пустыни архимандриту Ювеналию (Половцеву), впоследствии архиепископу. Копия этой докладной записки была переслана архимандритом Ювеналием одному из оптинских иноков, от которого и получил ее Сергий Нилус, опубликовавший это видение в одной из своих книг.

«Его высокопреподобию настоятелю Курской Коренной Рождества Богородицкой пустыни, отцу благочинному монастырей архимандриту Ювеналию.

Простите, батюшка, с Вашего благословения приступаю к сему делу с дерзновением и, объятый слепотою и неразумием, прошу и надеюсь, что Вашим благоразумием и милостивой отеческой любовью они будут покрыты, ибо в Вашей особе вижу истинного служителя Божиих Таин и потому вручаю себя вашей святыне.

Я как теперь помню, меня жестоко смущал помысл оставить монастырь и уйти в

мир. Соизволяя сему помыслу и смутившись сердцем и душою, я предался отчаянию и наконец решил осуществить свое намерение и вернуться в мир. Это было в четверток, а уйти из монастыря я назначил себе в воскресенье.

На следующее утро, то есть в пяток утра, когда по чиноположению монастырскому будильщик ходил будить братию к утрени, он зашел ко мне и разбудил и меня, но я, по обычной своей лености, лег опять на постель подождать, когда зазвонят к утрени, и тотчас заснул.

И представилось мне следующее видение: вижу я, что я будто уже умер без покаяния, сижу над своим телом и горько плачу. И мысль моя во мне говорит, что я осужден в ад на вечное мучение. В плаче этом я говорю:

— Господи! Если бы я знал, что умру в настоящую ночь, то сходил бы к своему духовнику, покаялся бы и просил бы братию помолиться обо мне. А теперь я умер без покаяния, и что мне теперь делать? Господи! Хоть бы Ты, подвергнув меня временно мучениям, дал мне воскреснуть, чтобы принести покаяние: Ты долготерпелив и многомилостив, и, что невозможно у человека, у Тебя все возможно.

В эту минуту, когда я так взывал ко Господу, явился некий юноша, весьма красивый лицом, в белой, блестящей, как бы шелковой одежде, опоясанный крестообразно на груди широкой розовой лентой. Подошел ко мне этот юноша, взял меня за руку и повел в ка-

кое-то темное, мрачное место. Ах, что же я там увидел!.. Много нагих людей сидит в этом месте: одни горько плачут, другие жалобно стонут, а иные скрежещут зубами, рвут на себе волосы и кричат:

— Увы! Увы! Горе нам! О горе, о беда!..

При виде этого сердце мое исполнилось страха и ужаса, так что я трепетал от страха.

И говорит мне приведший меня туда юноша:

— На это место мучения широким путем пришли люди, а теперь я покажу тебе, куда тесный путь вводит и куда войти можно только скорбями многими.

И только он выговорил слова эти, как явился другой юноша, во всем подобный первому, и назвал его по имени, но имени этого я припомнить не могу. И юноша этот берет меня за руку и говорит первому, водившему меня:

— Пойдем к его гробу: там начали петь панихиду!

Тут мы все трое очутились в нашем соборе, но только ни гроба, ни тела моего я там не видел, а только слышал пение: «Твой есмь Аз, воззови мя, Спасе, и спаси мя».

Мне стало вдруг легко и радостно и весело на душе. И говорит мне первый юноша:

— При пении панихиды душе делается всегда весело.

В это мгновение представилось мне, что мы стоим перед какими-то великолепными вратами, и вижу я: у врат этих стоит множество Ангелов в белых, сияющих одеждах и

лица их — красоты неизреченной. Путеводители мои вошли в эти врата невозбранно, а меня предстоящие Ангелы туда не допускали, и один из них сказал:

— Писано есть: ничтоже скверно внидет семо!

Тогда один из моих путеводителей обернулся на эти слова и сказал Ангелам:

— Пустите его — Бог милосердует о нем!

И по слову его расступились Ангелы и дали мне дорогу. И не успел я переступить порога врат, как раздалось неслыханное, великолепное пение: «Сии врата Господни и праведные внидут в них!»

И так пение это было приятно, что я не мог достаточно насладиться несказанной его сладостью.

Пройдя врата, мы вступили во внутренность какого-то дивного храма, и там я увидел великое множество людей всякого возраста и звания, и одни из них держали в руках кресты, другие — зеленые ветви, иные — цветы, иные — свечи, а некоторые ничего в руках не имели, но все были в великом восхищении и неизреченной радости. И носился там благоуханный воздух, тонкий и приятный, как бы голубого цвета. И сказал мне один из юношей:

— Смотри — это покой мирских людей... Пойдем далее: я покажу тебе покой монахов, потрудившихся в Коренной обители!

Тут мне показалось, что мы поднимаемся как бы по лестнице куда-то выше. И я спросил водившего меня юношу:

— Позвольте мне узнать ваше имя!

Юноша отвечал мне:

— Имя мое — Послушание. Запомни же, что и тебя послушание введет в Царство небесное.

Только мне сказаны были эти слова, как мы вновь предстали пред великими вратами и оказались в храме или обители красоты неописуемой и еще более великолепно сияющей, чем виденный мною раньше храм. И сказал мне сопутствующий мне юноша:

— Се — покой монахов!

В умилении и восторге, не в состоянии будучи достаточно насладиться открывшимся предо мною зрелищем, смотрю я влево от себя и вижу как бы облако и на нем — множество Ангелов, и плетут они венцы из различных цветов такой красоты и приятности, что нет им подобия на земле нашей грешной. И спросил я:

— Кому эти венцы и цветы?

И было мне отвечено:

— Работающим в терпении усердно Господеви, терпящим скорби в самоотвержении, писано бо есть: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает: не даст молвы праведнику». Терпи и ты: терпение преодолеет всякие скорби. Ибо говорит Господь: «В терпении вашем стяжите души ваша». Вмале потрудившиеся покоиться будут здесь вечно со святыми отцами. Все они терпением заслужили славу. Жизнь земная не что иное, как воспитание младенца, потому и писано: «Аще не будете аки дети, не войдете в Царство не-

бесное». Разбери свойство доброго отрочати и поревнуй!

Наслаждаясь красотой этой небесной обители, мы пошли далее и вступили в обширную долину, на которой росли многоразличные цветущие деревья, из которых некоторые были с плодами, но только я не мог понять — с какими. По долине этой протекали дивные реки чистой, прозрачной как хрусталь воды, и весь воздух был напоен ароматным запахом безчисленных прекраснейших цветов. Спутник мой, юноша, указывая мне на это место, сказал:

— О нем, провидев духом, говорил пророк Исаия: «Имже не возвестися о нем, узрят, и иже не слышаша, уразумеют». А апостол Павел, увидев славу, уготованную любящим Бога, желал разрешитися и со Христом быти. Пророк же Давид, мысленно созерцая эти покои Господни, так говорил: «Покой мой зде, да вселюся в онь. Коль возлюбленна селения Твоя, Господи Сил! желает и скончавается душа моя во дворы Господни...» Слышал, сколько я привел тебе свидетельств? Смотри же, зажегши светильник веры, не угаси его и старайся сосуд твой наполнить елеем добрых Христа ради дел, чтобы выйти тебе с радостию во сретение небесного Жениха, Христа. Если будешь всегда таков, как теперь, и верою ограждать себя от духа уныния и отчаяния, я всегда буду с тобою.

И сказал мне юноша:

— Пойдем к Престолу Господа Вседержителя Иисуса Христа!

И пошли мы далее все той же прекраснейшей долиной, и увидели впереди нас стоящий хор Ангелов и как бы храм, а посреди его — второй ангельский хор, стоящий по левую сторону, а по правую — третий. И расступились перед нами Ангелы, давая нам невозбранный проход и смотря на нас с улыбкой небесной любви и радости. Когда же мы проходили через ангельские ряды, то два мои спутника, юноши Ангелы, тихо коснулись моего плеча и сказали:

— Блажен ты, юноша, что оставил мир и измлада возлюбил Христа Господа!

И стали Ангелы петь: «Господа пойте дела и превозносите Его во вся веки!»

И что же это было за дивное пение! И нет ему подобия в звуках человеческого пения!..

Тут, с левой стороны, увидел я, стояли три аналойчика, подобные нашим церковным: на одном лежал Крест, изукрашенный цветами, на другом — Евангелие золотое, на третьем — икона Знамения Божией Матери. И видел я: идут прикладываться к ним попарно, с великим благоговением множество монахов, одетых в белоснежные одежды: игумены впереди, за ними архимандриты, сзади архимандритов — иеромонахи, монахи и послушники.

И сказал мне Ангел:

— Это монахи, потрудившиеся в Коренной пустыни.

Ангел мне назвал их всех по имени, но имен их я не помню.

Я спросил:

— Где же отец Иоанн Асеев?

Ангел ответил:

— Он здесь.

— А можно его видеть? — спросил я.

— Нет, — отвечал Ангел, — увидишь его после. Пойдем и мы приложимся!

И пошли мы в паре с моим Ангелом, и когда мы подошли ко Кресту, то Ангел сам перекрестился и сказал мне:

— И ты перекрестись!

Мы приложились ко Кресту, Евангелию и иконе. И в это время правый хор Ангелов запел: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...», а левый затем пел: «Просвети мя светом разума Святого Евангелия Твоего». И вышли потом все хоры Ангельские на середину храма и запели: «Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе Спасе Моем...» и так до конца песни.

И если бы душа моя была в теле, то расторглись бы их союзы: до того сладко, величественно и великолепно было это Ангельское пение. И трепетала душа моя восторгом невыразимым.

При звуках небесных этого небесного песнопения храм наполнился такого благоухания, что и уму представить невозможно. Не передать мне языком человеческим того восторга, радости, услады сердечной, которые испытывало тогда сердце моей души, растроганной и умиленной.

В храме, где совершалось это дивное торжество, иконостаса не было, а была на

его месте как бы огромная завеса розового цвета, и по всему храму сиял свет светлее в безчисленное число раз земного солнца, так что не было возможности смотреть вверх от неестественного блеска.

И там в свете неприступной славы Своей был Престол Господень...

Но я не мог Его видеть...

И сказал тогда мне мой Ангел:

— Теперь пора тебе к утрени. Только помни, что имя мое — Послушание. Ты теперь видел славу, уготованную любящим Бога: не скорби, что пошел в монастырь. Многие желали этого пристанища, но, не быв избранны, не могли его достигнуть...

И при этих словах Ангела я проснулся. Сердце мое исполнено было страха и радости и, как голубь, трепетало, и не знал я, где я нахожусь — на небе или на земле. Пошел я к утрени в церковь и стоял там до поучения, углубясь в размышление о виденном, после чего возвратился в келию...

Прошу святых Ваших молитв и благословения. Многогрешный послушник С. Ч. 1863 года сентября 20-го дня».

ВИДЕНИЕ РАЙСКИХ САДОВ ОПТИНСКИМ СХИМОНАХОМ НИКОЛАЕМ

Оптинский схимонах Николай (Турка) перешел в православие из магометанства. Юсуф Оглы — такое имя носил он до принятия крещения — служил в турецкой гвардии офицером, и немало потерпел от соплеменников за исповедание православия. В скит Оптиной он поступил в 1891 году, шестидесяти трех лет от роду. Видение, которого сподобил Господь отца Николая, было записано с его слов послушником Павлом Плеханковым, ставшим впоследствии прославленным оптинским старцем Варсонофием.

«В четверг 13 мая 1893 года, утром, часу в третьем, я начал читать акафист святителю Николаю Чудотворцу. Господь мне даровал такую благодать при этом, что вся книга была смочена слезами. По окончании чтения утрени я начал читать псалом 50 — «Помилуй мя, Боже», — а после него Символ веры, и, когда его окончил и произнес последние слова: «и жизни будущаго века. Аминь», в это самое мгновение невидимая рука взяла мои руки и сложила их крестообразно на груди, а голову мою со всех сторон объял

огонь, похожий на цвет радуги*. Огонь этот, не опаляя меня, наполнил все существо мое неизглаголанною радостию, до того времени мне совершенно неизвестной и неиспытанной. Радости этой невозможно уподобить никакой земной радости. И тут я не помню, как и когда я увидел себя перенесенным в некую дивно прекрасную местность, исполненную света. Никаких земных предметов я не видел там, видел только одно безконечное и безпредельное море света.

В то же время я увидел около себя с левой стороны двух стоящих людей, из коих один по виду был юноша, а другой старец. И мне сердечным извещением дано было знать, что один из них святой Андрей — Христа ради юродивый, а другой ученик его — святой Епифаний. Оба они стояли молча. И тут я увидел перед собой как бы занавес темно-малинового цвета. И взглянув вверх, я над занавесом увидел Господа Иисуса Христа, восседающего на престоле и облеченного в драгоценные одежды наподобие архиерейских. На главе его была надета митра, тоже похожая на архиерейскую. С правой стороны Господа стояла Божия Матерь, а с левой — Иоанн Креститель. Одежды на них были подобны тем, которые обыкновенно пишутся на их иконах. Святой Иоанн Креститель в одной руке держал знамение Креста Господня. По сторонам Господа стояло двое светоносных юношей дивной кра-

---

* В подлиннике — желтый, похожий на цвет радуги.

соты, в руках своих они держали пламенное оружие. Сердце мое преисполнено было неизреченной радости.

Я смотрел на Спасителя и несказанно наслаждался зрением Божественного Его лика. На вид Господу было лет тридцать. И явилось тут во мне сознание, что вот я, величайший грешник, хуже всякого пса, и вдруг удостоился от Господа такой великой милости, что стою пред Престолом Его неизреченной славы.

Господь кротко смотрел на меня и как бы ободрял меня. Так же кротко смотрели на меня Божия Матерь и святой Иоанн Креститель. Но ни от Господа, ни от Пречистой Его Матери, ни от Крестителя Господня я не сподобился слышать ни единого слова. В это время я увидел перед Господом схимонаха нашего скита отца Николая (Лопатина), скончавшегося в полдень 10 мая и еще не погребенного, так как ожидали приезда из Москвы его родного брата. Отец Николай совершил земное поклонение пред Господом, но только схимы на нем не было, а одет он был как послушник — в руках четки и голова непокрыта. И после сего я взглянул: и вот — с правой стороны великое множество людей, приближавшихся ко мне. По мере их приближения я начал слышать пение, но слов не мог разобрать. И увидел я в их среде лиц и в архиерейских облачениях, и в иноческих мантиях; у них в руках были ветви. И между ними я видел и женщин в богатых и прекрасных одеждах. В сонме свя-

тых этих я узнал многих по их изображениям на святых иконах — пророка Моисея, державшего в деснице своей скрижали Завета; пророка и царя Давида, у которого было некое подобие гуслей, издававших прекраснейшие звуки; увидел я и Ангела своего — святителя Николая. Среди этих великих Божиих угодников я видел и наших почивших старцев — Льва, Макария и Амвросия, а также и некоторых из отцов нашего скита, еще живых.

И все это великое собрание взирало на меня с любовию. И вдруг увидел я перед собою, между мною и занавесом, неизмеримую великую пропасть, исполненную мрака, и во мраке этом, на страшной глубине, — самого князя тьмы в том его виде, в каком он изображен на священных картинах. На руках сатаны сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Магомет в длиннополой одежде зеленого цвета и такого же цвета чалме. Вокруг сатаны, который представлял собою как бы центр пропасти, на всем ее безпредельном пространстве я видел тоже множество людей всякого состояния, пола и возраста, но между ними никого знакомого не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и невыразимого ужаса, не передаваемых никакими словами. На этом видение это кончилось.

После этого я был поставлен внезапно в ином месте. Это место исполнено было такого же лучезарного света, однородного, пока-

залось мне, с виденным мною в первом месте. Святых Андрея и Епифания со мною уже не было... Что видел я там, то трудно передать словами. И как изобразить человеческим языком земнородных небесные красоты, неизреченные, предивные, поистине неизглаголанные? Все там безконечно прекраснее нашего. Видел там как бы великие и прекрасные деревья, обремененные плодами; деревья эти расположены были как бы аллеями, которым и конца не было видно; вершины деревьев сплетались между собою, образуя как бы свод; устланы были аллеи эти как бы чистейшим золотом необыкновенного блеска.

На деревьях сидело великое множество птиц, несколько напоминавших видом своим птиц дальних тропических стран, но только безконечно превосходящих их своею красотою. Красоту и гармонию их пения никакая земная музыка передать не в состоянии — так оно было радостно.

В саду этом протекала река; прозрачность ее превосходит всякое описание. И между деревьями сада я увидел дивные обители, как дворцы, по подобию виденных мною в Константинополе, но только без всякого сравнения превосходнее и краше. Цвет их стен был как бы малиновый, похожий цветом и блеском на рубин. И я знал, что место это — рай, расположением своим напоминавший мне отчасти наш оптинский скит, где иноческие келии также стоят отдельно друг от друга, разделенные группами фруктовых де-

ревьев. Рай был окружен стеной, которую я видел только с южной стороны. На этой стене я прочитал имена двенадцати апостолов. И увидел я в раю некоего мужа, облеченного в блестящие одежды и сидящего на престоле. На вид мужу этому было лет шестьдесят, но лик его, несмотря на седины, был как у юноши. Кругом него стояло множество нищих, которым он что-то раздавал. И внутренний голос сказал мне: «Это Филарет Милостивый».

После него я никого из праведных обитателей рая не сподобился видеть. Посреди райского сада я увидел Животворящий Крест с распятым на нем Господом. Невидимая рука указала мне поклониться Ему, что я и исполнил. И когда я преклонился перед Ним, в то же мгновение неизреченная и великая сладость, подобно пламени, напоила мое сердце и проникла во все существо мое.

И увидел я после того великую обитель, видом подобную прочим, находящимся в раю, но неизмеримо превосходящую их своею красотою. Вершина ее, наподобие исполинского церковного купола, возносилась в безконечную высь и как бы терялась в ней. В обители этой я заметил как бы подобие некоей террасы, и на ней, на богато украшенном троне, я увидел Царицу небесную. Вокруг Нее стояло великое множество прекрасных юношей в блистающих белых одеждах, держащих в руках подобие некоего оружия, но какого, я не разглядел. Одежда на Матери Божией была такая же, как изобра-

жается она на святых иконах, но только разноцветная. На главе Ее была корона наподобие царской. Царица небесная милостиво глядела на меня, но слов от Нее услышать я не сподобился.

После сего, как бы в воздухе, я удостоился узреть Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, в подобии, изображаемом на святых Ее иконах: Бога Отца — в виде святолепного Старца, Бога Сына — в виде Мужа, держащего в деснице Своей Честный и Животворящий Крест, и Бога Духа Святого — в виде голубя.

И казалось мне, что я долго ходил среди рая, созерцая дивные его красоты, превосходящие всякое человеческое о нем представление.

Когда же я очнулся от этого видения, то долго не мог прийти в себя от великого и неизреченного утешения этого, и весь этот день был как бы вне себя от радости, наполнявшей мое сердце. Ничего, подобного сей радости, до этого времени я никогда не испытывал».

На этом в скитской рукописи заканчивается описание видения скитского подвижника — схимонаха Николая Турки.

«Ну что ты еще знать хочешь, чего допытываешься? — говорил он старцу схиархимандриту Варсонофию, в то время еще послушнику. — Придет время — и сам увидишь. Что тебе еще сказать? Да и как сказать тебе? Ведь на человеческом языке

нет тех слов, которые могли бы передать, что там совершается; ведь на земле и красок-то тех нет, которые я там видел. Как же тебе все это передать?.. Ну, вот послушай, что я тебе скажу: ты знаешь ведь, что такое хорошая музыка?.. Ну, вот я слышал ее, только что слышал, она у меня звучит в ушах, она поет в моем сердце, я все еще продолжаю ее слышать. А ты ее не слышал. Как же, какими словами могу я тебе рассказать о ней, чтобы и ты по моим словам мог ее слышать и со мною вместе ею наслаждаться? Ведь не можешь?»

ВИДЕНИЕ ОТРОКОВИЦЫ АННЫ СВОИХ СЕСТЕР В РАЙСКИХ ОБИТЕЛЯХ

Это видение было записано в июне 1892 года П. Русковым в городе Тифлисе. В конце XIX века рассказ Анны был опубликован в одном из церковных изданий.

В 1892 году на третий день Святой Пасхи я заболела дифтеритом и была отправлена в городскую больницу. На другой день, когда я, тяжело больная, лежала в постели и стала забываться, как бы засыпая, вдруг в это время я увидела своего отца, который умер более шести месяцев тому назад. Он подошел ко мне, взял за руку, велел встать и повел меня. Очень скоро очутились мы на кладбище. Отец повел меня к своей могиле, где он был похоронен.

— Вот это твоя могила, — сказал мне отец, указывая место около своей могилы.

— Я не хочу, папа, умирать, — сказала я.

— Почему?

— Я еще молодая, хочу жить.

— Ну, живи. Я возьму дедушку твоего, если на то будет воля Господня.

— Скоро дедушку возьмешь? — спросила я.

— Я тогда тебе скажу.

— А скоро ли? — опять спросила я.

— Нет, не скоро.

— Как же, папа, ты теперь со мной говоришь, — спросила я, — ведь ты давно умер?

— Умерло мое тело; оно — спит, а душа живая.

— У всех ли так бывает?

— У всех. Хорошо ты делаешь, Анюта, что помнишь и исполняешь мое приказание и зажигаешь лампаду пред святыми иконами. А вот о могиле моей никто из вас не позаботился — хотя бы ячменю на ней посеяли.

— Я скажу маме, и мы посеем.

После сего отец взял меня за руку, и мы с ним пошли. Дорога была каменистая; потом вскоре началась тропинка, покрытая красным блестящим песком. Мы пошли по этой тропинке. Она привела нас к большим, высоким воротам; на них было много икон, а по сторонам ворот стояли два монаха и держали в руках иконы. Я вошла вместе с отцом в отворенные ворота. Тут, при входе, встретило нас очень много детей; в числе их я увидела знакомых и своих братьев и сестер, умерших в разное время: Алексея — шести лет, Евгению — семи лет, Феодосию — пяти лет, Марию — четырех лет, Петра — трех лет, годовалую Антонину и Лидию — шести месяцев. Все они со мною поцеловались. Одеты они были не одинаково, а так, кого в чем похоронили, но на всех были крестики, снаружи, а на головах венчики, какие на умерших надевают в церквах; за поясками у всех были

платочки с изображениями ангельских ликов и с надписями, но что написано — я не знаю и не читала. Дети хотели было вести меня, но папа взял меня за руку и сам повел. Мы пришли к церкви, очень большой, белой, с сияющим куполом. В притворе было много икон: с правой стороны стоял монах в облачении и читал; там же на столе были крест, святая вода, свечи с изображениями Спасителя и Божией Матери и венчики. Я спросила: «Для чего здесь венчики?» «Они даются тем, кого похоронят без венчиков», — отвечал отец.

Среди церкви стоял монах и читал, но я не помню что; я рассматривала церковь. Иконостас весь блестел, и в нем было много икон; Царские врата были растворены — над ними белый голубь. С правой стороны была икона Спасителя, а с левой — Божией Матери; обе иконы большие, в белых блестящих ризах, усеянных золотыми крестиками и звездочками. На обоих клиросах стояло много Ангелов в белых одеяниях — все в один рост и все они пели: «Христос воскресе!» Я узнала Ангелов потому, что они были с крыльями, как изображаются на иконах. Кроме Ангелов и монахов, никого в церкви не было. Отец выпустил мою руку, которую все время держал в своей руке, и я стала молиться пред иконой Божией Матери. Помолившись, я хотела подойти и поцеловать икону, но кто-то невидимо удержал меня, и я не могла подойти к иконе. После сего отец взял меня за руку, и мы вышли из церкви.

Тут я увидела очень сильный свет, непохожий на солнечный. В это время отец велел мне поклониться. Я поклонилась. Потом велел встать — я встала и спросила:

— Что такое было, что мне велели поклониться?

— Тебя Господь благословил, — отвечал отец.

Тут нас опять встретили дети, и мы все пошли далее. Деревьев было много, как будто лес. Шли мы по широкой тропинке, покрытой зеленью, как ковром, и еще чем-то блестящим. Вскоре мы пришли к тому месту, где дети постоянно находятся. Тут на большом столе я опять увидела свечи с бантами из лент и изображениями святых. Дети срывали с деревьев много разных плодов и давали мне, но я отказывалась, не брала; они были как будто недовольны моим отказом и клали плоды в корзинки. Я стала спрашивать детей:

— Что вы здесь делаете?

— Богу молимся, в церковь ходим, поем и звоним на колокольне.

— За кого вы молитесь? — спросила я.

— За тех, кто за нас молится.

— Чем вы здесь питаетесь?

— Молитвами, когда нас поминают.

— Какими молитвами?

— Какие бывают на проскомидии.

— А когда вас не поминают, тогда чем питаетесь?

— Когда ты придешь к нам, тогда все узнаешь.

Тут все дети стали просить меня, чтобы я осталась у них:

— Ты будешь нянчить своих маленьких сестер.

Но я не желала оставаться. Отец сказал мне:

— Пойдем.

Я стала прощаться с детьми, брала их за руки, а они меня целовали.

Когда мы пошли, я стала расспрашивать папу:

— Спите ли вы здесь?

— На что нам сон? — сказал он. — Спит наше тело, а душа не спит.

— Разве ночей здесь не бывает?

— У нас как теперь светло, так и всегда. Свет незаходимый.

— А холодно бывает?

— Здесь нет ни холода, ни жары.

Я стала смотреть вверх, думала увидеть небо, облака, но ничего не видела, кроме сильного света и больших деревьев, стоявших вокруг и поднимавшихся на значительную высоту; а сверху видела летающих Ангелов, трубивших в трубы.

Отсюда пошли дальше. Вижу беседки, сплетенные из растений: в них были монахи и священники. Далее, за беседками, под деревьями, сидел кто-то в кресле, с короной на голове.

Я спросила папу: «Кто это сидит?» Он сказал: «Государь». Имени Государя я не знаю, не спрашивала; только вдали видела еще много таких же.

Пошли еще дальше. Вышли на тропинку, где не было ни леса, ни земли, и дорога была не такая хорошая, как прежде. Чем дальше шли, свет постепенно все уменьшался, мы подошли к каким-то подвалам; кругом было сыро, холодно, смрад. Тут я увидела много людей; некоторые из них сидели за какими-то перегородками, и все плакали. У многих женщин, склонивших головы, вся одежда была мокрая от слез. Я узнала некоторых знакомых, и свою крестную мать, умершую два года тому назад. Она сидела и, увидев меня, просилась было ко мне, но кто-то невидимо удержал ее и не допустил ко мне. Она опять села и заплакала. Я спросила:

— О чем вы плачете?

— О том, что обо мне никто не молится.

— Хорошо ли вам здесь?

— Нет, — отвечала она.

Я хотела еще ее спросить, но папа повел меня дальше; шли мы как будто под гору — все вниз. Свету там почти не было; народу было очень много — одни сидели, другие стояли.

Вдруг я увидела впереди огонь, выходивший откуда-то снизу, и сильно испугалась. Отец сказал мне:

— Ничего не бойся.

Я спросила его:

— Что это за люди?

— Грешники, — отвечал он.

Я опять стала смотреть в ту сторону, где был огонь, и увидела что-то похожее на бревна — на них висели цепи, а людей не

видно было — только одни головы. Слышны были крики, стоны, оханье.

Отсюда мы пошли назад. Подошли к воротам, около которых стояло какое-то большое чудовище, похожее на корову. Оно сильно зарычало, я испугалась и... вдруг очнулась... Лежала я в постели, около меня никого не было».

ВИДЕНИЯ НОВОПОСТРИЖЕННОГО ИНОКА МАНУИЛА В ХРАМЕ БОЖИЕМ

Игумен Мануил (в схиме Серафим) был настоятелем Свято-Феодосиевского скита Церковщина (в Гнилецких пещерах, на окраине Киева). В этих пещерах, в двенадцати километрах южнее лавры, любил уединенно молиться преподобный Феодосий. Впоследствии здесь образовалась небольшая пещерная обитель — Пречистенский Гнилецкий монастырь. Разорение Киева в XIII—XV вв. стало причиной угасания обители, к XVI в. пришедшей в запустение. Вновь открыл пещеры святитель Иннокентий (Борисов). В 1900—1902 гг. при пещерах основан монастырь Рождества Богородицы, получивший название «Скита Пречистой». Последним настоятелем обители до ее закрытия большевиками стал ученик преподобного Ионы Киевского иеромонах Мануил (впоследствии схиигумен Серафим (Ковш); † 1920), видения которого и приводятся в нашей книге.

В первые дни моего монашества мне было страшное видение, показавшее тайные козни диавола и послужившее мне предостережением на случай нападения на меня этого исконного клеветника и человекоубийцы.

По уставу Киево-Троицкого монастыря, новопостриженные иноки должны в первые пять дней после пострига пребывать неисходно в храме Божием. Поэтому и мне после пострига моего надлежало провести указанное время в храме. В ночь на пятый день я заснул легким, тревожным сном, и вдруг глазам моим представилось следующее страшное видение.

Чистое поле. На этом поле толпа бесов в образе эфиопов зажигает подземный пламень. Тут же толпа неких белоризцев прилагает усилия, чтобы потушить этот пламень. Среди этих белоризцев я вижу и себя: помогаю и я им в этом деле. Победа остается на стороне белоризцев.

После этого все исчезло, и я остался один среди чистого поля. Вокруг меня необозримое пространство [...] Я пытался разыскивать свою обитель. Подхожу к какому-то громадному зданию и знаю, что мне через него надо пройти. Вхожу в него и вижу, что дно полно уродливых, отвратительно зверообразного вида бесов. Бесы, по-видимому, о чем-то страшно скорбели... У меня не было никакого страха, и смотрел я на них только с любопытством, не испытывая ни смущения, ни боязни... Вдруг вдалеке показался яркий свет адского пламени. Шел сам князь бесовский в сопровождении полчищ бесовских. Вид его был ужасен и подобен льву, ищущему, кого поглотить. На голове его был венец, из-под которого торчали три рога, а сзади был длинный хвост...

Подойдя к скорбевшим бесам, он грозно спросил их:

— Почему вы, друзья мои, так унываете?

Бесы встали перед ним навытяжку, по-военному, и ответили:

— Как же не унывать нам, наш повелитель, когда отец Иона столько народу постригает в монахи?*

На это сатана ответил им:

— Ах, какие вы малодушные! Монахов боитесь! Постараемся же, друзья, показать им мир: все тогда наши будут... Этих ли нам монахов бояться?

И при этом пальцем показал на меня. Все бесы при этих словах повалились ему в ноги, как гром, а я в ужасе проснулся.

Предупрежденный этим видением, я усугубил свою осторожность, но не дремал и диавол. Вскоре меня по рухольному послушанию вновь оклеветали в расхищении вверенного мне монастырского имущества. Нашелся среди клеветников один брат, который ложное свое на меня показание подкрепил даже целованием Святого Креста и Евангелия; но этого клятвопреступника Господь вскоре покарал жестоко: терзаемый угрызениями совести, он заболел и через шесть недель умер. Тем не менее, после этого состояние моей души было мучительно тяжелое; я даже говорить не был в состоянии, и вся моя надежда была только на Правосудного Бога и

* В то время постригалось двадцать шесть человек. В их числе был и я.

Его Пречистую Матерь: от Них одних я только и ждал избавления от напасти и оправдания.

В таком-то горестном состоянии, возвратясь однажды вечером с послушания в свою келию, я заснул с чувством великой скорби. И представилось мне, что будто бы я уже умер. Душа моя, расставшись с телом, имела вид малого ребенка. Я смотрел на лежащее передо мной мертвое мое тело и так рассуждал сам с собою: «А где же те Ангелы, где же демоны, которые, как говорится в слове Божием и в Священном Предании, являются при разлучении души с телом?»

В то же время я обернулся лицом по направлению к Киеву и увидел, что весь город как бы озарился адским пламенем, а с неба, как сливы с дерева, когда его трясут, падали звезды. Весь народ стонал и кричал неистовым голосом.

Невозможно описать, какой ужас испытывала тогда душа моя при этом страшном зрелище!

И вдруг явились два Ангела. Одеты они были в светлые диаконские одежды, опоясанные крестообразно орарем; в руках у них были хоругви с двумя наконечниками, как это обычно пишется на иконах Воскресения Христова. От кроткого и лучезарного взора их мучительное состояние моей души мгновенно перешло в неизреченную радость.

— Куда же мы определим его? — спросил один из них, указывая на меня.

— Ты его блюститель, — сказал другой, — ты и должен позаботиться о нем.

— Что ж, — продолжал первый, — нужно его окрылатить.

И вдруг при этих словах у меня, как у птицы, выросли на спине крылья. Ангелы сказали мне лететь на восток, чтобы поспеть к ранней обедне, и показали мне дорогу. Дорога шла среди глубочайшего мрака и представляла собою как бы луч солнечного света шириной аршина в полтора, пробивающийся в скважину темного места.

На этой дороге я встретил свою сестру. Сестра была без крыльев. Я схватил ее и стал тащить, хватая то за руки, то за волосы. С обеих сторон дороги клубились адские огни и слышны были неумолкаемые человеческие стоны и вопли... Наконец мы вместе с сестрой прилетели в неведомую прекрасную обитель.

Сестру приняли внизу, а мне свет указывал лететь выше, как бы на второй этаж. И здесь я увидел дивное зрелище:

«Предо мною — безпредельное поле, и поле это было сплошь покрыто как бы полками святых угодников Божиих. Полк святителей стоял отдельно; тут же, отдельно, стояли полки преподобных, мучеников, хоры Ангелов: и все они воспевали величие и славу Творца небесного. Увидел я тут вдали и себя в том же образе ребенка. Группа иноков, среди которых я не усмотрел никого из своих, приняла меня на руки, как младенца, и я услышал невыразимо сладкое пение:

«Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Исполнь небо и земля славы Твоея. Осанна в вышних!..» И я чувствовал и сознавал, что недостоин этой славы, и скорбел, что так плохо жил на земле с братией и не любил их так, как здесь любят... И услышал хор Ангельский, и пел он на лаврский напев: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа». Пения того ни изобразить, ни даже представить себе невозможно: нет слов на языке человеческом, нет подобия, которому бы уподобить было можно это сладкое пение. От пения того сердце мое бысть аки воск таяй, и сам я точно растаял, как бы превратился в некую жидкость не чувственную, а духовную, умную, коей я и пролился с неба на землю. Проливаясь или летя на землю (изъяснить сего состояния человеческим языком невозможно), я сохранял, однако, в себе свои человеческие чувства и сознавал, что возвращаюсь с неба на землю.

Когда очнулся я от этого видения, то в течение нескольких часов не мог прийти в себя от изумления, быв вне себя от пережитого и перечувствованного, и не знал, где я нахожусь — на небе ли или на земле. Стал я ощупывать себе лицо, руки, ноги — все тело свое: я ли это или не я? Сон ли это или явь? Объяснить того состояния, в котором я тогда находился, совершенно невозможно... Наконец я ощупал стенку келии и, ползком, на ощупь, добравшись до двери, выбрался на двор. Была прекрасная, ясная, светлая звезд-

ная ночь. Я с горьким плачем присел на лавку и только тут понял, что мне было видение, а не простой сон. На душе у меня стало так тихо и мирно, что сердце мое было готово принять все страдания и муки с полной покорностью воле Творца моего и Бога, посетившего скорби души моей Своею милостью. Тут постиг я самим опытом, что значит озарение души благодатью Божией, коею Христовы апостолы, мученики, исповедники и все святые победили мир подножию Креста Господня, ни во что вменяя все страдания свои и муки.

Две недели после этого видения я находился как бы вне мира сего и даже вне себя. Все видимое и окружающее меня было как прах или пепел. Идет братия в трапезную, а я стараюсь незаметно забраться или в кусты, куда-нибудь подальше, или в темный коридор, и сижу там неподвижно, углубившись в себя, пока не хватятся меня и не отыщут.

11 октября 1887 года я был рукоположен во иеродиакона.

Оставаясь на послушании заведующего рухольной, я продолжал нести тяжкое иго гонений, скорбей и всяческой напраслины. Хлопот было много, а неприятностей и того больше. Дело было в том, что наш настоятель, великий старец отец Иона, нося сам старческую, плохонькую одежду, ходя и зиму и лето в валеных сапогах, требовал той же скромности и от братии, и потому в рухольной запасов, особенно одежды, не дела-

лось; братия же с этим не мирилась, и от меня, как от рухольного, требовали одежды приличной, которою удовлетворить всех я не мог. Отсюда и все мои скорби, ибо меня многие обвиняли во всем, не желая подчиниться духу простоты и смирения, которыми столь изобиловал дивный наш настоятель. Чтобы избавиться от нареканий и обвинений, я неоднократно отказывался от своей должности, но старец отец Иона и слушать меня не хотел. Доходил я иногда, бывало, до того, что с себя самого снимал последнюю одежду, чтобы сколько-нибудь удовлетворить нуждающихся, но это было каплей в море, и я тогда начал роптать и осуждать своего старца, забывая все величие и святость своего наставника, отца и благодетеля.

И вот заснул я однажды и во сне увидел лежащего на земле нагого человека. Подойдя к нему, я снял с себя одежду и прикрыл его наготу. Тут подошли ко мне какие-то двое, ставшие около него и, видимо, власть имеющие; подошли они ко мне и сказали:

— Так как ты живешь старым языком, то ты наш пленник.

Связали они мне руки, повели по какому-то незнакомому пути. На пути пришлось нам переходить через балку. По правой стороне ее шло пять прекрасных дев. Эти девы остановили ведущих меня и спросили:

— Куда вы его ведете?

Те ответили:

— Он наш пленник, так как живет старым языком.

Тогда старшая из дев сказала:

— Еще жив Господь Бог: мы не допустим его до обиды и берем его на поруки.

Затем, обратившись ко мне, она сказала:

— Если ты обещаешься жить новым языком, то мы тебя отпустим.

Я понял, что это означает не осуждать ближних и творить Иисусову молитву, и обещал жить новым языком. Тогда говорившая со мной дева, развязав мне руки, взяла меня за них и довела до некоего чудного места, огороженного оградой, в которой были только одни ворота. Когда мы дошли до этих ворот, то они сами собой раскрылись, и глазам моим представился чудесный сад, в котором росли прекрасные цветы и деревья. От них исходил такой аромат, что от чрезмерного благоухания, казалось, даже и дышать было трудно. В саду этом я увидел души праведников в белых ризах. Зрелище было до того поразительное и так было прекрасно место это, что я боялся даже ступать по земле дивного этого сада. И услышал я голос:

— Это селение, в котором говорят на новом языке.

На этом я проснулся и, проснувшись, решил, что это мне вразумление, чтобы я не осуждал старца, не смел роптать и занялся бы изучением великого умного делания молитвы Иисусовой. На сем я и успокоился.

Так прожил я год.

Ежедневные недоразумения по делу заведования рухольной довели все-таки в кон-

це концов меня до того, что я окончательно решил отказаться от заведования ею. Решив так, я взял ключи, принес их к старцу и заявил ему, что отказываюсь заведовать рухольной. Отец Иона сначала пытался меня уговаривать добром, успокаивая меня, а затем, видя, что уговоры не действуют, строго объявил мне, что бросить послушание мне не позволит и что для меня лучше будет, если я возьму ключи обратно. Но я снова наотрез отказался и вышел из келии старца, бросив ключи от рухольной у него на столе и сказав при этом:

— Лучше из монастыря уйду, нежели приму ключи.

Прошла неделя, прошла другая, а оставленные мною ключи как лежали на столе у старца, так и продолжали лежать, пока не созвали собора и на нем не постановили возвратить ключи мне же, оставив меня на том же послушании в рухольной. Вызвали меня на собор и объявили мне его решение. Я схватил шапку и со словами: «Господь с вами и с вашими ключами» — убежал и заперся в своей келии.

От сильного волнения я прилег и не заметил, как уснул. И увидел я во сне дивное и знаменательное для меня видение:

Вижу я рай Божий, обнесенный высокой оградой с воротами неописанной красоты. У райских врат сидела Матерь Божия, одетая в власяное рубище. Я хотел было пройти в райский сад, минуя Ее, но врата были закрыты; пошел искать других, но не

нашел. Тогда стоявшие у врат стражи сказали мне, указывая на Божию Матерь:

— Что ты врат ищешь, а Вратарницы не спросишь?

Тогда я пал ниц перед Нею, стал целовать пречистые Ее ноги и говорю Ей:

— Матушка, Царица небесная, пусти меня в рай.

Предо мною предстала отвратительно обезображенная и необыкновенно уродливая женщина: нос ее отгнил, все конечности отгнили, и от нее шел тяжелый смрад.

Пречистая указала мне на эту женщину, велела ее поцеловать и при этом сказала:

— Поцелуй эту женщину — тогда пущу в рай!

Ослушаться я не посмел и, прикоснувшись осторожно и брезгливо к носу женщины, поцеловал ее. Тогда Матерь Божия сказала женщине:

— Покажи ему дела человеческие.

И страшная эта женщина своими руками разодрала прямо против сердца утробу свою, и я с ужасом увидел там безчисленное множество разнообразнейших и отвратительнейших гадов, которые там копошились, извивались и ползали, смешиваясь друг с другом, как каша.

Святая Вратарница рекла женщине:

— Набери и дай их ему в припол (то есть в одежду).

Та набрала гадов обеими руками и подала мне. И что же это было за ужасное зрелище! Гады извивались, высовывали жала,

тянулись ко мне своими отвратительными, злобными головами... Я оцепенел от ужаса...

— Бери, бери еще, — услышал я голос Царицы небесной, — иначе не попадешь в рай!

Я взял вторично и проснулся.

Поразительно было это сновидение, и я в нем ясно усмотрел волю Царицы небесной, чтобы я продолжал нести свое послушание, несмотря на все чинимые мне скорби, клеветы и нарекания, и что если я буду ослушником Ее велению, то не спасусь и рая не удостоюсь. Сон этот произвел на меня глубочайшее впечатление, означая под гадами монастырскую братию, досаждавшую мне всевозможными клеветами.

Наутро меня позвали в келию отца Ионы, где уже были собраны соборные старцы. Отец Иона, обратясь ко мне, погрозил на меня пальцем и сказал:

— Матери Божией угодно, чтобы ты был рухольным, а иначе ты, батюшка, не попадешь в рай!

Я горько заплакал и, пораженный прозорливостью старца, покорно принял от него ключи, поклонился ему и всем присутствующим и, ни слова не говоря, вышел.

Прошел я в свою келию, забрался на чердак, положил несколько поклонов, прося помощи и заступничества Царицы небесной, и принялся вновь за свое послушание, почувствовав себя сильно укрепленным в духе против наветов вражеских и клеветы человеческой.

ВИДЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОНЫ КИЕВСКОГО

Преподобный Иона Киевский, почивший о Господе 9 января 1902 года столетним старцем, в начале своего монашеского пути был послушником у преподобного Серафима Саровского. После кончины преподобного Серафима Иоанн Мирошниченко (так звали преподобного Иону в миру) перешел по завещанию преподобного Серафима в Брянскую Белобережную пустынь, где позднее принял монашество. До своих последних дней преподобный Иона оставался настоятелем Свято-Троицкого мужского монастыря. Этот монастырь был основан по повелению Самой Пресвятой Богородицы, Которая не раз являлась иеромонаху Ионе и указывала место строительства будущей обители. Долгое время все противились устроению нового монастыря в Киеве, где уже была Лавра и множество других монастырей однако преподобному Ионе удалось донести до императора Александра II свои видения, и в 1866 году государь издал указ об основании Свято-Троицкой обители.

Видение райских обителей

Я вижу себя возрастом — мальчиком семи лет. Старец взял меня за правую руку и говорит ко мне: «Ты со мною ничего не

бойся, а держись крепко за меня и за мою одежду и иди со мною смело». Мы пошли и вышли в какое-то место — чистое, высокое, и ветры там очень сильные, так что едва можно было мне удержаться и идти.

Старец говорит мне: «Не бойся и держись за меня».

Мы переходили через какие-то места, где нужно переступать из одной на другую сторону, а между скважинами были великие пропасти, и оные нужно все переходить. Прошедши все опасные места, мы вышли на место широкое, ровное, чистое и светлое, и здесь увидели стены ограды высокой, а иные стены издают из себя свет очень великий и светлый.

Старец остановился и, держа меня за правую руку, обращается ко мне и говорит: «Успокойся и ничего не бойся, мы с тобою бывшую на пути бурю и тот путь с пропастями перешли и уже пришли сюда. Здесь все тишина и спокойствие, здесь нет никакого страха, здесь царствует любовь. Бог всех пребывает здесь, и истинно возлюбившие Его послушники, которые всем сердцем, и умом, и душою своею возлюбили Его, истинно всего себя предали Ему, послушавшие Его верно и усердно в вере, надежде к Нему, трудами, болезнями, страданиями, гонениями и всякого рода поруганиями, лишениями, терпением, доблестным мужеством, благодушием и благоговейною благодарностию сохранившие себя в служении и послушании Ему и всесвященной воле Его. Ты же помни

и сохрани навсегда ко Господу всецело и безпорочно святое послушание. Ты видел бурю и ветры, где проходил, они были для тебя страшны, однако они тебе не повредили ни в чем, и ныне ты весь цел еси. Это образ твоего жития-бытия в твоей жизни.

Помни всегда и запечатлей всегда в душе и сердце твоем бытие жития твоего. Бог Сый во веки веков с тобою есть, и ты пред Ним. Бури, ветры, вихри многи встретят тебя в жизни твоей, в пути бытия твоего. Но смотри сюда, где ныне стоишь и перед Кем, и Кого имеешь видеть днесь. Смотри на Господа без страха и боязни, но благоговейно и с любовью чистою, взирай и виждь всегда».

И многое другое в грядущая мне.

После этого мы пошли ближе ко вратам, ворота великие и дивные и вверху ворот Крест Святой Господень, и перед воротами стоят стражи — два воина светлые, и чистые, и красивые, и в руках своих держат мечи крестообразно, и преграждают вход в ворота. Мы же стали перед воротами, и старец говорит ко мне: «Помолимся Господу Богу», и, перекрестившись, положили по три земных поклона Честному и Животворящему Кресту Господню. Когда мы это сделали, стражи врат немедленно мечи свои к себе забрали, руки опустили и дали нам свободно войти внутрь.

Когда мы вошли внутрь двора — Боже мой, что мы здесь увидели. Здесь небо новое и земля новая, свет неизреченно сияющий,

воздух легкий, тонкий, земля чистая, светлая, как хороший кристалл. Деревья по обе стороны пути стоят живые и прекрасные и издают от листьев своих неописуемое благоухание. Между деревьями растут цветы разных пород красоты, величины и благоухания непостижимого. Этим путем мы как раз пришли к храму Господню. Вшедши во внутренность храма Божия, мы стали прямо врат святых священного алтаря. Врата святые были открыты, и мы увидели, что на Престоле высоком величественно восседает весь белый Господь Вседержитель. Лицо Его очень милое, светлое, ласковое, живое, спокойное, мирное, благоприятное и любвеобильное, влекущее к Себе сердца и дух в любовь к Нему.

О Боже, Боже мой, думаю сам себе, где я ныне, и Кого видят очи мои, и Кому предстою. Весь стою в ужасе, и едва во мне остался дух мой от страха того, что я есть и какое мое существо. Земное существо мое — совершенное ничтожество; плоть и кровь моя подобна сену или пороху вдали огня — прикоснись хотя малая искра огня, сено сгорает, а порох исчезает. От обдержащего меня ужаса, от видения таковой славы я ослабел, и силы во мне уже не стало, и я как бы мертв. Старец, держа меня за руки, поддерживал меня ослабевшего. И вот от сидящего на Престоле изыде дух жизни прямо на меня и облия всего меня духом уст Его, и оживи меня, и явися крепость Его во всем теле моем. Я весь обновился и стал в силе

пред Господом Богом моим. Старец все время держал меня за правую руку, и мы лицом нашим предстояли пред Господом Богом нашим. От Господа исходит неисповедимая сладость любве Его Божественная, питающая и наслаждающая всех и вся.

Здесь, в храме Господа Бога Вседержителя, я видел себя юношею двадцати одного года, в крепости и силе. И вот изыде слава от Господа Бога Вседержителя и от святого Престола Его Божественного, и исполни всех и вся жизни и благоухания. Изыде повеление от Господа Бога, сидящего во славе, и воспели хвалу, славу и благодарение все, окружающие Божественный Престол Его, и все принесли поклонение сидящему во славе на Престоле, и воспели все предстоящие во храме святом Его, лики всех горних чинов: Архангелы, Ангелы, Херувимы и страшнии Серафимы, парящие окрест святого Божественного Престола Его, воспевающе, хвалите седящего на Престоле Славы Господа Бога Вседержителя и Сына Божия, принесшего Себя в жертву, спасшего и искупившего Кровию Своею Божественною земнородных человеков, уверовавших в Него. И воспели Господа Бога Царя веков, Духа Святого — Параклита парящего, оживляющего, животворящего и освящающего вся. Силы же все небесные, парящие окрест Престола, исполняли небо и воздух, горе́ поюще непрестанно: «Свят, Свят, Свят Господь Вседержитель, исполнены небо и земля славы Твоея».

Пели все предстоящие, и их было великое множество и множество разного рода, племени, чина, колена, звания и возраста людей... Лики святых пророков, святых апостолов, иерархов Господних, Царей, священников, мучеников и всякого чина и звания праведных, убеливших одежды свои и украсивших себя Кровию Агнчею, истинно возлюбивших Искупителя Господа Иисуса Христа Сына Божия. Что же меня еще удивило и вострепетал дух мой во мне — это то, что я увидел чудо страшное и ужасное, но исполненное радости и веселия ненасытныя и неизреченныя любви и сладости, наполнивших мою душу и сердце. От неисповедимой благости и человеколюбия Своего ко всему роду человеческому позволил Господь тленному и смертному человеку быть близким к Нему. Кто же близ Господа Бога Славы предстоит и окружает святой огнезрачный Божественный Престол Его? Человеки — девственники и девственницы, не осквернившие себя в земной жизни. Сии находятся у Престола Славы Господа Бога Вседержителя и Агнца, закланного за нас. О, благости Божия и милости Его к роду человеческому.

Сии девственники одеяны во одежду белу и светлу, славы и красоты преисполнены и, предстоя Господеви, предначинают пети хвалы, молитвы, славословия и благодарения. Дивные и предивные они имеют одежды великого ангельского образа — святые схимы монашества. О, дивна и предивна вся красота

оных — славнее одежды нет ни у кого и ни на ком от святых, предстоящих Господеви, а только на одних иноцех, окружающих Престол Господа Бога. О, дивны и предивны они, очень белы и величественны, и такой славы ни у кого нет, какую дал им Господь Бог — истинно возлюбившим Его, и верно сохранившим себя, и послужившим послушником священной воли Его.

Когда все множество пели Божественные песни, тогда держащий меня за правую руку старец говорит мне: «Юноше, воспевай же и ты Владыку всех и Господа и навыкни сему, где ты ныне стоишь, что зришь и что слышишь, внимай, и все это разумно да будет в тебе». И заставил меня петь с ними хвалы Господеви и говорит: «Произноси ясно хвалы Господеви, ибо слова сии есть животворны и безсмертны и есть живые во веки веков». И опять говорит ко мне: «Слушай и внимай, имеет бо преднначинаться песнь, воспеваемая Господеви — Триипостасному Божеству, Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Всесвятому — от всесвятых и горных небесных чинов, от всех земнородных и от всея твари видимая и невидимая, от всего создания Божия и от всех стихий». И говорит старец ко мне: «Добре и внимательно внимай, кто первый имеет предначинать пение». И сделалась на небе тишина великая, что одному волосу не поколебаться.

И вот по повелению Господню один из Серафимов предстал пред Престолом Господа Славы, и повелел ему Господь, взявши от

алтаря кадильного кадило, возложить фимиам молитвы святых, и Серафим немедленно предстал пред Господом Славы, имея в руке своей кадило. Девственники, окружающие Престол Господень, предначинали петь песнь великую — великую и трисугубую песнь, и все воспели хвалы и пения неисповедимые, как от одних уст исходящие. И были воссылаемы пения и молитвы от всех святых низу земнородных, и от всея твари видимая и невидимая, и от всех стихий, и все пели согласно и стройно, как одними устами. Серафим же, предстоя Господеви, преподносил кадило молитв святых: славословия, величания и благодарения Творцу всяческих Богови, из не сущего вся создавшего. После всего этого пения изыде Слово Господне от Господа к водящему меня старцу, да возьмет меня, и поведет, и покажет вся обители святых.

Говорит ко мне водящий меня старец: «Пойдем, юноша, по повелению Господа Бога нашего». Старец всегда держал меня за правую руку, и мы с ним вышли из храма Господа Славы. Прошли мы великое пространство прекрасное великолепного двора, где земля чистая, светлая, как самый чистейший кристалл, стены белые сияющей светом белизны; на этой земле насаждено много различных деревьев. Некоторые из них цветут, некоторые имеют на себе плоды, готовящиеся к зрелости, а иные имеют уже плоды зрелые и исполненные красоты и благоухания. Листьями своими возносят хвалу как бы

живые, испуская звук, воссылают пение Господу Богу, всех и всяческая создавшему и устроившему вся премудро и разумно.

Я стал и смотрю в изумлении и не хотел даже двинуться от того места, где стоял. Умолял и просил я старца оставить меня здесь, где ныне стою, ибо вижу везде жизнь и жизнь: земля — жизнь, небо светлое, сияющее — жизнь, излияние воздуха — жизнь, свет весь легкий, чистый — жизнь, деревья насажденные, украшенные красотою и славою — жизнь; цветы, различной красоты и великолепия исполненные, расстилаются по земле и украшают оную жизнь. Я был совершенно вне себя и снова молил водящего меня старца оставить меня здесь, но нет, старец понудил меня идти далее. Прошедши довольно, мы дошли до стены ограды высокой и стали перед воротами великими и прекрасными. Вверху ворот Крест Святой Господень, а над воротами надпись великими и прекрасными, светло сияющими и испускающими лучи-сияние, как от солнца написано: «Сия святая обитель Всесвятыя Владычицы мира и Царицы царствующих всех Матери Бога нашего — Марии. И если кто от земнородных призовет имя Ее — спасен будет». Старец повелел мне прочесть все написанное над воротами, и я прочитал, и ожил дух мой, и я забыл все раньше виденное мною, где мне очень хотелось остаться навсегда. И старец говорит ко мне: «Сотвори ко Пресвятей Владычице Истинней Богородице, по всех поборнице, молитву». И начал старец

говорить слова молитвы ко Владычице всех и Царице. И повелел мне все его слова за ним говорить ясно, чисто, умилительно и повторять их за ним, что я и делал. Он прислушивался к моим словам, подтверждал, чтобы я ясно и разумно говорил и произносил, ибо, говорит старец, слова сии жизнь есть тебе. По окончании нами молитвы извнутрь послышался голос-слово: «Аминь».

И вот за сим словом славно, и величественно, и благоговейно отверзли нам ворота святой обители. Здесь, внутри ворот, мы увидели стоящих в два ряда воинов в воинских светлых сияющих одеждах, и царские венцы на головах у них, и мечи в руках их. Все предстоящие там увидели нас, входящих во врата, радостно все положили на себя крестное знамение и радостно все воспели песнь великую Божественную Всесвятей Владычице, Матери Господа Бога Спаса всех, и все множество шедших навстречу старцу пели песнь сладкую, радостную и исполненную жизни и сладости неисповедимой, никакими устами и языком сказать невозможно.

Старец, обращаясь ко мне, говорит: «Ты же почему песни с нами величия Божией Матери не поешь?» Я ему отвечаю, что я ныне нахожусь вне себя, но старец повелел мне петь с ними гласно, разумно произносить все слова, слышимые мною от поющих. И все воспели достойную песнь, новую и величественную, Богоматери. И опять начали петь песнь сладостно, мирно и единоглас-

но. И все двинулись, пошли торжественно от врат ко храму Всесвятыя Владычицы, Госпожи Богородицы. Предвходящим всем во храм Божией Матери, кто может сказать и выразить ту самую радость и всерадостное торжество и величие любве Всесвятыя Владычицы Богородицы и неисповедимые Ее и всех живущих с Нею во обители возносимые хвалы славословия, молитвы и благодарения всех к Ней, как истинной своей Матери.

О, дивное, преславное и чудное видение от всех и о всем виденном и слышанном. Видимая радость сияла от Лица Ее Божественного, истинно исполненная мира и любви ко всем земнородным. И все там находившиеся воспели и ублажали Матерь Господню, сидящую во храме во святилище на престоле славы великом и дивно прославленном. Всесвятая Владычица сидела на престоле, окружаемая ликами святых Ангелов, ликами святых великих небесных сил и воинов небесных, и святых Архангелов. Вокруг святого Ее престола окружали лики святых девственников в одеждах белых, убеленных и светом несказанным сияющих, и на главах своих имеют величественные царские венцы, украшенные дорогими камнями. По окончании славословия и пения в храме Всесвятыя Владычицы Матерь умного света привела одного от предстоящих Архистратигов и повелела ему, взявши кадило от алтаря кадильного с горящим углем, предстать у престола перед Нею, у престола Святого Ее.

Повелела Владычица одному от предстоящих святых возложить от кадила фимиам молитвы святых и вознести молитву, славу, хвалу, величие, славословие, благодарение, дар и поклонение Вседержителю Господу Богу Трисиятельному Его Нераздельному Божеству, Который искупил нас всех Кровию Своею, неизглаголанною властию и силою Своего Божества.

Все многое множество пели песнь великую, дивную, пресладкую, преисполненную крепости, жизни и безсмертия. Когда воспели все совокупно, вместе воскликнули громким голосом: «Буди от нас, от всех земнородных, от всех родов и от всей твари сотворенные, видимая и невидимая, и от всех стихий честь, слава, хвала, славословия, благодарение и поклонение Его Всесвятому, Превознесенному Трибожественному и Нераздельному Божеству, создавшему нас, искупившему нас, спасшему нас, всюду во веки веков. Аминь». И все, падши на землю, поклонились Ему, Его Божеству.

Какой человеческий язык может выразить и сказать то, что есть и было? После малой тишины — величия и похвалы Матери Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Сына Божия паки все воспели песнь всех Цариц и Владычиц, песнь дивную и предивную, великую и священную; сочувственно и всерадостно, славно и великолепно были воспеваемы хвалы и песнопения от многого множества лика святых. И все как одними устами и языком сладостно произ-

носили согласно во гласех слова хвалебные. Я же изумился и был вне себя. Держащий меня за руку старец говорит мне: «Истрезвися, юноше, и не бойся, дерзай и воспевающих во хвалениях Всесвятая Владычицы! Матери Истинного Бога нашего, Ею же нас спасшего и Ею мы вступили сюда, и мы есть сообщники со всеми Святыми и предстоящими, с поющими пред Лицем Ее Божественным». И я, тленный и смертный, уразумел состав тела моего, умилился сердцем и душою моею и от радости возрыдал, крепко плача и изливая струю слез из глаз моих, и мысленно во удивлении вопиял: «Боже мой, Боже мой. О, неизреченна Твоя благость к нам, тленным, смертным человекам и находящимся на земле. Ты же, наш Владыко, нас Сам сотворил, премудро, и разумно, и дивно благоустроил все это, где Аз есть ныне и видят тленные очи мои». Держащий же меня старец говорит: «Не бойся, здесь место, где мы находимся, не мертвых, но живых, и во вся веки живых. Здесь смерти нет, но жизнь и живот жизни».

От ужаса и радости я оправился. По великом славословии все воздали благодарственные словеса Владычице и все вместе поклонились до земли. Всемилостивая Владычица сошла с Престола Славы и, пришедши, стала во вратах святого святилища. Благоизволила призвать к Себе словом тихим, любвеобильным моего старца, держащего своею рукою меня за руку, и говорит Владычица к старцу: «О предивный, премудрый и

Боголюбивый святой великий апостоле Христа Бога Сына Моего Иоанне Богослове, неустанно, и неутомимо обходишь поднебесную, предузрел и сего юного юношу, добре и премудре привел еси его сюда». И прочие многие словеса изрекла к старцу Всесвятая Владычица, и я все это слышал и понимал. И обращается Владычица ко мне, скорбному, смертному и тленному, и говорит: «О добре и добре сделан еси юноше. Дух Всесвятой умудрит тебя отдать Ему себя в длани рук Его и сести тебе на коленях Его. Не вдал еси себе плоти и крови, но всего себе вдал еси Сотворившему тебя Господу Богу, всех Зиждителю и Создателю, искупившему возлюбивших Его истинно — Кровию, излиянною за них и за тебя с ними».

И сия и еще многая, многая слова живыя благоизволила сказать к окаянству смертному моему. Я все это слышал в ужасе, трепете и неизглаголанной радости сердца моего. И опять Владычица говорит ко мне матерински: «Не бойся, юноше, но только внимай, понеже нужда есть тебе быти тамо, откуда возшел еси сюда. Бури, ветры и глубокие пропасти прошел еси и вихри великие странно прошел помощию руководящего тебя и зрящего на тебя Господа Бога Вседержителя в Триех Ипостасех славного и от всех родов поклоняемого ныне и в нескончаемые веки».

Старец, обращаясь ко мне, говорит: «Говори: Аминь». И я сказал по слову его мне: «Аминь». После сего Владычица повелела

одному от святых мужей повести нас и показать обители святых, там находящихся. И тот муж благоговейно обошел и показал все ясно по чину и любви его чистыя и святыя по Бозе. Я спросил своего старца: «Кто это есть от святых, что нам так мирно показывает и к нам говорит?» Старец же мой, отвечая, говорит: «Это великий и дивный во Пророцех, печать святых пророков — есть святой Иоанн Креститель Господень». И он, слыша слова моего старца, улыбнулся немного и говорит: «Истина есть». И этот святой пошел, а мы за ним, и он показал нам все обители святых.

Обители эти весьма большие и прекрасные, и полки небесных сил там всех живущих хранят и им служат. Все обители велики и пространны, и украшение их неописуемо. Деревья различной красоты и исполнены жизни, цветы различные, стелющиеся по земле, красоты непостижимой и благоухания. Живущие там святые девы и матери, радостно, благоговейно и любви исполненные, встречали и приветствовали нас и, умиленно славяще Господа Бога, благодарили Его, всегда милующего и спасающего рабы Своя. И некоторые слова вразумления сказаны были мне ими: «О юноше, хорошо, что ты всего себя отдал Господеви, хорошо, что с Ним во вся веки, ибо Бог Сый есть вовеки, Той же Бог Сый». Старец же рече ко мне: «Говори: Аминь». И я сказал: «Аминь».

После этого спрашиваю водящего меня

старца и сего святого мужа, который нам все показывает: «Что это значит, что я вижу снаружи стен сего города, на стенах, на вратах, и снаружи и внутри храма Господня — везде есть имя: Всесвятая Владычица Мария, Матерь Царя Славы Иисуса Христа Сына Божия, и вверху сих слов царская корона украшает слова, и свет великий исходит от них?» Отвечает старец и оный святой муж: «Разумей, юноше, яко великое и всеславное и всесвятое имя «Мария» — безсеменно заченши и безболезненно родивши Царя Славы, Творца всех и Господа Бога. Очень дивно есть и преславно имя Ея — Мария, Царица бо есть небес Честнейшая и Славнейшая Херувим и Серафим, Ея помощию и милостию вся суть есть приводяй к небеси». И обошли мы все и во всем видели дивные величия Божия и Богоматери. Радости преисполнены душа и сердце мое, и ум мой исполнен ужаса и удивления.

Мы опять возвратились к Владычице и Царице всех. Увидя нас, Владычица и все бывшие с Нею воспели песнь преславную и дивную величия Божия и хвалы Матери Бога нашего, и по окончании пения говорит ко мне Всесвятая Владычица: «Добре, юноше, яко изволил еси возлюбить Господа Бога твоего и всего себе изволил еси предать Ему в любовь и в совершенное послушание Божественныя воли Его. Безценный бо бисер обрел еси Христа Господа Иисуса Сына Божия. Из детства твоего самоохотно любовию прилепился Ему, шествовати вслед Его, вос-

приявши твой Крест тягости ношения твоего. В пути бытия твоего встретят тебя бури, ветры, вихри, терние и волчцы явятся тебе, но мимо вся оные проходи, ум твой да будет зряй Его здесь горé, идеже ты ныне еси с Ним и с нами всеми. И как ты ныне видишь нас, мы единодушно и с любовию великою ожидаем прихода твоего сюда. И здесь со всеми вместе будешь жителем славного живота града и сего жилища Господа Бога, во Святей Троице славимого во вся нескончаемые веки». Старец, обращаясь ко мне, говорит: «Говори: Аминь». И я сказал: «Аминь».

Владычица опять продолжала говорить: «Юноше, еще скажу тебе сие: да не устудится сердце твое в чистейшей любви твоей ко Всесладчайшему Господу Иисусу Христу, Спасу всех и Создателю всея твари видимыя и невидимыя. Всегда имя Его имей в уме, сердце, духе и душе твоей. Почитай не только умне, духовне и сердечне, но и в теле твоем, и чист буди весь во вся дни бытия твоего, то есть во всей твоей временной жизни. Смотри и виждь, где ты ныне стоишь, какова земля есть, на ней же стоят нози твои, какой воздух и свет, иже дает жизнь. Разумей, о юноше, вся сия. Се милость Господня предварила тебя великая и неисповедимая, ибо Бог возлюбил так человека, яко Сам Себя не пощадил, дабы спасти человека».

И прочие многие слова изрекла Пречистая Владычица моему тленному и смертному окаянству. По многих словесех Ея ко мне еще сказала и сие: «Юноше, ты отдал еси

сердце твое Сыну и Богу Моему в Триех Ипостасех Сущему: Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому. Добре и разумно соделал еси. Знай, что отселе имя твое в Нем, а ты еси имей в себе; живи, делай и храни, — послушник бо Его еси, — не бойся, с тобою есмь, проходи и служи, делай и не ослабевай в служении и в святом и Божественном и прехвальном послушании Его к Нему и в Нем; от Мене же назираем будеши, и будут очи Мои на тебе, и посещения Моя явятся тебе во время благопотребное во извещении. Ныне же, хотя и отходишь и отступаешь отсюда мало, но недалеко; ум, дух и сердце твое здесь есть хранимо. Малая некая уступает от зде. Известно да будет тебе, что ты здесь».

Владычица таким образом наполнила мою душу радости и веселия, и вся внутренняя моя обновися, оживе. Владычица повелела воспеть всем песнь прехвальную и величественную Триипостасному Божеству — Господу Богу Славы. И все воспели дивно, преславно и великолепно, и как бы вся земля, небо и воздух подвигнулись. И я от ужаса, сладости и радости как мертв пал на землю. Приступила Владычица и коснулась рукою Своею грешной главы моей и, взявши за руку мою, говорит: «Тело в тебе еще смертное и сих тобою виденных вынести не может, но дерзай, жив еси и жив будеши». И говорит: «Воспой и ты с ними во хвалении Господеви». И как мне подавал Дух, я навык словес оных и пения и гласа.

Владычица повелела нам идти к воротам тем, в которые мы со старцем входили и где нас встречали оные лики. Мы так же опять с ними и еще с другими пришли к воротам. Здесь все стали и все совместно воспели песнь пресладкую и преславную Владычице, достойной Матери Господа Бога нашего. Все Ей поклонились главами своими до земли, а также и мы со старцем, и все единогласно воспели потом: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». И мы сказали: «Аминь».

Когда мы вышли из ворот, старец говорит ко мне: «Словеса, которые в песнях внял и навыкл еси, с собою отсюда на землю к земнородним снести не возможешь, ибо на земле там смерть есть и все тленное, что только находится под небесем, а сии словеса хвалы и славословия Господеви и Всесвятей Владычице Богородице во хвалениях жизни и безсмертия исполнены суть. В смертных же человеках сии словеса невместимы суть». Я, слыша сии слова старца, начал в себе рассуждатъ и старца спрашивать: «Что же сие такое, разве мне нужно быть таким там и пройти на земле все пропасти, стремнины, бури, ветры и вся вихри?» «Да, тебе нужно быть там, как изволила тебе сказать Сама Всесвятая Владычица Богородица, а духом пребывать здесь, помнить все Ее наставления быть тверду, непоколебиму в любви к Господу Богу, Пресвятыя Владычицы и ко всем святым. Всегдашнею памятию твоею — припоминай, где еси ныне всех

обошел и видел еси всех, и от всех их был оказан привет тебе. С ними совместно участвовал во хвалениях и славословии и благодарении всех Создателя Господа, Триипостасному Божеству поклонялся еси, так же поклонялся и Богоматери».

Мне сие слышавшу, опечалися душа моя весьма, а сердце исполнилось великой жалости. Горько мне было, лучше бы мне здесь умереть, дабы только не идти отсюда. Рыдая горько и горько, я не хотел и жить, лишь бы только не уходить мне от места сего. Ужасной жалости весь я был наполнен и, рыдая, лежал на земле, слезами обливая землю, на которой лежал, и к тому уже не хотел нисколько утешиться — только сильная печаль объяла душу мою! Скорбел о том, что мне опять нужно идти отсюда, и так лежал и рыдал. Старец же не отступал от мене, видел всю скорбь мою и болезнь сердца и души моей. Находясь вне врат обители Владычицы, и здесь так же место велико и пространно, прекрасно и величественно, и везде, всюду деревья исполнены жизни. Листвием своим издают шум, как звук струн или громогласных труб, произносят хвалебные песни, как будто в них кто живет живой и сладкие для слуха песни движет. Воздух чистый, живой и светлый, как будто бы несколько солнцев сияющих: украшение всюду великое, а, однако же, у меня скорбь тяжкая, что мне нужно обратно идти на землю. Я умоляю со слезами старца моего оставить меня здесь, чтобы здесь находиться всегда.

Старец же веселым лицом своим и живыми ласковыми и любезными словами говорит ко мне: «Нельзя тебе, юноше, ныне быть здесь. Это только восхотел и благоволил милостивый и человеколюбивый Господь Бог от благости Своея изъять тебя сюда и показать тебе все сие, что ты ныне видишь очима и слышишь ушима твоима, осязаешь и вдыхаешь ноздрями и устнами твоими воздух и свет этот, день от дне не мерцающий и никогда не пременяемый, ночи здесь нет, и солнца не требующий, ибо имеет солнце Правды Господа Бога, здесь живущего и пребывающего во вся нескончаемые веки веков. Вся сия тобою виденная Господь Сам благоволил тебе показать, а поэтому ты к тому больше не скорби, но во время благопотребное все вспоминай непрестанно, вспоминай всесладкого и всерадостного жениха твоего Безсмертного Господа Бога, Спаса всех Иисуса Христа и всегда Его благодари, ибо Он Бог Сый, твоя радость, так же как и всем истинно возлюбившим Его». Сие и многое и очень многое старец, утешая меня, говорил мне, и затем восставил меня на ноги.

В это время пришел муж — юноша очень прекрасный в ризах чистых, белых и сребровидных, опоясанный крестообразно. Смотрит на меня и говорит старцу: «Что, этот юноша желает ныне здесь жить с нами? О добрый, Бога возлюбивший юноше! Довольно тебе и этого, что благоволил Владыка Господь Сил ввести тебя сюда и показать

тебе все то, что ныне видишь, ты должен непрестанно благодарить Его и соблюдать все Его Божественные и животворящие Заповеди; всю волю Его в самом себе всецело соблюди, в душе и сердце очень любовь к Нему неугасимую сохрани и тогда опять будешь с нами здесь вовеки». Сказавши это ко мне нечистому, далее к старцу говорит: «Вышло повеление от Господа Бога, да идем с нами и этим юношей к Тому, Кого он, юноша, возлюбил и всего себя отдал Ему». Пошли мы ко храму Господню, и вот один от архистратиг воскликнул великим, но исполненным любви и благоговения гласом ко всем внутри храма, там предстоящим: «О людие и вся племена и языцы, принесите и воздайте Нескверному и Непорочному хвалу, славословие и благодарение. Принесите на Крест Закланному Агнцу, принесшему Себя в жертву Богу, Отцу Своему, за весь род человеческий, который искупил Своею Божественною всеосвященною, Живоносною Кровию Агнчею, подавшему всему миру, верующему во Всесвятое Имя Его, вечное спасение, Емуже честь, слава, славословие, благодарение и поклонение подобает во веки веков». И все совместно, как громы глас, множества вод и множество труб, как одними устами стройно воскликнули: «Аминь, Аминь, Аминь». И пели: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа». И многие воссылали хвалы величественные и сладостные. От ужаса и страха едва не исчезе во мне дух мой, и я от радости обливался слезами моими. По величии песни и хвалы все

пали ниц главами своими до земли, воздающе песнь хвалы, благодарения и поклонения. И сотворили все молитву к Безсмертному Агнцу о земнородних, верующих во Имя Всесвятое Его, еще находящихся на земле.

О, Боже мой, Боже мой! Окаянный и смертный я червь и тля; уразумевши свою немощь и ничтожество естественной плоти моей, которою обложен, вострепетал горько дух мой во мне, что я есмь — увы, и очень возрыдал, как я ныне смертный стою посреди мужей сущих святых и безсмертных в селениях и во граде святем, и даже во храме нерукотворенном — Святая Святых.

После всего этого долго, очень долго была тишина. И говорит сидящий высоко на Божественном Великом, Святом Престоле Своем Господь Иисус Христос, Спас мира, к старцу моему: «Приступи ко Мне и веди юношу Моего ко Мне, понеже юн сый, обаче возлюби Мене и всего себе отдай Мне». Мы со старцем подошли ко Господу. Господь говорит: «О, добрый юноше, из млада ногтей младенчества твоего возлюбил еси Мене и всего себе Мне предал еси. Зри же и ты язвы гвоздинные рук Моих, и язвы осяжи на ногах Моих, прикоснися же прободенной копием сотника-воина язвы ребра Моего». Увидя язвы — дыры живые растерзанные глубоко на руках и ногах и ребре Божественном Его, пал на землю от горести, слез, ужаса и жалости ко Господу Богу моему. Господь опять говорит: «Дерзай и не бойся,

юноше, виждь ясно руки, ноги, ребра Моя, повелеваю тебе: прикоснися и осяжи Мене; разумей же и сие: все терпел избранных ради верующих в Меня и опять терплю и за избранных Моих рабов... слыши, юноше, и воинам в сердце твое вся Моя к тебе словеса и об онех реченных к тебе пред всеми, ибо сии слова будут благопотребны тебе и иным по тебе. Храни все Мое в тебе, ибо предо Мною еси, и твой есмь Аз. Аз бо есмь вовеки живый и живу Аз вовеки». Старец мой говорит ко мне: «Говори: Аминь».

Тогда все как одними устами возгласили сладко, громко и величественно: «Аминь». Старец, потрясая мою руку, говорит: «Говори: Аминь». И я сказал: «Аминь». Все же предстоящие возглашали велегласно песненно: «Аминь», «Аллилуиа и Аминь» и иные прилагали присно животворные словеса Господеви, поя и воспевая, славословяще Господа Сил. Храм же Господа Бога очень велик — так что многое множество всякого колена, возраста и чина святых, все вмещаются внутри храма Господа Бога Славы.

Затем повелел Господь посетить скинии — обители святых. И повелел одному от предстоящих Себе мужу святому, и тот пошел со старцем моим и между собою беседовали о благости, милости и крайнем снисхождении Божием к роду человеческому, а особенно к уверовавшим в Него истинно, ибо Он Господь Сын Божий, любит их и близок им есть. Слыша их, беседующих между собою, не знал, кто это, что нас ведет показы-

вать обители. Пришли мы к вратам стены-ограды высокие великой красоты, издающей лучи света, как от солнца. Ворота тоже великие, и вверху над воротами Крест Господень, сияющий в силе и славе, и написаны слова: «Се обители суть святых лика пророков».

Старец мой и водящий нас возгласили словеса молитвы ко святым пророкам, а оттуда был слышен глас: «Аминь». После этого голоса ворота святой обители отворились, и мы увидели лик святых небесных воинов и иных многих святых, здесь предстоящих, которые, увидев нас, радостно воспели все песнь важную и великую Господу Богу Триипостасному и Божественному Божеству: «Приидите и возрадуемся вси и дадим славу и величие Сотворившему нас Господеви и принесем Ему дары, хвалы и благодарения милостивно Спасшему вся и Милующему вместе и земнородных, якоже мы ныне все видим». И воскликнули: «Аминь». И все воспели: «Аллилуиа» и многое другое пели. За сим воспели песнь сладкую и преславную Матери Бога нашего, Еюже весь мир спасен бысть и ныне спасаем есть. И вышло благоухание великое и неизреченное, облагоухало всех и все и всего меня оживило. Все радостно приветствовали нас, и все любезно смотрели на нас и говорили они ко мне смотрящему: «Добре потщался еси, о юноше, что вдал еси Богу себе и юность твою. Бог бо есть Сый возлюбил тебе и благоволит о тебе. Добр, смыслен и разумен будь всегда и во всем ко Господу Богу твоему и Богу на-

шему, о юноше, во веки веков». Старец говорит ко мне: «Рцы: Аминь», и я сказал едва: «Аминь».

Тогда все здесь стоящие, многое множество, воспели: «Аллилуиа, Аллилуиа, Аллилуиа» и другие слова животочные прибавлялись ими. Я опять был вне себя. Погрузилось сердце мое в скорбь и слезы, и, во ужасе находясь, вопиял: «О Боже, Боже мой и Господи, что это есть со мною ныне, да еще с какими ангельскими чинами и посреди людей сих святых Божиих есмь. Я есть сено тленное, ужасаюсь, как бы не сгореть или не ожечься». Очень погрузился я в тяжкую печаль и, изнемогши, пал на землю, и едва только дух мой во мне остался. Приступил некто ко мне, положил руку свою на голову мою, и от этого почувствовал я, что дух мой во мне остался и ожил. Этот благолепный муж говорит ко мне: «Говори: Аминь». И едва только произнес я слово «Аминь», как опять возгремела песнь.

И опять говорит ко мне: «Ты, юноше, еси отца и матери твоей, и от первородных еси. Я сына первенца и первородна имел и сего во всесожжение в жертву Господеви Богу моему и Богу всех принес. И вот я и сын мой здесь. Будь и ты там так на земле и вознеси себя во всесожжение Господеви Богу, всех принеси, ничтоже сомневался в Нем, ибо от Него и в Нем находится все и вся. Сый Бог наш в Триех Ипостасех во веки веков». Старец говорит ко мне: «Говори: Аминь», и едва я только произнес слово

«Аминь», как опять возгремела песнь великая и тригубая и много повторяли: «Аллилуиа». По окончании пения муж оный говорит ко мне: «Будь муж правды, благоделания и благочестия исполнен, а также исполнен веры, надежды и любви к Богу и храни целомудрие».

Затем, обращаясь к святым, говорит: «А вы, святые апостолы Петре и Иоанне, храните, покровительствуйте ему во вся дни жития его». Мы обошли там всех. Что было и что видели там — сего язык человеческий сказать не может. Мы вышли оттуда и пришли к обители святых Божественных апостолов. Обитель святых апостолов дивная и неописуемой красоты. Стены красные, высокие от камней дорогих, и ворота также из дорогих камней. Над воротами Крест Господень, светло сияющий. Мы стали перед воротами и сотворили к святым апостолам молитву. Водившие меня святые апостолы Петр и Павел велели мне повторять за ними молитву, то оттуда из-за ворот слышен был голос — «Аминь». Ворота святой обители тотчас нам отворились.

Предстоящие там внутри дивные святые мужи и воинство небесных сил, увидев нас, все преисполнились радости великой, и один из предстоящих воскликнул голосом великим: «Приидите вси, возрадуемся и воскликнем Богу Спасителю нашему в пении, песнех и во хвалениих Богу Иаковлю. Принесем благодарственные хвалы величия, чудес, сил и благости Его». Святой первоверхов-

ный апостол Петр с апостольскими ликами предначинал, и все пели песнь пресладкую, так что и дух мой ожил во мне.

И так я пробыл время немалое и обошел там находящиеся обители святых — как великие и весьма великий город красный, благоустроение которого дивное; величину, долготу и ширину измерять уму человеческому невозможно, а также невозможно высказать и сияние света там, находящегося на ней, разлияние воздуха, земли и всего находящегося на ней: доброты, славы и украшения всего на ней, сказать невозможно; все дивное и благоухающее жизни и безсмертия — есть полно. После всего этого мы еще много обошли святых обителей и видели там святых, проживающих, веселились они и радовались они радостию неизглаголанною. Обошедши все, мы пришли уже в третий раз ко храму Господа Бога и стали со старцем пред Господом Богом, а старец держал меня за левую руку. Все там находившиеся святые воскликнули: «Аминь». Затем исшел голос от предстоящих и окружающих Престол Господа Бога Вседержителя — белоризцев, имеющих на главах своих венцы великие, красоты исполнены неописуемой, которые запели: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекохтеся, Аллилуиа», — и опять: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекохтеся, Аллилуиа». Пели все песнь великую, трегубую, а я, окаянный, стоя пред Господом и видя все это, находился в ужасе и радости великой, и едва оставалася во мне душа и жизнь моя.

После этого сидящий на Престоле Господь Бог Вседержитель простер Десную Всесвятую руку Свою, держащую книгу великую, как в пол-листа толстую, и дал Господь Бог эту книгу водившему меня старцу, и сказал ему Господь: «Приими книгу сию, Книгу жизни и словес живых, вписанных в ней, приими сию, раскрой ему, да видит юноша сей книгу и письмена, списанные в ней, ибо видишь внутри и вне вся есть списанная, да видит точию только, но не читает ее. Повелеваю тебе: даждь ему, да съест оную». Старец принял от правой руки Господа Бога Вседержителя и, по слову Господню, показал мне оную. Снаружи вся списана есть. Затем открыл оную, и внутри вся списана мелкими словами. Я просил старца сказать или указать мне хотя одно слово от слов, вписанных в ней. Но он не дозволил и не сказал, что есть в ней, и повелел мне оную кушать.

И вот изшел от Господа Бога Вседержителя голос, повелевающий принять мне оную книгу и кушать, но я думал, что она может не вместиться внутрь чрева моего. Я принял от рук старца книгу. Старец говорит: «Огради себя крестным знамением и с молитвою говори: Слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Всесвятому, и говори: Аминь, и опять говори молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя и благослови меня на дело Твое. Аминь». Я начал есть книгу, и была она мягкая, как самый мягкий хлеб пресладкий. В устах я ощущал великую сла-

дость, мне была она очень сладкая, и я всю съел ее, и ни одна крупинка не упала от нее. Когда же оную я скушал всю, тогда явилась во чреве моем великая, что и высказать невозможно, горесть. Очень внутри заболел живот мой, и едва только дыхание осталось во мне. Великая и сильная была во мне болезнь. И вот от Господа вышло слово ко мне грешному: «Это тебе есть не болезнь, а врачевание, что сам еси принял, то и другим дать и послужить можешь тогда».

И оное многое сказал Господь предстоящим Ему о мне. После этого я ощутил в себе силу великую и возраст в мужа тридцати лет. Повелением сидящего на Престоле Святом Господа Бога Славы стали предо мною воинственные мужи и взяли меня одевать в одежду всю воинскую: латы, шлемы и стрелы. Я был в мужа крепкого и сильного. И было слово ко мне Господа Бога сидящего на Престоле: «Виждь себя, муж еси лета силы и крепости, вооружен бо еси силою и благодатию Божиею. Не бойся, гляди и стой, с тобою бо есмь». Все предстоящие Господеви воспели благодарственныя хвалы: «Аллилуиа».

И вот я вижу себя мужа крепкого, сильного и твердого в предстоянии пред Господом Богом и пред всеми, и меня все удивляло. Как было и есть все во мне. Силу великую я разумел, вшедшую в меня, и крепость в мышцах ног моих от тех сапог, в которые обули меня. Сапоги их новые и крепкие, и от них вошла крепость в ноги мои, и так было мне на многий час. Величия же хвалы

Господеви были от всех воссылаемы. Все находившиеся там святые радостно смотрели на меня, и они песни вознесли Господеви, живущему во веки веков. И затем пали на землю главами своими и поклонились Господеви, воздавая благодарение и поклонение Живущему во веки веков.

Господь Сил повеле моему старцу приступить ближе пред Ним и представить и меня, и говорит Господь к старцу: «Се муж, иже прииде с тобою, прииму его во всем, он был там на земле и паки нужно быти ему там до времени и времен, Аз буду с вами, вы не будете одни там, но Аз там буду с вами. Очи мои будут видеть его всегда там. А ты муж в крепости и силе еси буди и видиши себя, и разумей — всегда есмь с тобою, ныне и вовеки. Да и Мати Моя, Которая породи Мя, без семени зача во чреве Своем, и без болезни роди Мя, и Ты, яко Владычица и Попечительница есть верующих в Меня, возлюбших Меня и предавших себя всего Мне и имени Моему». Старец повелел мне, сотворивши на себе крестное знамение, поклониться Господеви. Господь Бог Вседержитель благоизволил всем там находящимся святым провести нас до врат святого и славного града. И все множество святых и Ангелов провели в пении и в хвалении Господа Бога, Триипостасного Божества.

Мы со старцем, поклонившись святым и вышедши за ворота великого славного града, вскоре очутились в посаде Крюкове города Кременчуга, у дома моих родителей. Здесь я

увидел опять себя младенцем семи месяцев. Старец сделал из зеленой травки для меня возглавие и положил меня; затем присел около меня и утешал. Мать моя считала меня пропавшим, так как меня не было на земле двенадцать дней — скорбела и плакала, но все же посматривала все время на то место, где меня положила. И вот, увидя меня лежащим на том самом месте, прибежала ко мне, взяла меня на руки: целует, плачет от радости и спрашивает, где я все время был? Я же все хорошо понимал, где был все время и что видел, но так как говорить еще не мог, то от радости только мог сказать: ля-ля-ля, а больше ничего. Прибежал и отец мой, и целует, и тоже удивляется, где я был и что опять оказался на месте. Старец мой, когда взяли меня родители мои на руки, все еще стоял, а затем, благословив меня, скрылся. Родители, как видно, его не видели. После этого я прожил дома без отлучек до пяти-шести лет, потом опять тот же старец пришел и взял меня, но только на малое время-всего на шесть дней. Потом в десять лет я был снова взят старцем, а отец сек меня розгами за отлучки, приговаривая: «Без спросу не смей никуда ходить». Потом еще на седьмом и на двенадцатом году повторялись видения, но я ничего не мог передать Боголюбивым братиям об этих видениях. Желая боголюбивой братии подробно все передать, давая тем знать, яко бы мы в глазах Всевидца Бога находимся, и вся наша тайная совершенна есть.

Видение Господа Иисуса Христа

Божиим неисповедимым милосердием и промыслом Его Божественной благости и попечения Его о роде человеческом, во еже спасти всяческая, паче же верующих во святое имя Его, Господь Бог милостиво воззрел на худость и недостоинство мое.

В один день, после обеда, сел я заниматься своим делом (я делал из дерева ложки), не прибыли ради, а Бога ради и труда ради. Сделавши их как следует, я их сжигал или дрова ими поджигал, боялся, чтобы себя не ввести во искушение сатанинское через них (в гордость, самомнение, тщеславие), посему я их никому не давал и не выпускал из своих рук, а делал только труда ради, избегая праздности. Сидел, делал и занимался Богомыслием и правым по Бозе жительством, как жили и трудились многие святые отцы и другие Боголюбивые человеки и этим угодили Богу.

В это время я жил в Никольском монастыре. Двери моей келии изнутри всегда были заложены на крючок. Слышу, голос за дверью творит молитву Иисусову. Я на это не обратил внимания, сижу и делаю. Вдруг отворяются двери моей келии и входят двое и, ставши перед образом Божией Матери Троеручицы, помолились, стали ко мне и говорят: «Спасайся о Господе». Я им сказал: «Благодарю вас, спаси Господи вас». Один из них — чистый, темно-русый, небольшая борода и волосы длинные до плеч его. Дру-

гой — светло-русый, лицо чистое, светлое и волосы длинные до плеч его. Одежда на них длинная. «Мы пришли к тебе пригласить тебя пройтись с нами». — «Куда же, — говорю, — мне нельзя отлучаться из монастыря без спроса, да и куда?» — «Нет, только вот сюда, на двор», — говорят они. Помолился я Богу, и они со мною. Вышли из келии на двор.

Вдруг мы все трое оказались на весьма великом, обширном пространстве, и стояли мы все лицом к югу. Потом перекрестились они и мне велели перекреститься и говорят: «Что будеши видеть и слышать, не бойся, не устрашайся, хощет бо Господь Бог явити милость Его и благодать Божественную дати людям, любящим Его и истинно чтущим Всесвятое имя Его». И говорят: «Что ты видишь?» Я говорю: «Вижу поле велико и пространно, и вся земля приготовлена к посеву; свет вижу как в полдень, а солнца нет». Потом перекрестились и мне велели перекреститься и говорят: «Что ты видишь?» — «Вижу на восточной стороне множество людей — воины и простые, великое множество, чего-то ждут, все зрят сюда. А на западной стороне вижу свирепые, безобразные, гнусные, скаредные, мрачные, раздражительные лица, чего-то яростно смотрят и гневно чего-то ожидают». Потом еще перекрестились и мне велели, я тоже перекрестился, и говорят: «Что видишь?» — «Вижу гору высокую, велику на юге и длинну весьма». Потом опять они перекрестились и мне

велели, и я перекрестился, и говорят: «Что видишь?» Я говорю: «Вижу восток светел и ход туда отверст чистый, светлый и ясный путь, но никого в нем не видно и не вижу, кто бы нибудь по нем шел или был бы там, но никого там на пути и с боку пути нет, только стоят множество человеков и воинов».

Потом перекрестились они и мне велели перекреститься и говорят: «Что видишь?» Говорю им: «Вижу идуща тихо человека, похожего на Господа Бога моего Иисуса Христа, ибо Его одежда вся есть на Нем». И упал я мертвым, и как, и что было там, не знаю. Но когда рука Его на моей голове была положена, тогда только жизнь явилась во мне и слышал слова Его: «Маловере, почто усумнился еси, восстани и стани мужественно на ноги твоя. Я пришел сюда не страхом или гневом, а тихостию, и любовию, и милостиво; пришел и к тебе, такожде и ко всем истинно любящим Бога и чтущим Всесвятую Живоначальную Троицу, Отца и Сына и Святого Духа. Едино бо есмь Мы, и веселят Мя сии, иже чтут и призывают имя Иисуса Христа. Ныне виждь мысль и желание Моего сердца, и хощу бо, да и ты потрудишися в сотрудничестве Моем. Делай, трудись и неослабно имей труд сей; блюди и не изнемогай в нем. Труд мой делай ты. — И говорит: — Иди со Мною сюда, видиши сие поля? Уже вспаханы и заораны есть, Дух Святый предуготовал их ко приятию семени сеющего, и ты сие делай сеяние». Я говорю:

«Господи, нивы сии велики и пространны есть, сколько есть возможно очима обозрети, а у меня ничего нет, никакого семени, я никогда не собирал, да о собрании какого-нибудь семени и помысла у меня совершенно никакого не было, а на такое дело и пространство откуда бы я мог собрать семени для какого-либо посева? Господи, нет у меня совершенно никакого зерна хлебного для такого посева, ибо я, Твоею же благодатию, Господи, есмь монах, а не земледелец или гражданин». — «Но я тебе повелеваю, да имееши в труд сей — да сееши, все нивы готовы уже к сеянию». Потом говорит: «Слыши, все нивы ты уже видиши се суть человеки и сердца их, Святый Дух предуготовил к слушанию слова Божия, и егда приимут они оное слово Божие, прозябнет и сотворит плод мног». А я говорю: «Господи, труд сей велик, а я немощен и слаб сосуд». Господь говорит: «Виждь руки Мои и ноги Мои, и ребро Мое покажу тебе, язвы Мои на руках и ногах и прободенное ребро Мое. В делании Моем оные; хотя и уязвленный есмь Аз, но раны Мои препятствовать не могут Мне. Ты терпением побуждай себя к деланию сему и ко иному, каковому покажет время. Иди ближе со Мною сюда, виждь, что се есть — видиши ли?» Говорю: «Господи, вижу». — «А все зерна доброй пшеницы, бери и делай севбу». И говорю: «Хотя вижу гору велику зерна пшеничного, но сего мало будет все поля и нивы обсеяти». Тот, от первых один, говорит: «От Господа Бога не из-

неможет всяк глагол». И говорит ко мне Господь: «Сотвори крестное знамение на себе во имя Отца и Сына и Святого Духа, возьми и делай севбу». И я взял в полу своей одежды и начал сеяти, и вижу, что сколько я ни беру зерна на сеяние, но и знака уменьшения зерна не видать в нем.

И сеял я довольно, но зерна не уменьшается, но все в одной мере есть. «Стани и воззри, что суть и что видиши?» Говорю: «Вижу, Господи, многое множество разнородных птиц, и все оные смотрят на Тебя, Господи, хощу да и сим даси пищи. — И говорю: — Есть ли сеятель нивы и поля, и дати пищи из зерна сего сим птицам, то сего зерна совсем мало будет для посева». И говорит Господь: «Отложи суету и мысли твои и приими делание и виждь, что возможе суета. Приими труд сей и даждь, и подавай им ясти ныне и всегда всем и каждому из них». И только что я стал приступать к горе зерна, все птицы бросились ко мне, с жаром, и ревностию, и радостию все приемлют зерно в пищу себе. Господь же, видя вся сия, весело говорит: «Зерно изнуряется ли и ослабевает ли?» И я благоговейно говорю: «Ни, Господи, не вижу места умаления зерна, откуда почерпаю его».

И когда всем птицам по повелению Господню было дано в пищу зерно, тогда оные свирепые, скаредные, безобразные лица раздражительно, свирепо, с гулом, криком устремились было на птиц и зверски начали гнать оные, препятствовати в стремлении

приятия себе пищи, даемой от меня. Но те стоящие светоносные человеки и воины жестоко гнали их и поражали оных мрачных, безобразных, злых и свирепые полчища их. И когда нивы, большие и пространные, усеяны были и птицам многим дано зерно в пищу, тогда рече Господь: «Виждь язвы на руках Моих, ноги Моя осяжи, и язвы ног Моих виждь, и ребро Мое прободенное. Трудясь делай непрестанно». И до того умилися сердце мое и душа моя, что едва-едва не исчез во мне дух мой. Мне ли, Господи Боже мой, ведче мой, благоизволил еси явити Себе — мне, окаянному, преступающему всегда Божественные Заповеди Твои. И говорит: «Не к тебе одному приидох явити Себе, но всему миру, ищущему истинного Господа, хранящим Заповеди Мои, всем любящим верно, верующим в Мя, и их ради приидох дати пищу им».

Посем прикоснулся рукою, раною гвоздинною, к груди сердца моего и рече: «Виждь, сердце твое да будет Мне, даждь ты его Мне, да будет сердце твое у Меня». И Господь, видев, как все поле и все нивы, приемшие посевы семян пшеницы доброй, чистой и хорошей, все оживши зазеленели; птицы те многие, приемшие пищу, отлетели, а другие многие, большие и малые, и прилетевши получают зерна в пищу, говорит мне: «Прииди ближе к горе пшеницы и разумно осмотри, сколько отыде оной, и умалися от давания твоего или кое знамение есть ей иссякнувшей, и умалися ли оная?» И я, при-

ступив смотря прилежно, и вижу, нигде нет знака умаления оной, гора вся пшеницы полна, как было и впервые. И рече: «Что обрел еси, еда умалися?» — «Ни, Господи, нет места оного или углубления, идеже я почерпал доброе зерно пшеницы Твоей, Господи». И говорит: «А тебе да ведомо будет: утверди сердце твое в разуме и дело твое проходи и свершай в мудрости и блюди — не буди дряхл или малодушен, но трезвися и бодрствуй, благодушествуй всегда. Мерило моей доброй пшеницы — зерна, якоже видиши оную и осязаеши руками твоими — никакоже оставляй тщетным, еже не дати ее полу разнородну и возрасту различну. Поля сии велики и нивы пространныя, ждущие, готовые, алчущие и жаждущие прияти семена в пищу и в насыщение себя — образ есть сей: приидут оные дни, и уже есть ныне, обрящу сердца многих человеков к тебе, Духом Святым предуготованныя. Жаждущие и алчущие придут, сии прияти слово в мудрости и солею растворенное слово ждут от тебе, и ты не страшайся их, но утоли болезнь, скудость, нищету, алчбу и жажду и всем вся подавая в любви, сострадании, мудрости, терпении и силе, благорастворены в вере, надежде, любви и истине. Разумей ныне сия, како ныне семо приидох к тебе не треском и шумом, но миром любве и тишины, ибо хотел и хощу всем спастися и быти спасенным всем. И очи твои узрят всего Меня, и весь есмь, якоже днесь видят очи твоя. Предупреждаю тя и предуготовляю

тебя к делу сему святого послушания, иже приидет к тебе во все оное время, и ты бди, мужайся, крепися в терпении, любви и благодушествуй всегда. Разумей, яко Аз есмь с тобою всегда. Избрал бо тя быти орудием дела Моего, и Аз творю тобою дело Мое, помни сия, яко избрах тя орудием дела Моего, и Аз делаю вся в тебе, не могу бо зрети хлад, мраз, глад, страждущих в жажде человеков из людей Моих, ихже возлюби душа Моя. Всех их ради не щажу Себе. Наведу же птицы сия, их же ты видел еси, и дал еси им пищу в снедь, и обрящу вся оныя к тебе, и ты послужи им Мене ради и не стужи оных, яко много грядут к тебе. Разумей, все сии идут не к тебе, а ко Мне. Все сии Духом Святым наставлены есть, и ты всем им разумно в любви послужи».

Ставши же перед Господом Богом моим, говорю: «Господи, аще тако вся сия имуть быта и сии вси приидут ко мне во дни оны и во время оно, и я един есмь и только, и у меня нет ничего, и средства такого не имею и никого, кто бы мне помог в деле сем и в делах оных, иже имуть быти во дни своя, якоже извещает вся сия благостыня Твоя, Господи. Страданий и срамоты, Господи, не боюся, любовь бо мою веси Сам, Господи, к Тебе, и желал бы, и готов пострадати за имя Твое Всесвятое, Господи Боже и Творче мой, но разумею одиночество мое, скудость и нищету мою, как телесную, так равно умную и духовную, и когда приидут дни оные и грядущая вся от имени Всесвятого Твоего, яви-

тися пред грешное лице мое, что имам тогда дати им?» — «Ты тогда даси им, что дано будет тебе, и будут все утешены оные сугубо, и отыдут в радости и в здравом веселии, в обновлении Духа отыдут во своя от тебе. О сем остави мысль твою и помышление сердца твоего, разумей и виждь — орудием Моих дел избра тя, и дело Мое есть все в тебе. Не ты делаеши вся она, но Аз делаю все, и дело все Мое есть».

Я разумел окаянство мое и крайнее невежество, и нападе на мя страх, и говорю: «Прости мя, Владыко живота моего, Господи, за всю дерзость мою, да не постражду от малодушия моего, веси вся, яко нет советующего мне и нет разделяющего скорбь мою и недоумение мое». И говорит ко мне: «Вся сия вем, но дело Мое, еже ты делаеши, и послушание оно, еже проходити начнеши, умножат в тебе силу, бодрость, разум, смысл, и мудрость пребудет в тебе, и не подаст ти времени вопрошати кого, приидут бо вопрошати тебе, и будеши комуждо вопрошающему тя ответы давати, сердце бо твое в руках Моих есть». И дунул мне в лице мое, и во всего мя вдунул, и я очень содрогнулся. И говорит ко мне: «Не бойся, отселе сила Моя в тебе, не будеши имети нужды в советах от иных, но мнози приидут тебе вопрошати, кийждо к деланию своему. Да и времени мало ти будет, в делании бо всегда будеши. И мир Мой дам тебе, и мир Мой в тебе пребудет, разумей сие, яко поставих тебе предо Мною и пред лицем Моим, сто-

яти будеши всегда в нуждах твоих. Аз есмь в советах твоих, Аз возлагаю тебе в делании твоем, в хождении, стоянии и в советах многих с тобою есмь». И я, окаянный, все сие слышав, как безчувственный истукан быв, и говорю: «Господи Святый, ныне вижу великую милость Твою к роду человеческому, егоже создал еси, и многими благами устроил еси, и благостынею неисповедимою оградил еси всех, вся и во всем и комуждо даровал еси спасение, в ведение ввел еси, да возмогут все спасены быти, и даже снисшел еси и до окаянства моего, и не призрел еси, Владыко, меня, создания последнего от всех, пречистых рук Твоих, и милостивно не возгнушался еси мерзостного недостоинства моего, и молю Тя, Господи Боже мой, и во грядущее время не отступи и не остави мене, да благоугодно послужу и поработаю Тебе, и целость любви моей к Тебе, Господи, всегда сохрани. Что бо еще имел просити и глаголати к Тебе, Ты вся, Владыко, веси, яко скуден я разумом и нищ знанием и пониманием моим — поистине невежда сущ во всем есть. Буди ми врач, учитель, наставник, руководитель и управитель мой мною всегда. Ты, Господи, Сам бо вся веси».

И говорит ко мне Спас мой: «Утвердися сердцем твоим в Мя, и Аз положу советы Мои в тебе, уже есть бо оные». И говорит ко мне: «Довольно есть ныне, и дело сделано добре, все поля и нивы обсеял еси пшеницею, алчущие насытил еси, гора доброго зерна пшеницы велика есть, и оного дел вре-

мени дело изложено есть, и ныне точию, да егда приидет время и позван будеши к делу Моему служения и послушания, требуемого времени от тебе, буди препоясан и готов внити в делание оно. Виждь, како Дух Святый умудрил тебе во всем и Господь Бог благоизволил преподати благоволение Божественное Свое тебе». И тихо обратился лицем Своим в путь оный, которым тогда благоизволил сойти. Рек же оным Господь: «Приимите его паки и введите идеже бе, и в келию его введите цела, и благоутешна да будет душа его, ум и сердце его во вся дни живота его, и сила Моя, благодать и мудрость да почиют на нем вовеки».

И оные двое опять остались при мне, и мирно я узрел келию мою, и ввели меня в оную и паки трижды перекрестились и по три поклона положили ко образу Божия Матери Троеручицы, стоявшему в келии моей, и сказали они мне: «Мир с Богом тебе да будет всегда, ныне и вовеки. Аминь». И сказавши оная, вышли из келии моей. Но кто они по имени, и до сего дня не знаю.

Пришедши в себя, я умилился душою и сердцем. Источники слез явились многи. Того дня я уже ложек не делал, ибо весь был объят страхом и ужасом от дивных посетителей и всего происшедшего со мною, и сокрыл я в сердце и душе своей все сие, даже до сего дня, ибо находил, что не следует дела сего влагать во уши кому-либо, чтобы сим не повредить кому, а также и самому себе. Ныне я изъявляю единственно славы

ради Божия и неисповедимые благости, милосердия, милости и любви Его к человеческому роду, паче же к верным Ему, верующим истинно во имя Всесвятое Его, во Святую Живоначальную Троицу, христианам. Како имеет Господь Бог к сердцу Его близко и всех любящих Его истинно, сие одно, а второе, то побуждает меня, яко теперь много восстают кривотолки, еретики, раскольники, разные пагубные секты, зловерие, злоучение пагубные, и явилась еще пагубная секта штундизма, шатающая и колеблющая верных христиан и старающаяся омрачить свет благочестия; восстают противу почитания икон святых и Церкви Божия, отчуждают себя, Духа Святого во священстве хулят.

Сего ради понуди мене написати сие таинственное сокровенное во мне, неведомое никому до сего дня. Сие же все благодатиею Божиею и милостию Всеблагого Бога Господа еще изложив во обличение безумия их и кривотолков, отрицающих Господа через преступление Его Божественных Заповедей, иже предал во вся же руководства верным. Аминь.

Явление Божией Матери в посещение Ею Севастополя во время Крымской войны

Было посещение таково. В самое время Крымской войны в Крыму, в Балаклаве, в Севастополе и до самой Черной речки в Крыму, тяжкая и убийственная, зверская,

варварская война. Турки, англичане, французы, сарацины и другие многие с ними. Австрия, искупленная христианскою кровию российских воинов от разорения ее навсегда бы от самой Венгрии, тоже лестно, льстивно, коварно в согласии была с ними — иными безбожными языками. Война была единственно за веру и благочестие верных, во имя Господа Бога Иисуса Христа и священных его заветов. Я, бывши тогда в Никольском монастыре, в числе братии служил, а в свободное время занимался пустынным делом, рукоделием ложек деревянных. Эти мои изделия — ложки я тогда непрестанно передавал для ободрения и утешения покойного по Бозе любимого мною очень сердцем и душою Государя Императора Николая Павловича. Я любил его как агнца Божия, кроткого, разумного, Боголюбивого ревнителя благочестия святого православия и веры в Спасителя Господа Иисуса Христа, и за ту самую любовь его к Господу я делал в дом ложки и давал через его добрых Боголюбивых детей — сынов, великих князей Николая Николаевича, Михаила Николаевича. Я передавал через моего бывшего послушника Стефана графу Орлову или графу Толстому, тогда бывшим при государе Николае Павловиче, когда он изволил бывать в Киеве.

Когда началась война в Крыму, он изволил приказать им всегда быть ласковыми ко мне, и я им передавал, что только мог успеть сделать. Наград, или каких-либо денег, или что другое — ничего совершенно не брал,

а когда он изволил, покойник, что передавать, то я назад отсылал и не принимал, а делал ради Бога все из любви к Богу и великому государю Николаю I. Так было несколько лет, до самой его блаженной кончины.

После поздней Божественной литургии, часов в двенадцать дня, сидел я в своей келии и делал ложки. Мыслию моею скорблю о страшной Крымской войне. Сия мне со скорбию помышляющу, слышу, за дверьми келии моей кто-то творит молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Голос тонкий, женский, чистый и ясный. Слышу и молчу. Знаю, что ко мне никогда никто из женского пола не ходит, молчу. Слышу, творят молитву второй раз — молчу. Третий — тоже молчу. Тогда сама дверь отворяется, а у меня всегда такое правило было, что дверь я держал на крючке.

Входят в келию трое женского пола. Войдя в келию, они стали перед иконою Божией Матери Троеручицы, перекрестились, кладут три поклона земных образу Божией Матери. А я сижу, никакого внимания на них не обращаю, а со гневом в сердце моем — зачем женщины смели ко мне, монаху, вовсе ни с кем не знакомому — они дерзнули зайти. Сижу, мыслю и делаю. Они же, помолясь Богу, обращаются ко мне и говорят: «Спасайся о Господе, отче». Я вижу их всех в простом одеянии — всех трех, как старые простые женщины одеваются, и платочками покрыты их головы. Одна из них

говорит: «Мы пришли к тебе, отче, чтобы с нами пошел в путь и потрудился послужить крымским страдальцам — воинам раненым». Тогда я встал с места, стал перед ними и говорю: «Да можно ли мне идти туда далеко, и бумаги я не имею».

Первая из них говорит: «Ты только имей любовь к Богу, а у Бога все возможно — бумаг никаких не надо. Пойдем, послужим им и назад опять сюда придем. И с собою ты ничего не бери, все у нас есть, а только разве возьми ручника два или три, будешь их язвы омывать, отирать и обвязывать, а то мы все взяли с собою». — «А долго ли там пробудем мы? А как братия меня увидят, что я с бабами — с женским полом расхаживаю, страшно соблазнятся, да и не потерпят мне сего». — «О нет, сего вовек не будет. Мы сего же дня здесь опять будем, сделаем дело святого послушания по Бозе, больным послужим и воротимся сюда сегодня». Старшая из них опять говорит: «Помолимся все мы Господу Богу, да подаст нам силу и помощь послужить Ему в рабех Его, Боголюбивым воинам Его, ратующим за святое имя Его и святую веру в Него и благочестие православных христиан». И говорит мне: «Чти молитву». И я прочитал молитву «Достойно есть», и все положили крестное знамение и земной поклон. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне... до конца, и опять положили поклон; Господи, помилуй — трижды. Благослови. Поклон. Молитвами святыми отец наших... Поклон. Аминь. Первая гово-

рит: «Господи, благослови наш путь». И все положили крестное знамение, вышли из келии. Я запер келию на замок и пошел за ними.

Все мы вышли на двор и стали отходить от келии моей, и, едва отошли, оглянулся, и келии уже не видать. Взглянув вперед, вижу, что мы предстоим очень большому зданию корпуса, на стене его привешена доска с надписью: «Здесь больница раненых воинов, пострадавших за Христа, за веру святую и Отечество святое Богом хранимой России». И первая говорит мне: «Слава Богу, мы здесь, пойдем все внутрь к ним — этим святым страдальцам». И, войдя внутрь, я увидел очень большую, светлую, просторную, длинную комнату вроде коридора. По обе стороны вправо и влево в три ряда палаты, в них постланы постели чистые, мягкие. В первой палате лежат раненные тяжко: у кого нет руки, у кого ноги, у иного разорвана внутренность, у иного оторвана нижняя челюсть, у иного нос и глаз вырваны, а у иного человека голова рассечена.

Прежде мы обошли все нижние палаты, осмотрели, а потом взошли на вторые палаты, выше, и тех всех осмотрели. Тогда, возвратившись к первой палате, Первая говорит мне: «Смотри, како узриши даемое нами, тако и ты так же твори. Приидохом бо сюда утешати и ободряти страдальцев». И Первая, препоясавшись, взяла себе воды, налила в чашку большую, как подают к обеду чашку щей и борща, из таковой чашки берет воду

губкою, вся в язвах и ранах болезненное очищает, потом мягким полотенцем, с собой принесенным, отирает. Берет из кошелки с собой принесенную мазь, мазью и мылом мажет и отирает лицо и голову болящему. Умоет и полотенцем своим утрет, и власы головы очешет, и так быстро, скоро болящего оправит, к другому приходит. Тако же делает и с ними. У кого рука или нога изломана — выправляет, у кого внутренности разорваны — то все внутренности страждущего внутрь живота вбирает, обмыв их чистою водою, всю кровь и гной смывает и маслом принесенным смазывает, вправив все внутренности, своими руками заглаживает и, отерши весь живот и все члены тела полотенцем, расчесав каждому волосы, оградив каждого крестным знамением, дает ему пить чистой воды, скажет каждому страдальцу несколько утешительных слов, ободрит, утешит и отходит к другому больному и так же делает.

Когда Первая уже изволила третьего оправить, обратясь ко мне, говорит: «Видел еси, что делаемое идет, стани здесь около Меня — посреди Меня и великомученицы Варвары — и во всем зри, како мы делаем, и ты так же твори, ничем не пренебрегай и всех страдальцев в тяжких их болезнях утешай, ничем не мерзи и не гнушайся, совершенно ничем, любве ради к Богу и ближнему, яко же и сим святым страдальцам». Потом, поставив меня, окаянного, посреди Себя, приняла больного и меня к больному

приставила и говорит: «Святая великомученице Варваро, следи за ним и неведение его, невежество и неопытность его назирай, показывай, исправляй, да послужит благо больному во славу Божию и в пользу ближнему страждущему человечеству».

И приступил я к больному, открыл покров его, снял с него рубашку и видел, вся грудь его разорвана и внутренности все видны и вышли из него. Живот и нижние части его все разорваны; увидев все это, я вострепетал, оцепенел, как мертвый, ибо ужас объял меня. Увидев этого страдальца, я сделался как столб и нечувственный окаменел. Жалость и страх напали на меня, и я стою.

Святая великомученица Варвара, как ее назвала Первая, приступила ко мне, держит меня за руку левую и говорит к Первой: «Всемилостивая Владычица, Мати Божия, также и всех нас Госпоже Богородице, виждь, яко изнемог дух его в нем. Сотвори, Владычице, милость Твою с ним, да обновится дух его в нем, да послужит и поработает, Владычице, Господу Богу, Спасу всех, Сладчайшему Жениху моему Иисусу Христу, Егоже возлюбив всем сердцем нашим и всего себя Ему предавши. Его ради даже и ныне сюда пришедше. Всемилостивая и скорая Помощница и теплая Заступница и Покровительница всех, и Утешительница, Мати бо суще Умного Света Господа Бога Истинного, Владычице Богородице, молю, укрепи его и умудри, да уразумеют вси, яко еси всем по-

хвала и слава верных Богу и Тебе, Всесвятая Владычица».

Тогда я уже уразумел, окаянный, Кто суть Сия Первая, и вторая, и третья, и вострепета сердце и душа моя, едва не исступи ум мой во мне. И не мог понять, где я, что и при ком. Тогда Всемилостивая Владычица говорит к третьей: «Святая великомученица Александра, приступи сюда, зри малодушие сего воина инока, исшедшего на брань противу врагов и хотящего положити жизнь и душу свою за имя Господа Бога Иисуса Христа, за веру святую, и за Церковь Божию Святую, и за ближнего. Он пришед с нами сюда послужити страдальцам Божиим и, увидев язвы их, ужаснулся, и изнеможе дух его в нем. Виждь, каков он есть». Святая великомученица Александра говорит ко Владычице: «Всяк человек не причастен свыше от Господа Бога Спаса всех Иисуса Христа и от Тебе, Всесвятая Мати, благодати Твоея, все суть нищие, немощные, трусливые и расслаблены есть. И Ты ныне, Всесвятая Владычица Богородица, благослови его, укрепи и подаждь ему неотъемлему и неоскудну благодать Твою во всем, в помощь, в бодрость, в силу, в разум, в терпение, мудрость и во утешение всему ему и во всем. Да явится благодать Твоя, Владычице, на нем и во всех делах его. Тебе ради, и ради Сына Твоего, Господа Бога нашего Иисуса Христа, да прочее время его послужит Тебе, Владычица, и Господу Богу нашему во благо и славно, во Имя Святое Твое».

И приступи к моему окаянству, Владычица, осенила меня трижды крестным знамением и говорит: «Отныне будет в тебе и на тебе, и во всех делах и начинаниях твоих благодать Моя во вся веки, да послужиши бодрственно, верно, благочестно в мире и любве ко Господу и ближнему страждующим в человечестве человеком, и Аз буду с тобою во всех делах твоих. Аз зело бо люблю тех, кои служат во благо в немощи сущим и во утешение страждущим человеком борющу их врагу. Радостно приемлю труды и делание таковых. И ныне Бог благословит тя, приими труд сей и разделяй его с нами». И от сего оживе дух мой во мне, и приступив к делу и делая оно уже без страха и оцепенения, а благоговейно и радостно в душе и сердце моем, и быв под наблюдением. И дело все мое от десной стороны Владычицы Госпожи Богородицы, а с левой — святой великомученицы Варвары.

И дело уже пошло быстро, скоро. И первого оного страдальца — было имя его Василий, Владычица тогда его спросила: «Как имя твое есть?» Он сказал: «Василий». И говорит ко мне: «Заметь имя его в сердце твоем и памяти твоей, будет время, он приидет к тебе, идеже будеши, и, егда приидет, припаси благословение твое во имя Господа, и будет ему».

Так и было. Уже здесь, в обители, прибыл он сюда, говел, исповедовался и приобщился Божественных Таин Святого Тела и Крови Господа Иисуса Христа, и он, бывше

здесь, признал меня, объяснял все, как было тогда, как он жестоко был и безнадежно ранен, и он все мне пересказал подробно, что было и что слышал он тогда. Он видел сон, ему было сказано во сне идти в Киев и меня разыскать. И во сне ему было указано место, и по этому указанию он нашел нашу обитель и меня. И говорит мне вся там бывшее, но я ему не сознался, скрыл все от него, единственно для того, чтобы не дать молвы в человецех. Он был здесь несколько дней, и я его с миром отправил восвояси.

И так все дела скоро успешно в сей палате окончили, всех больных успокоили и пошли в другую палату большую и там долг послушания совершили. Потом пошли в меньшую палату, и там много лежало больных, несколько раненых, и там послужили и пошли туда, где уже были выздоравливающие. Там Владычица благословила всех, ободрила в духе в Бога, веры, послушании Святой Церкви Божией и в ратном подвиге о спасении ближнего. После сего Всесвятая Владычица обошла все полки, все христолюбивое воинство, всех их благословила и утешила. Благоизволила быть Владычица в Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, около Черной речки, где воины наши жили в землянках. Побыв везде, Владычица возвратилась обратно в Киев.

И вошли они все трое в мою келию, а святая великомученица Варвара говорит: «Вторая стража, час времени». Потом, помолившись Господу Богу, по три поклона зем-

ных положили, и говорит Владычица: «Все сие зри, помни, не забывай, и, егда приидет оное время, Дух Святый воздвигнет дух в душах и сердцах человеков многих, всякого пола, возраста, чина и звания и верований. Ни в ком ни в чем не отрицай служения твоего по Бозе к ним и в них и ничем не гнушайся и не мерзи; глава бо есть всех Сам Господь Иисус Христос... вся же — уды Его и части. Проходи служение твое Богови по Бозе и верно всецело в любви к Богу и ближнему и блюдении, да не презриши кого, но всем спостражди, послужи комуждо во благо и ко утешению страждущего и унывающего человека, како и ты сам на себе много испытал, сия всегда помни, проходи оное в смиренной мудрости, терпении дела и благодари Господа Бога. Всегда око Мое зрит вослед тебе. Не буди же в неведении, но ведай разумно и твори, на сие бо ты и призван еси. Зри же сия и памятствуй всегда, да не ослабишися или малодушествовати будеши, аки изнемогаяй. Но блюди, да не будет в тебе сия, и помни благо и смиренномудрствуй всегда, и благодари Владыку Господа, благоизволившу избрати тя и призвати в служители дел Его святых. Служи и служи Ему в человецех. Дело Его любве бо вся суть Его, служай в человецех, веселити душу Его; кто спостраждет ближнему в нужде, скорби и страдании, напасти или в болезни и послужит ему ко утешению великим делом, той благоугождает Богови». Потом трижды крестным знамением оградила меня

и говорит: «Да будет мир в тебе Божий, да послужиши Ему верно и в правоте».

Тогда я увидел Владычицу и тех святых с Нею не в простых одеждах рубищ странных, но во одежде славы, красоты, света неисповедимого или каким языком человеческим возможно оное сказати бы, нет сие придумати, поведать величие оное.

Испросил я молитв и милости Матерския Владычицы ко мне и ко всем делам в помощь и во утешение вечное, да будет мне и сих святых великих, святой великомученицы Варвары и святой великомученицы Александры, просил молиться обо мне ко Господу Богу и ко Святой Владычице, да милостивы будут ко мне грешному. «Знаем, знаем немощи твоя, но и ты утренюй ко Господу Богу и ко всех Владычице Госпоже Богородице, Она бо есть Мати всех, кто к Ней прибегает, подает покров, благодать и утешение. А ты наше житие и страдания за Господа Иисуса, наносимое нам тогда от диавола и слуг его, все ли читал? Виждь, како Господь Сил прославился в немощных телесех слабых женских наших и в потоках крови излиянной. Истинно, дивен Бог во святых Своих. Аминь». И опять Владычица, мир подавши, благословила и благоизволила выйти, и святые с Нею из келии моей. И говорит Владычица: «Виждь, мученице Варваро, в Церкви Божией утреннее славословие совершается, во Храме святом Его».

И возвратился в келию мою. И вспомнил, как я глуп, ошеломлен, что и свечи не

зажег, и была ночь. Возвратясь в келию, вижу свет велик в келии, свеча стоит на своем месте, не горит, а свет велик был. Каков я скуден умом и разумом, всего оного уразумети не мог, да вовсе и понятия имети не мог; во всем себя видел да и ныне вижу, что мало смыслен не тогда, но и ныне также. Господь Бог, Божия Матерь и все святые проявляют ко мне великие милости и благодать многую, но я в житии моем неблагодарен к Богу, Матери Божией и всем святым. Я оделся в мантию и пошел в церковь к заутрени, тогда было два часа пополуночи.

Посещение Божией Матерью отца Ионы

Зная недовольствие на меня старшей братии, что я принимаю богомольцев и этим причиняю им много неприятностей и трудов, я решился никого не принимать и заперся в своей келии. На праздник Трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, я пришел от ранней обедни, приобщился Святых Таин, запер келию на крючок, разделся, помолился Богу и сел к столу, который был приставлен к стене. Сижу и занимаюсь чтением Исаака Сирина. Уже отзвонили к поздней обедне.

Вдруг слышу, кто-то творит молитву Иисусову, отворяет дверь, входит в келию, оставляет дверь незатворенною. Вошли, стали посреди келии и говорят: «А он занимается». Мне показалось, что это голос одной девушки, Марии, которая ходила ко мне.

Она была скорчена, как клубок — не владела ни руками, ни ногами и даже с большим трудом говорила. Ее совершенно исцелила Божия Матерь, явившись ей во сне и наяву, и она стала совершенно здорова. Она приходила из святой Лавры раза два с кем-то, и я думал, что это пришла Мария. Я ужасно досадовал на себя, почему я оставил дверь не запертою, а потом сержусь на пришедших, что здесь живут люди и келии отапливаются дровами, а эти вошедшие какие-то безпонятные.

Пришедшие ко мне подходят на середину келии, и одна из них голосом нежным, женским и говорит: «А он-таки занимается». Сказав это, стоят. Я и внимания на них не обращаю и не оглядываюсь, а сижу, сержусь на себя, почему я так невнимателен, что не заложил дверей. Когда я сказал, что не буду никого к себе принимать и дал пришедшим понять, что они не вовремя пришли до монаха и что они постоят и уйдут, и сижу себе, а те стоят и молчат и не уходят. Прошло довольно времени, я все никакого на них внимания не обращаю. Потом пришла мне мысль гневная: эти люди не имеют понятия, что сейчас большой холод, на дворе зима, и холод входит к человеку, бросают незатворенною дверь настежь. Разве это можно делать здравомыслящему человеку, не затворять зимой дверь? Дам им понять, повернусь круто на скамейке в правую сторону с тем, чтобы на них не взглянуть, а встать и идти прямо к двери и затворить.

Помыслив так, я круто повернулся, поднялся и дерзко обратил лицо, чтобы идти к двери, быстро стал на ноги — и что же? Увидел Владычицу Госпожу Матерь Божию стоящую, и с Нею святых. И я упал мертвым на землю.

Не помню, сколько времени я лежал, и только тогда пришел в чувство, когда Владычица благоизволила коснуться Ее Всесвятою рукою моей головы, гордой и грешной, и сказать: «Дух его в нем есть». И, как молния, пролетела жизнь по всему моему телу, и я сказал: «О Владычица Истинная Мати Божия, прости меня, окаянного, паче всех живущих на земле». — «Встань на ноги твои». Но я, окаянный пес, лежал; какой стыд и страх объял меня, выразить невозможно. На кого я, окаянный, мыслил, гневался и гордостию хотел доказать мое сожаление; скорбь, страх выразили все мое тогдашнее положение стыда, боязни, объявших меня. Я рыдал горько-горько и встать от ужаса никак не мог. Владычица же Всемилостивая повелевает мне и ласково говорит: «Успокойся, встань». Но куда мне встать, скаредному гордецу, да и пред Кем? Владычица стоит и ожидает, пока я успокоюсь.

Когда я несколько успокоился, Она подняла меня, скаредного, за левую руку, я встал на колени, Она, Владычица, и говорит мне ласково: «Ты, помолясь Богу, Мне и всем святым, положил никого не принимать. И вот мы пришли к тебе, на сей жезл, гони нас, гони нас всех, гони, ты такой завет за-

ключил в твоей мысли, то и делай — гони нас! Ты все это рассмотри сам, ты труслив, малодушен, ты все заботишься о нападающих на тебя. Напрасно ты думаешь, они объюродили от своих страстей, сами не знают, что делают, поддались врагу — диаволу. Жаль их, и ты о них жалеешь сердцем и делаешь, да спасутся они, аще на сие благоизволит Всеблагий Бог. Ты же укрепись мужеством, и ко всему доброму будь готов, иди путем, на который поставлен, и приходящих к тебе всякого племени, пола и возраста не отгоняй, но всех принимай. Дух Святый повелевает им, наставляет, и они идут к тебе».

Много-много благоизволила Всеблагая Владычица говорить мне о всех и о всем. И говорила это Она при свидетелях, пришедших с Нею: святителе Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, святителе Николае Чудотворце, святом великомученике Георгии Победоносце, святом великомученике Меркурии, Феодоре Тироне и святом Григории Акрагантийском. Все эти святые предстояли Владычице с великим благоговением — все это они слушали. Потом говорит: «Блюди и храни это навсегда; дверь твоей келии никогда и никому затворена да не будет для входа к тебе, а всегда открыта для всех. Проводи нас. Помни же, пусть дверь всегда будет отверзста всем». Я проводил их на самое крыльцо. Владычица повелела мне возвратиться в келию, и я возвратился в келию и дверь келии не смел затворить две недели.

Я помнил, что Владычица сказала отложить гордость, презрение и принимать всех, но у меня не хватило ума понять тайны Божией, и дверь моя была всегда настежь. Многие из братии видели, что такой страшный мороз, а дверь у меня настежь. В келии моей было, как и всегда, тепло. Вспомнил я только тогда, когда Владычица изволила мне подтвердить, чтобы дверь моя всегда была для всех отверзста, а я говорю: «Как же, Владычица, я человек и боюсь холода, у меня в келии холодно будет, и я не снесу, так как теперь сильный мороз». Владычица улыбнулась и говорит: «Ничего, пусть будет так, а в келии твоей всегда будет тепло». И дивное дело — на дворе мороз, а дверь у меня открыта и в келии тепло. Многие братия, проходя мимо моих дверей и видя дверь отворенной, закрывали, а я опять открывал. Так делали мои келейники, но я велел им отворять. И так было недели две. А потом мысль пришла, что это не к тому.

Видение на Киево-Печерскую лавру

Дивное дело. Господь Бог неизреченным Его милосердием и Всесвятая Владычица, Всемилостивая Госпожа Богородица, с Нею и все святые чудотворцы Печерские, преподобные и Богоносные отцы Антоний и Феодосий, с ними же и весь собор великих святых Печерских преподобных отец мне, грешному, благоволили показати даемое дело, внутреннее ее управление братства монаше-

ствующей братии во святой Киево-Печерской лавре.

Было так: во время правления митрополита блаженного, доброго и Боголюбивого пастыря Арсения, митрополита Киевского, наместника Лавры архимандрита отца Иоанна, который после был епископом Полтавским. Благочинным был тамошний иеромонах, которого я имени не знал и ныне не знаю, хотя я жил в Лавре. Оставлен жить там митрополитом Филаретом. Наместником тогда был отец архимандрит Лаврентий. Это было в 1847 году. Но мне там не понравилось. Я хотел выйти обратно в пустынь, но меня переместили в Михайловский Златоверхий монастырь в число братии, а потом был в Никольском монастыре. Из Никольского меня владыко перевел в Братский, из Братского я решил переместиться в Греческий, из Греческого меня переместил владыко Исидор, митрополит, в Выдубецкий, а из Выдубецкого монастыря Святейший Синод переместил меня, по соизволению владыки Арсения, сюда, в Свято-Троицкий, где ныне благодатию Божиею живу.

Когда я был еще в Выдубецком монастыре, во время моих келейных занятий, утром, часов в десять или одиннадцать, входит кто-то в мою келию с молитвою, обратился к образу Божией Матери, помолился и говорит: «Спасайся о Господе, отче». Я ему отвечаю: «Спаси и тебя Господь Бог». Вошедший ко мне был юный; имел длинные до плеч светло-русые волосы, в одежде длинной, какую

носят послушники, и говорит: «Я послан к тебе позвать тебя со Мною пойти в святую Киево-Печерскую лавру. Пойдем скорее, там нам есть дело». Я оделся, как должно, в рясу, камилавку, и, помолясь Богу, вышли мы из келии. Келию я запер на замок, ключ положил в карман, и вышли на крыльцо из сеней келии.

Вдруг мы очутились оба пред святыми вратами Киево-Печерской лавры. Помолясь у святых ворот, вошли внутрь монастыря и прямо пошли по дорожке к Великой Церкви. Вижу большой собор монашествующих святых отцов Печерских, стоящих по правую сторону от входных дверей святой церкви, в две линии длиною, даже почти до колокольни. Стоят монашествующие в два или три ряда. Видя это, я остановился. Идти далее мне было уже неудобно. Дойдя до самого угла палисадника келии правой стороны, спутник мой говорит мне: «Стани здесь и стой». И сам тут же остановился и меня поставил около себя с правой стороны. Стоим мы оба и смотрим. Впереди немного, поодаль от входа дверей в святую церковь, стоят святые отцы Антоний и Феодосий, а за ними в протяжении линии стоят все в ряд далее и далее в три ряда другие святые, и в конце всех святых отец, отдельно от них стоит отец наместник Иоанн. Стоит он с какими-то монахами, не более трех, отдельно от святых отцов. А сзади всех трех линий стоят три монаха: иеромонах Варлаам и теперешний экклесиарх и еще третий иеромо-

нах, отец Иерофей, и духовник отец Мефодий. Стоят совсем отдельно все сзади, и лицем все, как святые отцы. Отец наместник с кем-то другим стоит совершенно отдельно в стороне и держит в руке ключи от святой обители. Мы стояли с моим спутником, и все нам было видно. Все святые отцы, вышедши из святой церкви, стоят в ряд, стоят спокойно, как будто чего ожидают. Братия же все живущие стоят в линию угла святой церкви, от келии экклесиарха. А между всеми ими посреди площади того места, где стоят каштаны, стадо голубей спокойно себе слетаются, спокойно ходят и собирают случившуюся пищу, и все они спокойны.

Вдруг является страшная образина вроде монастырского человека: одежда его страшная, лохматая, ощипана, в кровавых пятнах. Сам он, язык выдвинув длинный до грудей, из очей, ноздрей и уст его смрадный воздух скверный исходит и яркий огонь вырывается. Испускает свирепый крик. Голова кострубатая, борода клоками страшная и страшное, свирепое лицо. И он бросается на кротких, смиренных, ни в чем не повинных голубей. Те по своей кротости и неповинности спокойно разгуливают по площади, не боятся всех здесь предстоящих собора святых отцов, монашествующих, продолжают свое дело и занятие. И вдруг неожиданно для них бросается на них как самый лютый и свирепый зверь или как сам диавол, ибо он свирепостью, яростию, и злом, и пламенем, исходящим из очей, уст и ноздрей, похож на само-

го диавола. Это страшилище ожесточенно бросается на них, хватает в зубы, рвет каждого как попало, кого пополам разрывает, иному голову отрывает, иному крылья, иному ноги или хвост, и все это делает безчеловечно и безжалостно, свирепо и, разорвав, бросает на землю. И никто ему, этому лютому зверю, ничего не говорит. Святые отцы на все это жалостно смотрят, а голуби все, избитые, разорванные, мертвые, лежат бездыханные, а тот зверь все продолжает.

И се исходит из дверей святой церкви — Жена в черном одеянии, и с Нею так же три в черной одежде. И се узрела из храма такое жестокое и свирепое действие, ужаснулась Сама от видимого безчеловечного дела, бросилась Сама к лежащим разорванным голубям, берет в Свои руки каждого, берет разорванные части и соединяет их вместе и, соединив, оживляет и пускает, и тот летит в свое уже гнездо. Она соединяет как попало: черному попадает белая голова, а белому черная, так же и крылья, кому какое попадается, приставляет — и оживит. Она их свободно пускает. Те, которые вышли с Ней из храма, помогают Ей, подбирают части голубей, подают Ей, и Она их исцеляет и пускает из Своих рук. Сие видя дело неустанное, свирепое убийцы оного, обратилися все оные первые ко Храму на молитву ко Господу: «Укроти оного и низвергни этого лютого зверя отсюда».

И внезапно с севера поднялся страшный вихрь, даже с огненным пламенем, схватил

того лютого безчеловечного зверя и, подхватив на воздух, немилостиво швырнул его в северную сторону за ограду. Исчез, и больше его не видно было. Жены подбирают всех убитых, присоединяют все оторванные части и подают Первой. Та целит и отпускает их в свои гнезда. Так они работали до тех пор, пока подобрали всех убитых; всех исцелили, и ни одного не осталось мертвого. Святые отцы, стоящие в этих линиях, и те, которые стояли сзади, видели все это, и те братия, которые стояли поодаль экклесиарховой келии, тоже все видели.

Когда все успокоилось и тишина великая настала, тогда Оная Святая Жена подошла к преподобному Антонию и говорит: «Поди возьми все ключи от святой обители, от недостойного правителя и наблюдателя святой обители сей, и вызови стоящего сзади иеромонаха Варлаама, ему отдай ключи и поручи». И преподобный отец Антоний пошел — пошел прямо туда, где стоял отец Варлаам, взял его за руку и повел к месту, где стоял наместник отец Иоанн, а отца Иоанна отодвинул назад с того места дальше к самой колокольне, к воротам, и там указал место ему до времени стоять, а отца Варлаама поставил на то место, где стоял тогда отец наместник Иоанн. Взяв все ключи от Иоанна, отдал в руки отцу Варлааму и повелел ему быть здесь, делать и хранить все здесь во славу Божию. Тогда весь собор воспел песнь Пресвятой Богородице, славно и величественно: «Достойно есть», всю до конца, и,

пропев, все пошли в Церковь Божию. Впереди всех шла Владычица во свете великом, и за Нею оные святые девы, а по них преподобные отцы Антоний, Феодосий и прочие все по чину и по порядку.

И взем мене юноша паки отсюда, и в келии моей постави мене и, помолясь Богу, отыде. Я сам остался в келии моей, удивился всему и благодарил Бога и Матерь Божию и всех святых. Все сие сказал я тогда Серафиму.

Видение небесной обители в 1888 году

Благостию Божиею и неисповедимою Его милостию, и Всесвятыя Владычицы нашей Госпожи Богородицы и всех святых ходатайством, попечением и покровительством, было мне грешному видение или откровение — по скудоумию своему понять не могу.

В 1888 году, под 5-е число февраля, по окончании всех дел по монастырю, помолясь Господу Богу, Божией Матери и всем святым, в одиннадцать часов вечера я лег спать и лежа занялся умною молитвою. Вдруг вижу, будто бы я по обычаю оделся в свою одежду: подрясник, то есть балахон, и теплый подрясник серенький, в каком я обыкновенно хожу, спальню надел на голову и, взяв в руку палку, вышел из келии и пошел ночью по монастырю.

Обойдя кругом большой церкви, пошел к воротам здешним на горе и вижу, что во-

рота наши сии отверзты, но около них никого из сторожевой братии нет. Дойдя до самих ворот, смотрю за ворота на дорогу, по которой ездим мы и все другие. Вижу необыкновенное чудо: сейчас, по ту сторону дороги, вижу дивный лес, роща очень красивого вида, весь он зеленый, и вся оная сторона — лес, деревья и зелень очень свежи — везде растет свежая зеленая травочка. Я стою, и на все это смотрю, и говорю себе: «Господи, что сие такое значит? Сколько лет я живу на сем месте, ходил, ездил, и ничего этого я никогда не видел». И, стоя на месте около святых ворот, удивляюсь всему этому, а потом и говорю себе: «Чья же была сия важная, чудная, очень красивая роща, да где же? Около самих наших ворот». А потом пошел через дорогу дальше и удивлялся чудной сей, никогда не виданной роще и пошел далее — гораздо далее.

Дорога зеленая, и по обе стороны растут деревья. Идя дальше, я вижу ворота хорошие и крест святой наверху ворот. Я перекрестился трижды и поклонился и, остановившись, смотрю: по обе стороны растут зеленые свежие деревья. Я осмелился, подошел ближе к воротам. Смотрю, по обе стороны отсюда, от проезда, стоят два монаха; я несколько осмелился, подошел ближе: вижу наших двух монахов — отца Серапиона и отца Аркадия. Я говорю им: «Зачем над воротами вверху образ Святой Живоначальной Троицы?» А они мне говорят: «Нас здесь Господь Бог поставил сто-

рожить врата дома Господня и стерещи обитель святую здесь пребывающих и вовеки живущих». — «А какая же здесь обитель, и каких святых, и какое сие есть место, где оно и какого оно монастыря?» Они мне отвечают: «Здесь обитель Святая Святых, дом Господа Бога Вседержителя, Святой Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, здесь присно живет Сам Господь Бог; тут же живут все благоугодившие Ему, по отшествии от временных земных — семо оныя вводятся, и Господом Богом славно сюда приемлются, и уже пребывание свое здесь имеют вечное».

Опять к ним говорю: «Вы же здесь около чужого места и обители святых находитесь?» Они отвечают: «И место сие не есть чужое, а наше, ибо Киево-Свято-Троицкого общежительного монастыря нашего все это есть, и вся братия наша и сестры, ради Господа Бога потрудившиеся в Свято-Троицком общежительном монастыре, и верно, и любовно ко Господу пожившие, по кончине их временной жизни, — все сюда вводятся, вся братия и сестры отшедшие, все здесь пребывают». — «А скончавшиеся недавно в нашей обители живописец Варфоломей и вслед за ним вскорости послушница Параскева, которая трудилась, проходила послушание в коровницах на скотном дворе нашего монастыря, и они здесь?» Они мне оба отвечают: «Милосердием Божиим и благодатию Всесвятыя Госпожи Богородицы, молитвами всех святых, все здесь по-

жившие, потрудившиеся любве ради ко Господу Богу и скончавшиеся, все здесь: и отец Иларий, отец иеромонах Самуил, и первый монах Иларион — все здесь, и вас всех сюда ожидаем».

Я им говорю: «Странное дело, сколько лет живу здесь, а сей таинственной рощи, или, лучше сказать, дивного сада, никогда не видел, да и не слышал даже о нем». Опять говорю: «Кому-нибудь же позволяется от Господа Бога сюда вход, внутрь святой обители?» — «Бывает, но очень редко и очень мало, потому что некоторых живущих на земле, в теле, умом прилепляются к земным, а потому им и мысль не приходит о посещении вечного и во уме никогда это не бывает, посему таковые сюда, в горняя, вечная и славная, не входят, это как не нужное является для них — так и отходят от временной земной жизни скучны и безотрадны». — «Жаль», — говорю. И они мне говорят: «Жаль, но сие все зависит более от себя и от невнимания своего». Я к ним говорю: «Что же, я желал бы сюда, внутрь святой обители, войти». Они ко мне говорят: «Вам можно, и Богом дозволено нам Вас впустить внутрь, только теперь на малое время, потому что у Вас еще дело в обители, надо еще Вам потрудиться».

После этих слов отворяются врата святой обители. Я перекрестился и говорю себе: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе Боже мой, милости Твоей не лишил Ты и меня грешного».

Входя во двор внутрь — Господи Боже... чудный свет там, чудный вид внутренности святая обители, великое и дивное пространство, чудная местность, чудная земля чистая, как самый чистый кристалл стекла. Пройдя далее, вижу: по обе стороны стоят посаженные деревья, красивые, зеленые; иные в цветах, расцветают, а на иных завязываются плоды на дереве, и все по ряду и по линии. Далее стоят обители святых; воздух чудный и живой, тишина глубокая, ни пыли, ни дыхания ветра, но все суть живое, тишина великая; потом вижу посреди всей равнины стоит великое здание огромное. И се здесь отец Самуил иеромонах, и несет в руках цветы, подойдя ко мне близко, говорит весело: «Благословите меня, батюшка, вот хорошо, что Вы пришли к нам, хотя и ненадолго, но все-таки хорошо». Говоря это со мною, наклонился и сажает цветы на уготованных грядках полянки. Цветы чудные, какие я от роду никогда не видел, и говорю ему: «Ты торопишься сажать их теперь, а ты бы сажал их под вечер, за ночь они бы осиделись, сошла бы на них роса, поливши их, они бы тогда уже к утру освежились, а теперь вот ты их сажаешь и польешь, а солнце взойдет, пригреет, и они могут привянуть — всего лучше сажать под вечер, на ночь».

А он мне говорит: «Батюшка, вот вы видите свет, солнца у нас здесь никогда не бывает. Солнце у нас Сам возлюбленный нами Господь Бог Вседержитель, во Святей Троице славимый, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Свя-

тый; Дух Святый Параклит, Дух росный, орошает и оживляет». — «Как же вы здесь живете? Пребывание свое здесь все имеете?» — «Ах, батюшка, как Вам сказать, мы все здесь живем не под страхом и грозою, а в любви и совершенной радости и отраде, никакими устами сказать невозможно; дивно, важно и неисповедимо; скажу только со ужасом, что мы все пред Господом Богом, и Его милость, благость, снисхождение к человеческому роду, высказать никак не возможно любовь Его к нам. Он в нас, и к нам недостойным, яко Владыка Господь Вседержитель, славы и величия Его нет конца, но Он нас так приблизил к Себе, как Бог Отец, брат и друг, так близко, так близко, так близко к нам снисходит и милостив, что и сказать невозможно, и от Него царствует здесь простота, простодушие, простосердечие, откровенность и любовь. И вся сия — Его Божественное милостивое снисхождение, всех нас приводит в ужас благоговения и чистую любовь к Нему, яко Царю и Богу нашему. И что поражает нас — Его высокая любовь к нам, что не мы служим Ему, а Он нам». Сказал, кто здесь из наших братий, монастыря нашего: «Все здесь, которые жили в монастыре и скончались в нем: все братия, послушницы-сестры, всем и каждому назначено от Господа Бога служение послушаний святых». Я говорю: «Отец Варфоломей живописец здесь?» Отвечает: «Ему тоже послушание от Господа Бога назначено, и он в нем служит». — «А отец Иларий?» — «Да, слава Богу, здесь, милостию и ходатай-

ством Всесвятыя Владычицы Госпожи Богородицы, введен и принят здесь. Теперь мы все заняты. Сам Владыко наш Господь Бог занят, и мы все заняты приготовлением к великому дню празднества и торжества, которое скоро настанет. Мне Господь Бог поручил сажать цветы». Я ему говорю: «Ты бы дал один цветочек отцу Антонию, я ему передам». А он говорит: «Отец Антоний пусть сам занимается этим делом и будет иметь свои цветы!» — и не дал. Я спросил отца Самуила: «Разве вы кого ожидаете сюда? Царя, князя, царицу, или какую княгиню, или кого из-за границы, или кого от высоких лиц?» — «Господь будет сюда и совсем перейдет на жительство в 1892 году, тогда совершится полное высокое торжество».

Говоря это, отец Самуил смотрит на меня и улыбается. Я ему говорю: «Вам, верно, известно, кого сюда ожидают?» Отец Варфоломей шел от большого корпуса сзади большего храма, стоящего посреди двора, а вся братия находилась в своих обителях, и я никого не видел, а желал бы видеть, но отец Самуил сказал: «Вам теперь с нами видеться неудобно, ибо Вам теперь с нами здесь долго быть нельзя, теперь Господь хотел Вам только показать здесь все, а в 1892 году, тогда Вы все рассмотрите, везде будете, все увидите, а теперь Вам не время».

Когда он мне это говорил, вдруг отворяется дверь этого самого славного великого и дивного корпуса, стоящего посреди двора, и выходит из дверей наш первый инок отец

Иларион. Увидев меня с отцом Самуилом, обрадовался и зовет. Отец Самуил говорит: «Идите туда, батюшка, он там живет и служит во Святая Святых». И я пошел к нему. Здание стоит высоко, и всходить нужно в гору. Я вошел внутрь и увидел большие комнаты, очень хорошо украшенные, чистые, в два ряда поставлены столы, все прекрасно поставлено, всякая вещь на своем месте. Я спросил отца Илариона: для чего же здесь так много столов и для кого? Разве вы сюда ожидаете великих гостей: царей, князей, или придут из Греции Патриархи, что вы так приготовляетесь и спешите?» А он весело улыбнулся и говорит: «Эта святая обитель устроена для Вас и для братии Свято-Троицкого монастыря, а не для кого другого. Только братия нашей святой обители, подвизающиеся ради Господа и предавшие себя во всем Господеви любве ради и посвятившие себя, всю жизнь свою, Богови и в служении Ему единому будут обитать здесь с Господом во веки вечныя. Сам Всеблагий Господь наш и Владыка занят здесь делом устройства этой обители. Он Сам больше нас всех занят делом, и мы все неустанно с Ним трудимся, и меня грешного здесь поставил и повелел мне как можно лучше все здесь убрать, поставить и украсить. Господь первый везде с нами в трудах пребывает; учит, показывает, начинает и уясняет. Я было хотел покрыть столы дорогими прекрасными скатертями, Господь Бог благоизволил прийти и, увидев скатерти, повелел их убрать, а пошел Сам в сокровищ-

ницу святую Свою и взял вот эти скатерти, принес и велел ими покрыть столы — вы их сейчас видите на столах».

Я говорю отцу Илариону: «Наверное, Господь Бог хочет ввести сюда и принять каких-нибудь дивных, добрых, Богоугодных мужей: царей, цариц, патриархов, митрополитов и архиереев, потому что проявляет особую заботливость и труды и в устройстве, и украшении палаты». Отец Иларион улыбнулся и говорит: «Вот приближается 1892 год — тогда увидите сами, кого Владыка Господь будет принимать и введет в обед и вечерю Свою и кого будет учреждать, и учреждаемого узрите, и когда узрите, то познаете всю силу труда и любви Его к учреждаемому». — «А для чего вы так теперь суетитесь, ведь теперь только 1888 год, а до 1892 года еще очень далеко». — «Нет, батюшка, не далеко, это только вам так кажется, что и здесь так, как у вас на земле во временной жизни; здесь совсем не так, здесь тысяча лет, как один день и один день, как тысяча лет — здесь совсем не то, батюшка. Пойдем со мною, я Вам кое-что покажу». И повел меня в палаты.

Я увидел светлые, великие и прекрасные палаты, и великий свет разлит в них, и завеса висела во всю палату, и была великая здесь тишина. «Здесь Святая Святых нам, и покой Господа Вседержителя. И повелением Всеблаженного Владыки, нашего Бога, мы непрестанно совершаем славословие, исповедание, благодарение и молитвы ко Господу Богу, хвалим непрестанно и благодарим

Творца. Нужно бы Вам много и много показать, возвестить и сказать, но Вам теперь, батюшка, некогда, у Вас там еще дел много, поэтому Вас здесь и задерживать нельзя». Я говорю: «Как же Вам здесь живется? Сподобляетесь ли видеть Господа Бога и какие дерзновения к Нему имеете?» — «Словами невозможно выразить, какое дерзновение имеем мы ко Господу и как Он милостив к нам и благ. Благость и милость Его к нам описать нельзя; никакой отец родной не бывает так добр к родным детям своим, как Отец небесный к нам. Любовь Его к нам неизмерима и ни с чем несравненна. Истинно, Бог человеколюбивый, Отец, Истинный Бог. Он есть любовь. Он Сам делает все и во всем первый служит нам. Всегда Он с нами и мы с Ним и в Нем. Здесь страха нет, а одна любовь всюду и во всех. Однако Господу Богу угодно, чтобы переселились Вы к нам сюда в 1892 году, и все приобщатся пира Господня, обеда и вечери, вкусят от трапезы Господней и возвеселятся все радостию неисповедимою. Вам время уже идти туда, ибо Вам дело еще есть там».

Выйдя на двор, я увидел отца Самуила, подойдя к нему, говорю: «Вы все спешите, посмотрите — некоторые деревья, посаженные Богом, имеют плоды зрелые, иные же имеют плоды незрелые, иные только цветут, на иных еще почки, иные уже распускают почки и к цвету готовятся, а на иных нет плодов, а только листья, а иные только начинают оживать и распускаться». И говорит

отец Самуил: «Батюшка, все деревья, здесь растущие, — братья, живущие у Вас в Свято-Троицкой обители. Как кто у Вас там живет и какую имеет любовь к Господу, какой труд у них в служении Богу. Слава Тебе, Господи Боже, милостию Его и Всесвятыя Владычицы и всех святых и Вашими молитвами, Господь Бог милостивно вселил нас сюда. Жаль, что некоторые деревья уже искоренились, выросли, а потом от самих себя поражают, увядают, страдают и усыхают. Идите за мною далее, посмотрите, на каком месте близ Господа Бога некоторые деревья стоят и в них жизнь, и цветы, и плоды, а иные далеко от Господа, и они безжизненны, и все в них омертвело: это дерево такого-то брата, это такого-то, это с плодами, приходящими уже в зрелость».

И все мне рассказал по порядку и подробно. «А эти еще вновь поступившие — новоначальные, а эти уже прозябают и растут. Ты видишь, всех братьев деревья тут, а они еще в мире, отдают долг свой, назначенный Богом. По окончании дел придет их время, по исполнении делания их Господь воззовет их от мира во святую обитель, и они к вам внидут, и тогда, в силе и мудрости Божией, споспешествующей благодати Божией, возрастут и в совершенстве принесут плод благоприятен Господеви. Господь Бог наш дивен, и разума Его нет конца. Кто может постигнуть ум Господень и исследовать пути судеб Его. Благ Он, щедр, долготерпелив и многомилостив, дает всем жизнь и спасение

истинно любящим Его». Я его спрашиваю: «Много ли здесь живущих?»

Он благоговейно осклабился и говорит: «Когда, Господь даст, настанет 1892 год, Вы придете сюда к нам совсем, тогда все ясно увидите и поймете, как возлюбил Господь Бог истинно любящих Его. А теперь вкратце скажу Вам, что все здесь наши братия и сестры, потрудившиеся во святой обители нашей, любве ради к Богу и всю свою жизнь посвятившие на служение Ему, во славу Всесвятого имени Его — все эти здесь». — «А отец Иларий, бывший подъэконом, здесь?» — «Ах, батюшка, горько и прискорбно было бы всем нам, если бы не умолила за него Всемилостивая Владычица Сладчайшего и Милостивого Господа Иисуса Христа, то он не был бы здесь, но по Ее молитвам и он введен сюда. Вам теперь долго здесь быть нельзя, Вас там ожидают, а в 1892 году, тогда Вы уже к нам придете, все увидите и узнаете, кого Господь любит и Всесвятая Владычица. Здесь всегда пребывает Господь Бог и Всесвятая Владычица, и святая обитель Ее здесь, и святых многих обители здесь, и сонм Ангелов здесь».

Я опять прошу дать отцу Антонию для утешения один цветочек. «Нет, он у него долго не будет. Он забудет о нем, и он увянет, от этого ему никакой пользы не может быть, лучше пусть он старается и поспешит скорее к нам сюда перейти, тогда он, благодатию Божиею, все увидит и утешение получит от Бога и Богородицы и привет от всех святых.

Вы желаете знать, как относится к нам Господь. Это, батюшка, невозможно передать никаким языком, даже изнеможет всякий ум человеческий — видя дела Владыки нашего Господа, Его силу, величие, власть и снисхождение к роду человеческому; милостивно терпит, благодетельствует, хранит, покрывает, руководит ко благу и никого не оставляет безпомощным и погибающим или отрицающимся Его. Ко всем снисходит, все терпит и во многом являет милость Свою, чтобы помнили Его, что Он Бог. Блажен тот, кто разумеет пути Господни, и повинуется совету Вышнего, и в любви к Господу Богу приобщается, и всецело сохраняет Его в самом себе. А Вам теперь долго здесь быть нельзя, уже шесть часов утра, и к Вам в дверь стучат и молитву творят. Я знаю, что все наши святые отцы и сестры желали бы Вас видеть здесь, но у Вас там еще много дела, и Вам надо, по воле Божией, там дело совершить, и всем, имеющим в Вас нужду, послужить ко благу их. Нужно мне много Вам передать для пользы живущих с Вами братий, но Господь следит, что теперь мало времени, чтобы я мог все передать Вам для пользы братий, к их духовному возрастанию, укреплению и преуспеянию. Вы к нам, благодатию и милостию Божиею, приидете к обеду и вечери в 1892 году, тогда все мы здесь будем, и еще веселее и радостнее для всех нас будет о Господе. Прощайте, идите домой, а то стучат к Вам в дверь».

И действительно, я возвратился к себе, слышу большой стук и шорох у дверей

моих. Я пробыл в странствии с одиннадцати часов ночи до половины седьмого утра. И с тех пор, как взгляну на ворота и за ворота, всегда вспоминаю это видение и всех братий, виденных мною. Все, что возможно было для пользы братии поместить и написать, я поместил и написал, а что не нужно и безполезно — оставил.

Пространство виденной мною обители очень велико. Там построены большие здания по правой и по левой стороне — там обитают святые. Обитель Всесвятыя Владычицы стоит отдельно от обителей святых, она очень красива — красивее всех и больше всех, она ярко освещена каким-то особенным светом, который сияет, но не тяготит, а освежает, оживляет. Свет этот не от солнца, а от славы Его неисповедимого Божества. Этот свет дух живит, сердце умиротворяет, ум озаряет, уясняет, и невидимое явно видимым делает, и непонятное уясняет. Везде тишина, мир, любовь царствует; ветра нет, бури нет, вихря нет, зноя палящего нет, мороза и холода нет. Воздух тонкий, животворный, легкий, чистый и светлый. Все там: дыхание, и тварь, и деревья, и цветы — хвалят, славословят, благодарят Господа Бога, во Святой Троице поклоняемого и славимого от всех. Аминь. Аминь. Аминь.

Написано это по милосердию Божию и милостию Всесвятой Владычицы Госпожи Богородицы, всех святых во славу Божию, Божией Матери и всех святых 1891 года, февраля 11-го дня.

ВИДЕНИЯ ВАЛААМСКОГО СТАРЦА

Эти видения неизвестного старца были записаны в Валаамском монастыре. Записи сделал один из иноков обители, а из его тетради видения были переписаны иеромонахом Иоилем (1873—1937). Тетради (дневники) с записями видений сохранялись после кончины отца Иоиля в монастырском архиве и были вывезены вместе с монастырским архивом в Финляндию, где их и обнаружил и впервые опубликовал иеродиакон Онуфрий (Махов). Тетради иеромонаха Иоиля и сейчас находятся в архиве Валаамского монастыря.

На обложке первого дневника рукой Валаамского монаха Иувиана выведено «Келейныя записи иеромонаха Валаамского монастыря отца Иоиля». Записи видений предварены такими словами: «Сии видения были за семь дней до объявления войны Японии — России 1904 г.ода Записаны впервые со слов N. 2 января 1905, а из его тетради переписано иеромонахом Иолем 30 января 1917 года».

Видение о Царях и молитвенниках Русской земли

В одну ночь во сне приходит ко мне светлый юноша и говорит:

— Пойдем со мною и ты увидишь то, что никто на земле не разумеет.

Увидев сего чудного юношу, я начал креститься, он сказал:

— Ты добре твориши крестящеся, призывая Имя Господне, но я этого не боюсь, а, напротив, люблю его, так Богу угодно. Иди со мной.

После этого мы пришли на некую гору, с которой видны были все земли и страны, все города и селения, и каждая из стран имела свой цвет воздуха. Русская земля имела цвет воздуха белый чуть желтого цвета весьма красивый. Другие страны имели чистый белый, тоже христианские, но инославныя исповедания. Были страны бело-синяго цвета и темного, как ночь.

Тогда я спросил юношу, что это значит:

— Это вероисповедание всех народов. Так говорит Господь: «Русская земля и вся ея грады и страны, это Новый Иерусалим, второй Израиль». В древние времена в ниспосланные ей Господом испытания, умытая христианскою кровию, она в скорби благословляла Имя Господне, а за сие Господь наградил страну сию видишь какими дарами.

В это время, когда он говорил, я увидел воздух, отделяющийся от земли и собирающийся в чудные и красивые облака. Я весьма дивился и спросил юношу:

— Никогда я не видел таких облаков.

— Не простые это облака, — говорит юноша, — но дар земле от Господа Бога. Так как люди погнаша Господа Бога, за это

отъемлются прочь эти чудные облака, — это не простые облака, но дар Божий.

После этого я увидел города, превратившиеся в черные, но не все, были и такие, которые оставались светлыми, как были.

Затем юноша обратился в другую сторону и говорит:

— Спит русская земля и народы, думающие, что все благополучно на земле, так говорит Господь: «За то, что они погнали Меня из домов Моих и из градов, за сие наведу на них бедствия таковые, что ниже кто разумеет от людей сих. Отцы и матери умоются кровью детей своих и дети отцовскою».

Эти грозные слова устрашили меня. Потом юноша обратился в другую сторону, и я увидел идущего вдали громадного зверя, и за ним темная туча и пошла на русскую землю. Увидев все это, мне стало страшно, и я отступил на шаг назад.

Но юноша говорит:

— Куда пойдешь, некуда от этого скрыться, но знай, что это тебя не касается.

Тогда я почувствовал в себе некую силу и стал смотреть на все. Я спросил:

— Что это значит?

— Первое — зверь: — это война, — сказал юноша, — а второе — туча: — это наказание, о котором было сказано.

Та сторона, откуда шла темная туча, осветилась белым светом.

Я спросил:

— Что это?

— В этой стране будет христианство, —

сказал юноша, — оно не дойдет так, как в русской земле, до самого белого света дойдет.

После этого мы повернулись направо в противоположную сторону.

Тут я увидел некую гору: на уклоне стоит множество светлых мужей в архиерейских облачениях, а около них множество других людей благообразных и красивых, все они стояли обращенные лицом в гору.

Видя это, я очень удивился, что от людей такой свет исходит, как солнце, и спросил:

— Кто эти люди?

— Это те святые, — говорит тогда юноша, — которых славит Православная Церковь. В архиерейских облачениях, это те святые архиереи, которых славит Святая Православная Церковь.

Между святителями идет дорога в гору, и на этой дороге два святителя, один на самом верху горы, в белом облачении коленопреклоненный на молитве, с воздетыми кверху руками, другой стоит внизу собора мужей, на той же дороге.

Тогда я спросил юношу:

— Кто тот архиерей, который стоит на горе коленопреклоненный.

— Это — Патриарх Филарет, от которого произошли цари русские. Он молится пред Господом о них. Хотя Церковь Православная его и не прославляет, как других святителей прославила, но он причислен у Господа Бога к великим архиереям за то, что в дни скорби своей не прельстился ничтож-

нею лестью и не помрачил архиерейского сана. И дал ему Господь таковые дары: молиться о своих потомках.

Потом взглянул я на нижестоящего архиерея. Он высокого роста, волосы с сединою, борода длинная негустая, черная, украшенная сединами. Облачение светло-голубоватого цвета, украшенное золотистыми лозами. На главе митры нет, но только венец с сиянием вокруг. В руке у него жезл, на который он опершись, глядит через жезл.

— И сей архиерей, — говорит юноша, — не прославляется Православною Церковью, но скоро будет прославляться.

Я спросил:

— Кто этот святитель?

— Это — Патриарх Ермоген. Велика его заслуга пред лицом русской земли. Так говорит ему Господь: «Сей упасе мое стадо, еже даде ему и не устрашился насильственной смерти, попираючи жезлом своим враги своя, до последнего своего издыхания». А что у него митры нет — это знак насильственной смерти, и будет во обличение им в день суда.

Потом после этого, от сонма архиереев отделились три архиерея и пошли навстречу зверю. Два шли рядом, а третий выше их, один. В руках их жезлы, наподобие огненных. Когда встретились с зверем, один из них говорит: «Куда идет древнее запустение? Какую добычу хочет? Золота или каких других сокровищ? Если ныне прислушаеши нас, веждь лют биен будеши. В силе мы умолить

Господа Бога, о пощаде братиям своим!» Но зверь ничего не отвечал и прямо идет на них. Тогда два святителя, которые стояли рядом, изобразили крест своими жезлами, опустив их вниз, а третий святитель, стоявший выше сих святителей, поднял свой жезл вперед. Зверь не остановился оттого, но распался, превратившись в страшную тучу, от темноты которой покрылся свет святителей. Я спросил юношу:

— Кто эти архиереи?

— Святые святители Московские — Петр, Алексий и Филипп. Они имеют дар от Господа защищать русскую землю.

— Но почему, — спросил я, — они не могли остановить этого зверя?

— Хотя велики сии святители, но они исполняют только то, что им дано от Господа Бога, пределы Господни никто не может нарушить. Есть определение Господнее: наказать русскую землю. Видишь, кто может бороться с этим зверем, какие орудия, какая мудрость человеческая может ему помешать. Видишь, какой свет святителей — и тот закрылся от этой тьмы.

Еще нижестоявшего собора святителей я увидел множество народа, как на некоем поле, а впереди их стоят три мужа в царских одеяниях, и вот мы подошли близко к ним.

Один из них спрашивает меня:

— Видел ли ты меня когда?

— Нет, — сказал я ему.

Потом я спросил юношу:

— Кто сей будет?

— Это именуемый царь-освободитель, император Александр II, царь-мученик. Когда он предстал Господу Богу, Господь сказал ему: «Никто любви больше не имать, как тот, кто положит душу свою за други своя». А он это соблюл и за сие даде ему Господь царское достоинство и царское одеяние.

На нем мантия царская, жезл золотой и корона чудная на главе его. Рядом с ним стоит другой муж и тоже в царском одеянии, его назвал благоверным князем Александром Невским. В руке у него небольшой скипетр, на который он опирается рукой. Третий стоит юноша также в царском одеянии, но у него нет короны на голове, подпоясан он был золотым поясом, на котором у него висит чудное золотое оружие, на рукоять этого оружия он опирается одной рукой. Я спросил:

— Кто этот юноша?

— Это — Димитрий царевич, который имел законное право на царский престол, но будучи юн, он никогда не помышлял быть царем, и он потерпел насильственную смерть, но Господь не лишил его царского достоинства.

Я спросил:

— А сии люди кто?

— Это те, — сказал юноша, — которые жили во времена Александра Невского, Димитрия царевича и Александра II и исполняли Законы Господни.

Они были тоже красивые, веселые и ра-

достные, но не такие, как те святые, которые все в свету. Когда я выслушал все это от юноши, то до пояса поклонился царям и прочим стоящим. Но диво! Они тоже ответили мне все поясным поклоном. Потом император Александр II говорит:

— Скажи людям моим, которые за меня молятся Богу, что вельми приятна мне их молитва, и я знаю это, что во многих семьях меня чтут как родного отца. Но видишь, я отсюда не нуждаюсь в их молитвах, любовь же их весьма любезно приемлется Господом Богом, и я молюсь о них и впредь молиться буду.

Потом повернулись мы в другую сторону, там я увидел белую стену — длинную и очень высокую. Но диво! На ней никого не было видно, а кровь льется по ней сверху донизу ручьями. Недалеко от нее стоят пять человек — четверо вместе, а пятый отдельно. Четверо стоявшие, смотря на одного человека и размахивая руками, смеются, как бы порицая его. Стоявший отдельно, протянул руку, но в этот момент появившееся в воздухе лезвие урезало ему руку, и полилась по руке и на землю кровь. Увидев это, я ужаснулся, что с одной руки и столько идет крови.

Тогда юноша сказал:

— Не удивляйся сему, непростая это рука, но царская, а кровь эта всего народа льется чрез царскую руку.

Тогда обернулся стоявший отдельно сей муж, и я узнал в нем императора Николая II. Он обратился к стоявшим четырем челове-

кам, прося о помощи у них. Но видя это они начали смеяться над ним, говоря:

— Проси помощи у Христа своего и мы посмотрим, какую Он подаст тебе помощь.

Тогда Государь Император поднял свои обагренные кровью руки кверху и произнес:

— Господи Иисусе Христе Сыне Единородный в Троице славимый, Ты дал мне царствовать и видишь, как меня за Имя Твое порицают, дай мне помощь.

В этот момент опускается белый холст и невидимо кем перевязывается его рука. И стало очень радостным лицо Государя Императора, а стоявшие четыре человека весьма устыдились. Двое из них протянули руки Государю Императору весьма ласково и дружелюбно, а двое обратились совсем в сторону и обратились к нему спиной. Но Государь не обратил на это внимания. Четыре эти человека не единичные личности, а целые страны — народы, которые именуют себя друзьями русского царя.

Потом перед Государем открылись две дороги — одна ведущая в огромный тенистый сад, а другая, освещаемая жгучим солнцем, и как бы предоставлено Ему было, по которой из них Ему идти. Когда Государь стал подходить к первой тенистой дороге, которая вела в сад, из нее вышло несколько черных людей и, поклонившись ему, стали просить, чтобы Он пошел по этой дороге. В это время стоявший со мною юноша повернулся боком, чтобы не смотреть на эту дорогу. Государь, однако, не обратил внима-

ния на кланяющихся людей и пошел по солнечной дороге. Тогда юноша повернулся лицом к Нему, и я увидел у него такое радостное и светлое лицо. Я спросил тогда:

— Что такое это значит?

— Не один я радуюсь, — ответил юноша, — но и все сонмы Ангелов небесных сорадуются сему. Предложение сие было о помрачении веры царю, но есть определение Божие, что не может быть на русском царском Престоле омраченный верою царь. Было определение Божие, что если бы омрачился верою царь, то и истреблен был бы весь царский дом. Царь не обратил даже внимания на тех, которые предлагали сие. Посему и радуются все сонмы Ангелов небесных, радуются о пути, которым он пошел, то есть солнечным. Хотя тяжел он, но он правый, и за это жизнь Его будет цела, хотя множество врагов восстанет на него. А по нем наследник

Его царствовать будет. И придет время, что люди благословлять будут этого царя.

Вправо от нас я видел чудную палатку, богато украшенную и кругом завешенную занавесом, а посреди стоит как бы колыбель, на ней сидит как бы дитя. Когда вдали стал слышен шум, как бы вопль раздирающий, и стало показываться много множества народа, который шел на эту палатку. Я спросил:

— Чья это палатка и кто сей в колыбели.

— Это Царь русской земли, — ответил мне юноша.

Я сказал:

— Неправда это, царь русской земли — муж совершен, сей же дитя.

— Потому, — ответил юноша, — что он поверил лживым людям, что у него в царстве все благополучно, он, никогда не желавший никому зла и ничего худого, поверил. Поэтому и уподоблен сему дитяти.

Потом юноша указал в ту сторону, откуда шло множество народа.

— Слышишь вопль их. Сей вопль дошел до небес.

И видел я того, кто был окровавленный в толпе, кто голодный, кто полунагой.

В этом же шатре я видел стоявших генералов, которые говорили царю о этих шумевших людях. Царь выслал одного из них к народу, но он, выйдя и услышав такой шум, не пошел навстречу народу. Тогда царь послал другого, но и этот также не пошел к народу.

После этого царь встает со своего места, надевает свою царскую мантию и корону, берет в руку царский скипетр, толкает ногой колыбель и, подойдя к завесе, берет ее обеими руками и разрывает ее, и сам выходит к этой бушующей толпе.

Увидев царя, толпа умолкла и преклонилась пред ним. И тут же по правую сторону стоит император Александр II, видя этот народ страждущий, говорит:

— Прискорбна есть душа моя до смерти! Люди мои еже даде мне Бог, я не заповедовал так царствовать потомкам моим; несть можно так царствовать и думать, что в царстве все спокойно.

Когда же вышел к народу император Николай II, тогда император Александр II говорит ему:

— Добре сотворил, что вышел. Так подобает царям царствовать, чтобы для народа открыт был доступ к царю. Велика царская почесть, но и много Господь спрашивает за это. Не только за многих, но и за одну каплю крови, пролитую невинно, должен будет отдать отчет пред Богом.

Потом обратился ко мне и сказал:

— Видишь сие? И все скажи царю и народу.

— Нет, царь, — ответил я, — кто мне поверит нищему. Теперь все люди ученые, я же нищий и живу имени ради Христова, в обители преподобных Сергия и Германа.

— Знаю, — говорит, — это все, но скажи все сие виденное.

— Нет, царь, — снова ответил я, — мне никто не поверит.

Он же повторил, все сие скажи. Я поклонился в пояс ему, и он так же ответил мне.

Видевши все это, что таковая будет скорбь русскому народу, я спросил сего юношу:

— Что нужно делать нам, чтобы Господь отвратил наказание от русского народа.

— Молись.

— Велики ли мои молитвы и что за сие может сотворить Господь?

— Но все же молись, — затем продолжал, — какие дары нужны Господу Богу, ког-

да города, и села, и дома, и горы, и моря, и все содержится в Деснице Божией. Если бы кто сказал, вот, посмотрю я здание, именуемое Церковью, а сам не пойдет в нее, какую награду он может получить? Только есть одно — обращение к Богу с искренним покаянием и с плачевною молитвою, за сие только Господь прекратит наказание. Но этого сделать им теперь невозможно, хотя бы кто и с небеси пришел и сказал — не послушают, пока не увидят Божия наказания, Божией силы.

После всего этого мне стало очень скорбно. И сказал юноша:

— Думаешь ли ты, что один ты молишься?

И указал рукою. Я увидел народ везде: в городах, в селеньях, на площадях — вышедших всех. Потом я увидел монахов и монахинь, вышедших как бы на какое поле и разделившихся на группы. Первые, к нам стоявшие, были монахи. Я видел, что эти монахи стоят и молятся, отделившись от других монахов, иные коленопреклоненно, иные ниц лежали, которые прямо стояли, воздев руки кверху, и молились.

Тогда юноша сказал:

— Видишь, какие молитвенники? Угодною молитвою молятся Господу Богу.

Еще следующие две группы монахов этого монастыря по силе молитв разделились на группы. Средняя группа хотя и молится, но неусердна была их молитва, и юноша не похвалил этой молитвы.

У третьей группы в руках были какие-то бумаги, которые они разбирали, и слышен был шум и крик. Лица у них были некрасивые.

Юноша сказал, что разбирают не нужные для них законы и думают, что много успеют.

На таковые группы были разделены монастыри мужские и женские.

В самом большом мужском монастыре я насчитал двадцать три монаха, молитву которых похвалил юноша.

В женском же, самом большом, семнадцать монахинь. В последнем, самом меньшем мужском, один монах, и в женском две монахини. В общем же по монастырям — где шестнадцать, где тринадцать, было и девять, и семь, и три.

Потом подошли мы к мирянам, и так же видел я молившихся мужского и женского пола, так тоже разделенных на группы.

Для приблизительного определения на тысячу — самое большее четверо и двое молящихся усердною молитвою.

В средней группе, мимо которой мы проходили, было много, и вид их был как вид обыкновенных людей, но какой-то испуганный.

В третьей группе были безобразные лица. В руках у них были разные бумаги, они кричали и шумели, порицая все. Кто говорит, что нет Бога, и кто что. Хотя этих было меньше, но вид их был такой страшный, что средние, хотя их и больше было, боялись их и не сообщались с ними.

Тут же видел я женщину с тремя детьми — две девочки и один мальчик. Столь чудный и красивый вид был у этой женщины, что я остановился и смотрел. Женщина стояла с воздетыми к небу руками, так же и старшая девочка, а маленькая девочка и мальчик стояли скрестивши ручки на груди.

Юноша, увидев мое удивление, говорит:

— Что дивиться сему, есть писано: «Мало чем умален человек от Ангел», в таком образе сотворен был первый человек. Сия жена сохранила все Заповеди Господни, тому же научила детей своих.

Я подумал — она жена и дети, и как она высоко почтена!

Юноша сказал тогда:

— За то, что сохранила она все Заповеди Господни, а дети у нее научены жить по Закону Господню, а что по закону, не есть грех. Видишь ли, какою молитвою они молятся.

Жена молилась так, что слезы, падающие из ее очей, оставаясь на Ее одежде и лице, придавали красоту как бы бисера. Тогда юноша говорит мне:

— Итак видишь, сколько молитвенников пред Господом Богом, молись и ты. А все виденное тобою сбудется.

И юноша стал невидим.

После этого видения, через семь дней, читали манифест объявления войны Японии с Россией.

Видение о русско-японской войне

Когда началась японская война, я усердно молился Господу Богу, чтобы Он утешил наших скорбящих воинов. В молитве я называл воинов своими братьями. И вот, в одну ночь приходит ко мне светлый юноша и говорит:

— Пойдем, и ты увидишь своих братьев.

Мы пошли и остановились на некой горе, с которой видны город и море.

Юноша говорит, указывая рукой к морю:

— Вот место, которое называется Порт-Артур.

Тут же около города площадь, и здесь я увидел свои войска солдат. Увидев, я удивился, что все они стоят не стройными рядами, а какими-то кучками, тут же между ними раненые и больные. Я спросил:

— Что же это такое значит!

— Это те воины, — сказал юноша, — о которых ты молился и думал, что они в стройных рядах, но они уже готовы к позорному плену. Ты видел, что не дает Господь Царю и русскому народу победы, которой они хотели. Победы не будет ни на море, ни на суше.

И увидел я, что на море образовался кровавый крест.

Юноша сказал:

— И на море прольется христианская кровь. Победы не будет, но будет та, которую люди не разумеют. Потому что война с человеком и с бесами.

— Значит, они пойдут в плен к язычникам? — сказал тогда я.

Увидев все это, мне стало скорбно, и я сказал:

— Увы нам грешным, прогневавшим Господа Бога, что нам, что мы носим имя христиан, а сами прогневляем своего Создателя! Но о Господи, пощади нас ради сих страждущих; Вем Господи, что ты пощадил Ниневию, — ради младенцев.

Тогда юноша говорит:

И указывая рукою, где стояли солдаты, говорит:

— Видишь, не призрак это, а воистину Ангелы Господни.

И я увидел между страждущими воинами много Ангелов в виде красивых крылатых юношей, держащих в руках ленты и накладывающих их на плечи генералам, офицерам и солдатикам. Ленты были: одни чисто белые, другие красные с золотистыми ветвями и крестами — на одних восьмиконечными — на других же подобием звезды; крест у всех приходился на груди.

Тут же я видел двух человек, которые ничем не были награждаемы, и я спросил юношу:

— Почему?

— Они на все пороптали.

Потом я спросил:

— Почему у некоторых крест на лентах звездою?

— Это те, которые не православного вероисповедания, но Господь одинаково награ-

дил и их за то, что они исполнили свой долг пред царем и верой православной.

Потом я спросил:

— Почему у одних белые ленты, а у других красно-золотистые?

— Ленты белые на тех, которые умрут теперь, в сражении, как истинные герои, а те, у которых золотистые, пойдут в плен и, возвратившись, понесут позорное поношение. Хотя и они сражались искренно и усердно, но не от них зависело, чтобы быть победе. Награда же сия дана им от Господа Бога, да когда каждый из них предстанет на суд Божий, всем открыто будет Царство небесное. Они не заслужили той скорби, которую должны нести от людей. Теперь видишь, кто каких даров сподобится на земле, кому Ангелы прислуживали, как видишь теперь.

— Ты видел, — сказал юноша, — не скорби, но молись Господу Богу.

Видение Царицы небесной в нашем храме во время всенощного бдения

Когда началась японская война и началась внутренняя смута, я положил себе за правило, каждодневно перед образом Царицы небесной класть за Государя три поклона. Так шло несколько лет. Кончились уже забастовки, и смуты вообще. Вот однажды, придя в церковь, прикладывался к образу Царицы небесной, и тут же вражеский помысел внушил мне: какая моя молитва, и что мои три поклона. И решил не класть больше их.

На другой день по случаю какого-то праздника была всенощная, на которую и я пришел. И вставши по обычаю на своем месте, молился.

И вот, во время шестопсалмия, вижу, выходит из алтаря Чудная Жена, но идет не по земле, а по воздуху. Увидев сию Чудную Жену, я сказал: «Смотрите, смотрите!». — Но видя, что никто не обращает внимания, схватил за плечо рядом стоявшего монаха и говорю: «Неужели ты не видишь?» Но при этом подумал: «Как могла появиться эта женщина, и притом она выходит из алтаря?»

Когда я взял за плечо монаха, стоящего рядом со мною, в это время меня окутал какой-то густой воздух, и я увидел эту Чудную Жену, приближающуюся ко мне. На руке у Нее было некое белое блюдо и на нем ленты разных цветов: белые, голубые и желтые — на них написаны были молитвы — ходатайства Царицы небесной пред Господом Богом.

Одна лента, голубого цвета, лежала чистой, не надписанной.

Явившаяся Жена указала перстом на ленту и сказала:

— Ты видишь? Ты говоришь — «велика ли твоя молитва», но она творилась, подвизаемая любовью за государя, и Я приносила ее как дар своему Сыну и Богу, а ты и столько не захотел молиться. Но знай, что первую молитву каждый человек должен приносить за государя императора, и особенно, кто из люб-

ви к нему молитвы приносит, любезны те молитвы Господу Богу и Мне.

Тогда я взглянул на Лик Богоматери, от воззрения на который и от слов, произносимых Ею, я почувствовал неизреченную сладость и в это время познал свое ничтожество.

После произнесенных последних слов, Она стала невидима.

Тогда я освободился от воздуха, которым был как бы связан, и вижу, что монах, которого я держал за плечо, стоит предо мною и говорит:

— Что с тобою?

— Прости, — сказал я, — я задремал.

Но он ответил:

— Нет, ты не дремал, но что-то видел.

Видение накануне московских бунтов

В одну ночь, во сне, приходит ко мне давно умершая девушка, сестра моя, и говорит:

— Пойдем со мною, тебя зовут домой.

— Зачем я пойду, я здесь навсегда остался, да и кто ты, что зовешь меня домой.

— Неужели ты меня не узнаешь?

Я вижу, но не верю; та девушка, сестра моя, уже семь лет, как умерла, а ты сейчас пришла ко мне?

Она отвечала:

— Никто из людей не умирает, но только переходят в другую жизнь. Ты ведь меня знал, я была больна тридцать семь лет, а теперь ты видишь, я какая?

Одежда была на ней белая, весьма нарядная, а лицо красивое и веселое.

— И за эти страдания, вот ты видишь, как меня Господь наградил. Иди же со мной и увидишь, как наши братья страдают, они просили, чтобы и ты пришел.

— Не могу я идти, — говорю я, — да и что я могу там сделать.

Тогда она строго на меня посмотрела и говорит:

— Так Богу угодно, иди.

После этого я как бы невольно пошел за нею. Мы пришли и остановились на некоем возвышенном месте, откуда видно было поле.

Она говорит:

— Смотри, сколько трудов положили и ничто расти не может. Видишь, сколь доброе семя посеяно, а эти, — указывая на черных птиц, — все пожирают.

Действительно, все поле было покрыто красивыми желтыми и всевозможными цветами. При нас это поле засевалось и тут же покрывалось красивыми цветами, но черные птицы налетали и пожирали все.

Потом, указывая рукой влево, она говорит:

— Смотри, откуда они прилетают.

И я увидел большое чудовище, на нескольких деревах сидящее, от этого чудовища и вылетали черные птицы. И всякий раз, как засевалось поле и вырастали цветы, птицы эти пожирали их. Тут же стояли и люди и смотрели в испуге, не зная что делать. Тогда я говорю:

— Что же тут можно сделать? Один Бог только может помочь.

В это время я увидел — появилась вверху чудная белая птица вроде орла и стала кружиться над этими полями. Черные птицы, заметивши эту птицу, как бы испугались и припали к земле, затем стали отлетать к чудовищу. Одна же из них поднялась в высоту, как бы желая сразиться с белой птицей, и поравнялась с ней. Белая птица стала быстро подниматься вверх. В это время, когда только еще появилась в воздухе белая птица, черное чудовище стало испуганно расправлять свои крылья и кости. Первая черная птица, когда отстала от белой, сделала поворот и полетела к черному чудовищу. Тогда белая птица, повернувшись, пустилась вдогонку за черной птицей, но настигая черную птицу и пролетая мимо нее, белая ударила в чудовище, сидящее на деревьях, с такой силой, что у него отлетела голова и оно с шумом рухнуло на землю. После чего от него пошел смрад и само оно потонуло в своей крови.

Тогда я спросил:

— Что все это значит?

— Отрубленная голова — означает конец кровопролитному восстанию, злосмрадный воздух — означает мор по местам — болезнь, называемая холерой, и этим кончится наказание. Видел все это, но и еще иное увидишь — лучшее.

И стала невидима.

Сонное видение накануне Первой мировой войны

Перед началом теперешней войны с немцами (1914–1918) я видел такой сон.

Я вышел будто бы в поле, которое было разделено рекой (по одной стороне ее), на другой стороне было собрано множество женщин с детьми, но мужчин не было. И таковой плач поднимали эти женщины, что жутко было слушать их. Одни поднимали руки к небу, призывая Бога, а иные так плакали. Но вот между ними, то есть между плачущими женщинами, я увидел одну ходящую женщину — и подходит она то к одной, то к другой, особенно к тем, которые призывали Бога, и каждой подает узелок.

Я удивился, кто же эта женщина, не предавшаяся горю, а услуживающая другим? Потом я пожелал увидеть лицо ее, кто она? В это время она обернулась ко мне и стало видно лицо Ее, и я узнал в ней Царицу небесную. Тогда я вспомнил, что ранее сего, на корабле, я видел Ее в неприступной славе, ныне же так смиренно ходящей и утешающей скорбящих.

Когда я увидел к скорбящим такую милость Царицы небесной, мне стало несказанно радостно, что скорбящим такую милость Царицы небесной.

На другой стороне реки так же было множество скорбящих женщин и такой же вопль, но не было утешающих. И мне пришло на мысль, что будет война.

Видение о монашеском пути

Меня смущала мысль, почему мы живем так плохо и нерадиво, столько согрешая, тогда как знаем из Слова Божия, что за грехи наказывает Господь и по смерти отсылает в ад. Усердно молился я Господу Богу, да откроет Он мне путь Свой. Молился долго и усердно около года, до сего дивного видения.

В одну ночь во сне приходит ко мне светлый юноша, показавшийся мне чудным, и говорит:

— Иди и посмотри путь монашеский.

Увидев сего чудного юношу, я сотворил Иисусову молитву и осенил себя крестным знамением.

После этого мы с ним вышли из монастыря, и вот я вижу дорогу, ведущую к востоку, в высоту, около нее большая высокая площадь и на ней собрались наша братия. Но диво — я увидел между братьями множество бесов, у одних бесов подвешены как бы лотки и на них наложены разные красоты, привлекающие монахов. Яства и пития, красивые женские лица, цветы, и все, что может быть соблазнительным для монаха.

Бесы, подходя попеременно ко всем, предлагают свои товары. У одного не примут, другой подходит со своими товарами, и так к каждому. Так и меняют свои товары, предлагая без исключения всем, находившимся на площади.

Грустно стало мне смотреть и слушать. Некоторые из братии не обращали внимания на предлагаемые бесами товары и шли в гору.

Пока я смотрел на эту площадь и гору, я видел одного монаха, далеко ушедшего по дороге, которая называется путь монашеский. Вокруг этого монаха находится сотня бесов, кричащих на него: «Куда идешь, злой чернец, все равно погибнешь, безстыдный». Но монах не обращал внимания на крики их, держа четки в руках и читая Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», не отвечая на их шум, идя дальше.

Видя, что монах идет, не останавливаясь, все вперед, один из бесов заревел таким сильным голосом и говорит:

— Что сотворим сему чернецу, возьмите и повалите дорогу, пусть упадет.

Но монах не обращал внимания, шел своим путем. Тогда бесы принялись валить эту дорогу так сильно, что гора стала шататься, но дороги потревожить не могли. Тогда бес заревел и говорит:

— Возьмем и убьем этого злого чернеца, — и так разъярились, что начали вырывать деревья с корнями и кидать на него, и накидали целые кучи, из коих образовались горы, но дороги его забросать не могли, она осталась свободная, и взад и вперед.

Монах же и на это не обращает внимания — все идет вперед, читая Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного».

Видя все это, один из бесов говорит:

— Оставим его, сего злого чернеца, пусть идет, сам погибнет, — и ушли от него.

И дивно, я видел, что дороги впереди нет, а поскольку он идет — постольку открывается перед ним дорога, и как не высоко он ушел вперед, но позади его дорога осталась и достигла земли, той площади, где стояла вся братия.

Увидевши все это, я скорбел. Тогда юноша говорит:

— Видишь, какой путь монахи избрали добровольно, почему и неспокойно, и откуда быть покою, добровольно нареклись быть воинами Христовыми, и как могут они жить спокойно. Весьма угодна Богу жизнь такого монаха, какого ты видел идущим впереди. Видишь, как нападали на него бесы и ничего не смогли. И не только сии одни, но если бы и весь ад восстал на него, ничего бы не смогли сделать ему потому, что он носит в сердце Господа Иисуса Христа и чужд всего мирского.

Потом ниже шли двое монахов, за ними трое, потом семеро, и за ними девять. К этим бесы уже прикасались, толкают их под гору — кого на шаг, кого на два, но не более четырех шагов. Столкнуть же вниз совсем с дороги под гору не могут, и тоже ругают их всячески, но они не отвечают, и все читают молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Юноша и этих похвалил так же, как и первого, шедшего впереди.

К тому бесы и прикоснуться не могли, а к этим всячески прикасались и толкали.

Еще ниже от площади идут в гору другие монахи и послушники вплотную, глядя на первых, идущих впереди монахов.

И этим бесы усиленно предлагали свои товары, но они не приемлют, но все идут в гору. Тогда бесы начинают плевать им в лицо и толкать под гору, но они карабкались снова. Были и такие, которых сталкивали до четырех раз, и вставали они, и возвращались в толпу назад, говоря:

— Не наш это путь, это путь прежних святых отцов, мы этого не можем.

Другие же идут в гору, борются с бесами, призывая на помощь, кто Господа Бога, кто Царицу небесную, кто Ангела хранителя, кто святителя Николая и других святых, и всякий своего святого. Некоторые из братии, видя первого высоко идущего монаха, стали призывать его на помощь: «Батюшка, помоги нам, и мы хотим туда идти». Монах, слыша их зов, остановился.

Тогда я спросил юношу:

— Почему я не вижу никого помогающим им, хотя они и многих призывают святых, и может ли им помочь впереди идущий монах?

— Может, но только пользы мало им от этого. Путешествующие по морю, видя маяк, благополучно совершают свой путь, а они видят идущего впереди их отца, могут свободно ему подражать, понеже нарекли они

себя воинами Христовыми, и трудиться, поэтому надо, как подобает воинам Христовым. Какой воин может получить награду не трудившись? Но если бы кто из царей наградил воина, не потрудившегося отличием, какое получается только за подвиг, то он сам устыдился бы других.

Потом я спросил:

— Опасен ли путь этих монахов, которых враги сталкивают с горы?

— И таковых монахов путь не опасен — понеже близ десница Господня, помогающая им, они борются как воины Христовы. Видел встающих и падающих, на это есть судьбы Господни, которые никому неисповедимы. Но я знаю верно, что не один из борющихся монахов не останется без наград у Господа Бога. Некоторым из них определенно бороться весь путь до смерти, или до врат Царствия небесного, что одно и то же, пока человек не узрит Бога. Одни, подвизавшиеся, приходят в тихую пристань еще здесь. Хотя бы на ногах и руках ползли они до врат Царствия небесного, как те, так и другие не будут оставлены Господом Богом.

После всего этого, я видел, что лица монахов, что идут в гору и борются, начинают быть светлыми и радостными, а борющиеся с ними демоны изнемогают и начинают отступать от них. Монахи же, которые говорили, не для нас этот путь или довольно с нас потрудились, можно пожить спокойно, и уходили назад в эту же толпу. Лица у них

делались темными, и грустно мне было смотреть на них.

Юноша сказал:

— Сомнителен их путь, понеже они нарекли себе суд, сказавши: «Не наш это путь», и говорившие «довольно потрудились — можно жить спокойно при столах и кроватях», отсюда видишь и разумей, как трудно жить.

Все сие показано было мне во сне и истинно, а не вымысел, какой-либо есть, а потому пользуйся, читатель, во имя Господне.

1909 год

Видение райских обителей

В одну ночь вижу я себя во сне вышедшим из кельи. Вдали я услышал шум и говорящих людей. Я подошел ближе, чтобы расслышать, и вижу, что по какой-то дороге идет множество людей всех сословий, которые говорят между собою, называя имена — Эдем и Иерусалим.

Я говорю себе: «Какой-нибудь богатый человек выстроил сад и назвал таким святым именем: Эдем, а люди поверили, идут туда и глумятся над священными именами».

В это время из толпы идущих выходит ко мне седовласый и весьма красивый муж, подходит ко мне и говорит:

— Пойдем и ты с нами.

— Куда я пойду с вами, — отвечаю я ему.

— Туда же, куда и все идут.

— Они, — я говорю, — слышу, идут

Эдем смотреть, но где же он на земле может ли быть? В Священном Писании это называется Царствием небесным, Раем, одно и то же. Они же глумятся над сим святым наименованием.

В это время подошел к нам светлый юноша и говорит:

— Вы что же встали и нейдете?

Тогда старец говорит ему:

— Он не верит.

Юноша отвечает мне:

— Ты должен идти с нами, и увидишь, какую чудную красоту имеет этот сад.

Я услышал, что идущие все молятся, призывая Господа Бога и святых... и я, присоединившись к ним. Я пошел с ними, а старец и юноша, подходившие ко мне, удалились в народ.

Я спросил идущих со мною:

— Кто сии старец и юноша?

Мне ответили:

— Старец этот — святой апостол Андрей Первозванный, который имеет особенную заботу о русской православной стране, а второй — Ангел Господень, который помогает всем призывающим его.

Чем дальше мы шли, тем больше видели и других святых и святителей, в полном архиерейском облачении святителя Николая Чудотворца и других святых, юношей светоносных, помогая всем призывающих их.

Все они были необыкновенно светлы, и от них шел свет.

Сначала я шел быстро, но дорога вела все выше и выше, я стал уставать и, наконец, так устал, что едва мог идти. Наконец совсем изнемог, хотел было сесть в стороне на траве и отдохнуть немного, но в этот момент подходит ко мне святой юноша и говорит: «Нельзя садиться здесь». И, указав вперед, сказал:

— Смотри, мы высоко от земли.

Сверху был как бы откос, на котором можно бы было задержаться, но юноша говорит:

— Смотри, хотя есть некая возможность задержаться, но оттуда возвращаться потребуется целые годы.

По левой же стороне не было никакого уклона, а прямо видна была великая пропасть, откуда шел черный дым. После этого я почувствовал в себе некую силу и пошел в самую кручу горы, от нее шел весьма узенький мостик через темную пропасть.

И вот, когда я прошел по мостику до половины его, снизу я услышал раздирающий душу крик.

Оглянувшись налево, я увидел людей, падающих вниз в пропасть, мне стало очень страшно.

Тогда юноша говорит:

— Спеши, тебя это не касается.

Перешли, и снова вышли на дорогу, по которой шли недолго, и поднялись на самую вершину горы. Здесь была небольшая площадь, на которой мы и встали.

Перед нами оказалась длинная и высокая стена, как бы природной горы. В этой

стене есть ворота, а у них стоит высокого роста очень красивый муж. Юноша сказал:

— Вот этот сад и есть Эдем. Проси у этого мужа благословения, чтобы он открыл тебе врата.

Тогда я подошел к сему мужу, поклонился ему и просил благословения посмотреть этот сад. Он сказал:

— Бог благословит.

И часть этих врат открылась, и я увидел там чудный свет. Когда я взошел за сии врата, я увидел иного благообразного мужа и, поклонившись ему, сказал:

— Можно ли посмотреть?

— Можно, иди, — ответил он, — по всем дорожкам сада, сколько есть.

Я пошел по первой дорожке, ведущей влево, тут увидал чудесное здание, которому нет описания образа на земле, ни в представлениях, ни в понятиях человека.

Против этого здания я увидал прекраснейший сад, в нем были всевозможные деревья и цветы чудно красивые, которым также нет образа на земле, хотя бы малой тени.

В этом саду я увидал гуляющих детей, веселых и радостных, — одни ходили по дорожкам сада, другие стояли у цветов.

Я хотел было зайти в сад, но юноша, вышедший мне навстречу, остановил меня, говоря:

— Сюда тебе взойти нельзя, потому что это удел Царицы небесной Приснодевы Ма-

рии, сюда входят только те, кои особенно усердно Ей молятся.

Я хотел просить Царицу небесную, но юноша говорит:

— Ее нет сейчас, Она ушла на помощь призывающим Ее.

Потом я спросил:

— А кто эти дети?

— Это дети тех матерей, которые особенно молятся Царице небесной при их рождении.

Потом я обратился вправо и пошел по одной из дорожек. Тут я увидел много людей, весьма красивых и радостных, в прекрасных одеяниях. От прочих людей отделилась и пошла мне навстречу девушка в белой одежде, весьма радостная и веселая, и в ней я узнал свою сестру. Увидев ее, я удивился, а она сказала мне:

— Что ты так удивляешься, смотря на меня. Ты ведь знаешь, я была больна тридцать семь лет и все терпела, вот за это-то и дана мне сия награда Господом Богом.

Я спросил:

— Есть ли еще кто из наших знакомых?

— Здесь отец и мать, а вот и дядя здесь.

И я увидел его. Одет он был в цветную одежду, очень красивую. Я стал рассматривать его одеяние.

Он спросил меня:

— Нравится ли тебе моя одежда?

Я сказал:

— А за что тебе дали такую одежду?

Он сказал:

— Когда меня водили на поклонение Господу Богу, Господь сказал: «Оденьте его в одежду эту, ибо он никому и никогда худого не пожелал».

Потом говорит мне, иди и посмотри обитель мою, в которой я живу. И тут же, недалеко от них, я увидел большое красивое здание, снаружи оно как бы походило на обычные здания, но все же будто не настоящие. А когда мы вошли внутрь его, оно было сверху освещено небесным светом, и все и всюду одинаково было видно. Мы шли подобием некоего коридора мимо многих обителей, в которых я видел множество людей, в белых одеждах веселящихся и радостных весьма. И так дошли мы до его обители.

Он спросил:

— Ну что, хороша ли моя обитель?

Я ответил:

— Хороша.

— Если пребудешь, — прибавил он, — в своем монастыре и будешь исполнять Заповеди Господни, тебе еще лучше будет.

Потом они спросили меня, как я сюда пришел?

Я сказал:

— Той же дорогой, какой и все идут, пригласили меня, и я пошел.

И опять спросили:

— А как ты прошел через черное место?

Я ответил:

— Просто по мостику перешел.

Спросил и я:

— А вы как перешли черное место?

Сестра сказала:

— Я сама перешла.

А дядя ответил:

— Меня двое Ангелов перевели через него.

Потом я спросил:

— А кто эти люди, здесь находящиеся и которых я видел?

— Это все люди, угодившие Господу Богу, здесь простые миряне, выше священники, потом монахи, там и вашего монастыря много монахов, еще выше архиереи.

Потом я спросил:

— А что вы здесь делаете?

Они сказали:

— Мы встречаем тех, кои сюда приходят, и очень радуемся сему.

Потом я увидел некую гору, и на ней расположен чудный город. Стена этого города была из золота всевозможных цветов неописанной красоты, и я пошел к сему городу ближе, чтобы посмотреть. Увидел я в нем врата наподобие арки, но дверей не было. При входе же у врат была как бы некая ступень золотая, когда я подошел к этим вратам, у меня явилось невыразимое желание посмотреть за врата. Там виден был чудный необыкновенный свет, и было слышно чудное пение. Не видя никого, что бы можно было спросить, я решился вступить на эту золотую ступень и войти во врата. Но в эту минуту передо мною предстали двое чудных юношей и возбранили меня, говоря:

— Нельзя тебе сюда идти, везде тебе

можно смотреть и быть, куда бы ты ни пошел, кроме сего.

Но в то же время видел я, что во врата сии сподобившиеся юноши проводили других людей.

Тогда я спросил:

— Почему же они идут безпрепятственно?

Юноши сказали:

— Есть писано: «Невозможно человеку видеть Бога и живу быти». А люди эти кончили свой путь жизни и больше не возвратятся. Они идут на поклонение Господу Богу. Тебе же при жизни дано посмотреть все и видеть сей чудный город, о котором сказано в Евангелии, и нет другого, нигде не существовало и не существует. Отсюда управляется весь мир во всем свете. Видел все — теперь иди в свою обитель.

Услышавши все это, я сказал:

— Господи, как здесь хорошо, и опять нужно идти.

— Иди и исполняй Заповеди Господни. Так Богу было угодно, что бы ты все видел. А теперь иди, ибо звонить скоро будут к утрени у вас, и братия пойдет на молитву, иди и ты с ними.

1913 год

Сонное видение корабля Богородицы

После сего видения спустя несколько дней, приходит ко мне юноша во сне и говорит:

— Пойдем, увидишь торжество.

— Какое теперь может быть торжество, когда люди везде плачут.

— Пойдем и увидишь, — сказал юноша.

Пришли мы на берег моря, и я увидел вдали много кораблей плавающих, украшенных флагами, каждый своей нации. Вдали между ними был виден особенно большой и красивый корабль украшенный, окруженный чудным светлым воздухом. Увидев их, и в особенности этот большой и прекрасный корабль, я сказал:

— На земле так много горя и нужды, а здесь такой богатый корабль. И не простой этот корабль, должно быть, этот корабль самого богатого человека в мире или кого-нибудь из царей.

— Нет. Никто не может ни построить, ни купить такого корабля, он принадлежит Царице небесной, Заступнице рода Христианского.

Когда это сказал юноша, я увидел, что корабль на воде, но свет славы его доходит до небес. Пока я рассматривал его, он подошел к самому берегу, где мы стояли. Я видел: с боков корабля стоят чудные белые облака — красивые разными волнами образующими, как бы столпы. Когда я взглянул на палубу этого корабля, она была белоснежная, блестящая, как бы осыпанная каким-то бисером. В корме, в полном архиерейском облачении, стоял святитель с жезлом, который он держал позади себя, опираясь на него правой рукой. Выше одной

ступени, стоят два мужа, чудно осененные красотою воздуха. Ближе к нам стоящий имел волосы длинные, белоснежные, седые, такая же — большая, длинная, белоснежная борода. Другой стоящий ниже имел и волосы, и бороду короче.

Юноша сказал:

— Видишь, какую славу имеют апостолы Христовы.

И назвал первого из них святым Иоанном Богословом, а другого — святым апостолом Петром.

Потом я посмотрел на носовую часть корабля и увидел еще двух мужей. Один был в царской мантии и короне, а другой в золотистой одежде, перепоясанный золотым поясом, на котором висело красивое оружие вроде меча и венец кругом головы его. Первого юноша назвал благоверным князем Александром Невским, а второго — Димитрием Царевичем.

В самом носу корабля были еще три мужа, но кто они, юноша не назвал.

Однако, который был ближе к нам, я узнал по иконному изображению, как бы святого великомученика и целителя Пантелеимона, и также с ковчежцем в руке.

Было все очень красиво. Другие также были юные и также весьма красивые.

Выше ступеней, где стояли апостолы, на кафедре, я увидел стоящую Жену, окруженную столь чудесным светом, что невозможно описать этого.

На руке Она держала чудное блюдо, покрытое подобием холста, концы которого ка-

саются кафедры. На этом блюде стоял Крест, который Она поддерживала двумя перстами, а около Креста на блюде — малое оружие в виде меча.

Я осмелился взглянуть в лицо этой Чудной Жены и почувствовал в себе неизреченную сладость, и вместе как бы ничтожество собственное и распадение, и подумал в себе: «Хорошо всегда быть пред Ней и всегда носить в сердце Царицу небесную».

Тогда юноша сказал:

— Не смущайся, не может человек один выпить всего океана великого воды, кольми паче, кто может постигнуть величие Приснодевы Марии, Царицы небеси и земли.

Одеяние Ее было светло-голубого цвета, вокруг лица Ее чистый, белый, необычайной красоты венец.

Юноша говорит:

— Видишь истину, а не призрак, никогда не может бес представляться в сем образе, не даде им сего Бог. Видел, какою славою украсил Ее Бог за смирение Ее, ибо Она держала на руках Своих Господа Бога и никогда не возгордилась. И таковую-то Заступницу роду Христианскому даде Бог. Она имеет такую силу, что если бы нужно было небеса преклонить к земле, и то бы Господь исполнил Ее прошение. Пусть люди не говорят, что никто не помогает им, в особенности неверующие и маловерующии.

По сторонам Царицы небесной в воздухе стояли два Ангела, над ними светлые красивые облака, которые как бы они поддер-

живают. Выше сих Ангелов, посреди облачных столбов в легком голубом воздухе, парящие Ангелы, восходящие и нисходящие лествицею до небес и в благоговейном удивлении смотрящие вниз.

Этот чудный необыкновенный корабль пошел к другим кораблям, стоящим в море. Корабль же каждой нации ожидал, к кому между ними он зайдет. Тогда корабли, украшенные русскими флагами, видя, что корабль сей направляется прямо к ним, расступились надвое, и он взошел между ними. Тогда все русские корабли окружили его и пошли в море. Остальные корабли, увидев, что этот корабль присоединился к русским, отступили и дали дорогу, когда они проходили мимо них, все преклонились пред ним.

Потом я спросил:

— Что есть сей корабль?

— Не простые сии корабли, — сказал юноша, — но церкви всех вероисповеданий. Придет время, и они увидят это величие Церкви Православной и сами преклонятся пред ней. Видишь, какие блага получают православные христиане.

— Долго ли, — спросил я, — продолжится русское православное царство?

— До скончания века, — ответил юноша. — Если они отступят от Господа Бога, то Господь Бог наведет такое наказание, что другие народы будут говорить: «Нет больше Русского Царства». А если от теперешнего вразумлятся и не помрачат веры, то Господь не оставит его в этом, но только проведет в

лучшее. И превзойдут всех народов, а дерзнувшие на них унижены будут Господом Богом.

Этим видение кончилось.

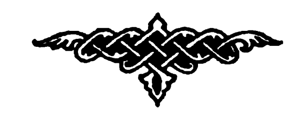
Видение перед Первым походом на Варшаву

Я стоял на некоей высокой горе, с которой я видел войну на большое расстояние и фронт сражения. На этой же горе стоят много наших братий, обращенных в сторону войны, и молятся Богу. В это же время я вижу, стоят в воздухе два светлых монаха, обращенные лицом тоже в ту сторону, где находится поле сражения, и молятся Богу. Я узнал этих молящихся монахов — это были наши отцы Сергий и Герман Валаамские. Еще выше их видел Царицу небесную, идущую по направлению к монахам, в воздухе стоящим и держащим в руках пальмовую ветвь. Подходит к ним, и одному, который был по правую сторону, подает пальмовую ветвь и говорит: «Идите, помогите им, они изнемогают, они борются за правое дело и призывают Господа Бога в помощь себе», при этом указала туда, где происходит сражение — с неприятельской стороны был виден очень сильный огонь против наших войск, а с нашей стороны был сравнительно очень слаб.

Когда эти два преподобных монаха дошли до сражения, то огонь неприятеля все меньше и меньше, наш же огонь все усиливался, и видно было, что наши погна-

ли неприятеля. Когда преподобные пошли по направлению неприятеля, я увидел Царицу небесную, удаляющуюся направо, в другую воюющую сторону, пока совсем не скрылась.

И этим видение кончилось.



ВИДЕНИЕ ПОСЛУШНИЦЫ ФЕКЛЫ

Это видение послушницы Тихвинского Введенского монастыря Феклы впервые было напечатано в начале XX века, а затем неоднократно переиздавалось Почаевским монастырем, Пантелеимоновским монастырем на Афоне, обителью Вознесения Господня.

Когда я уснула, вижу, идет ко мне моя родная сестра Пелагея, умершая тринадцать лет тому назад в чахотке, шестнадцати лет от роду, девушка. На голове у нее был венчик, платье белое; и сказала она мне с улыбкой: «Пойдем со мной». И я пошла с ней. Шли мы полем прямо и пришли к такому темному месту, что и сказать трудно, а по ту и по другую сторону рвы: в один из них иноки падали, а в другой выходили. Тут сестра моя скрылась, а ко мне явились два юноши, светлые, красивые, такие, каких у нас и нет, и сказали они мне: «Пойдем». Тут я спросила их, за что эти иноки падают в ров? Юноши ответили мне: «За свою нерадивую жизнь в монастыре; они падают и встают опять, потому что нет теперь на земле наставников и руководителей и спа-

саться будут только одними болезнями и скорбями».

Один из юношей скрылся, а другой остался со мной и сказал мне: «Бодрствуй и крестись и пойдем со мной вперед». Взял меня крепко за руку, и мы пошли. Место было темное, тесное, шел он очень скоро, так что я с трудом поспевала за ним. Вдруг явились страшилища (так она называла демонов); в руках у них была большая хартия, вся исписанная словами. Они поднесли ее к моим глазам, и я тут увидела все свои грехи, от юности записанные.

В это время опять явился другой юноша, и я увидела у него крылья и догадалась, что это был Ангел хранитель. Он строгим голосом сказал: «Не смейте сегодня устрашать эту душу, она причастница, и не показывайтесь впереди нас». Тут я увидела, что хартия сделалась совершенно чистая, грехи мои все изгладились, и страшилища скрылись.

Тогда я с первым юношей пошла вперед, Ангел же хранитель скрылся. Путь был очень тесный, так что я с большим трудом шла боком за своим путеводителем по темной лестнице, на которой страшилища, хотя и являлись, но не ловили меня. Мы с юношей подошли к большим печам, их было три; около печи были страшилища, они бегали с крюками, а в печах на решетках были точно дрова, которые горели, а страшилища вытаскивали их из печей, точно головни, и колотили их молотом. Вдруг из головни делался человек и с сильным ревом бросался

опять в печь; тут я очень устрашилась, боялась, что попаду туда же, но юноша улыбнулся и сказал мне: «Крестись и пойдем дальше». Когда мы отошли, я спросила у него, за что эти люди посажены в эти страшные печи? Юноша ответил мне: «Сюда попадают все христиане, которые только по имени были христианами, а дела творили неподобные: не почитали праздники, бранились скверными словами, пировали рано утром. Бодрствуй и крестись», — сказал мне юноша, и мы пошли дальше.

Пришли мы к очень темному месту, тут я увидела две высокие лестницы, демонов на них было очень много; по одну сторону этих лестниц была пропасть, по другую — большой чан, наполненный кипящей смолой; в этот чан бросали человека, который очень стонал, а кругом чана было много народа. Я спросила у юноши, за что же этих людей бросают в чан? Он мне ответил: «За зло и за гордость — это безкорыстный грех; а в пропасть — за клевету и осуждение».

Дальше мы пошли тем же путем и пришли к храмине, у которой не было потолка, а из этой храмины был слышен сильный крик и визг. Когда мы вошли в нее, то я увидела множество людей: одни из них были одеты очень худо, другие — совсем голые — сидели друг к другу спинами, как бы не видя друг друга. Вдруг эта храмина заколыхалась, заклокотала, и я спросила у юноши, отчего это? Юноша ответил мне: «Сейчас сюда прибыла грешная душа». А на мой вопрос, поче-

му эти люди сидят и не видят один другого, юноша ответил: «Эти люди жили на земле безпечно, не было за ними ни худого, ни хорошего, им нет теперь поминовения: потому и здесь не видят ни муки, ни отрады. Поминовением их можно было искупить, но поминать-то их некому».

Из храмины мы вышли и опять шли таким же узким путем, и я услышала еще издали шум и визг. Когда мы подошли к такой же храмине, увидели, что в ней было очень много народа: все сидели, наклонив головы на грудь. Здесь юноши оставили меня. Я испугалась, когда увидела страшилищ, которые стали меня стращать: своими длинными руками они хотели меня схватить и сбросить на весы, которые стояли посреди храмины и на которых взвешивали добрые и худые дела; я очень испугалась, затряслась. Вдруг я увидела, что явился Ангел хранитель и принес мой платочек, который я когда-то дала нищему, бросил его на весы, и платочек перетянул все мои дела. Я обрадовалась и вышла из храмины; Ангел хранитель опять скрылся: ко мне явился опять юноша; с ним пошли дальше, но он шел так быстро, что я едва успевала за ним и изнемогала от усталости. Юноша вел меня и говорил: «Крестись и бодрствуй». Я крестилась, и мне становилось легче.

Мы опять подошли к храмине, около которой был визг. В этой храмине я увидела женщину, которая сидела посреди, платье на ней было все в кровавых пятнах, на голове,

точно венец, обвилась медяница и было много разных червей; вокруг шеи тоже обвилась змея, пастью своей впивалась ей в губы, а хвостом хлопала по спине; другая большая змея обвилась вокруг ног и пастью доставала до груди и впивалась в нее; женщина манила рукой и просила помочь ей. Около нее был прикован будто баран, но с лицом человека. Мне стало здесь тошно, я стала умолять путеводителя, чтобы он не оставлял меня, и мы с ним вышли из храмины. Я спросила, за что эта женщина страдает здесь? Он ответил: «Это грешница, она на земле вся отдалась своим страстям, а получает возмездие за дела свои». Дальше мы опять подошли к храмине, очень большой и высокой; внизу этой храмины была большая пропасть с сильным пламенем. Посреди храмины был столб, обвитый змеями, на этом столбе были укреплены точно нары. Все они шатались, народу на этих нарах было очень много, все были очень страшные, а страшилища всех этих людей бросали в пропасть, сдирая с них платье, демоны же крюками из этой пропасти тащили их в нижнюю пропасть бездонную, где они и тонули. Я очень боялась, что и меня туда бросят. Здесь был такой смрад, что я задыхалась от него; змеи на меня разинули рты и хотели проглотить, а у одной змеи было три головы. Вдруг на воздухе является святая великомученица Варвара с чашей в руках; юноша здесь оставил меня одну. Она сказала мне: «Не бойся».

Тогда опять ко мне явился Ангел хранитель и сказал: «Вот что значит в понедельник пост — всем Ангелам». Я спросила: «За какие грехи страдает этот народ?» Он отвечал: «За содомские грехи».

Потом привел меня юноша к стеклянным воротам; через них я увидела огромную комнату, посреди были накрыты столы, на них кипели самовары, стояли вина, а на тарелках были мыши, лягушки и разная скверность. За этими столами сидел народ, а другие плясали в пламени, и все эти люди очень кричали, точно чего требуя, а страшилища обливали их кипятком. Юноша на мой вопрос ответил: «Они не почитали праздников, рано, во время обедни, пили, ели и пьянствовали». Недалеко от этого народа целая партия плясала в пламени: они перестанут плясать, а их заставляют снова плясать. «Это за то, — сказал юноша, — что они во время церковной службы плясали и занимались разными играми».

Около этой храмины я увидела женщину, которая ходила и щелкала зубами; во рту у нее была сулема, она старалась то выплюнуть ее, то проглотить — и не могла. Юноша сказал, что это — за сладкую пищу.

Тут опять мы пошли в храмину небольшую, там я увидела несколько человек, привязанных за середину живота и за язык к потолку, они очень стонали. Мне сделалось очень страшно, и я спросила у юноши, за что это они повешены так? Жили худо, имели плотский союз между собой.

Опять пошли тесным путем, и опять к храмине. Подошли, и когда мы вошли в нее, то я увидела, что какой-то человек стоит посреди храмины, в уши у него продеты раскаленные докрасна цепи и краями прикован к двум противоположным стенам, у другого язык вынут, и два страшилища режут его горячим тупым ножом, а у третьего из ушей пышет пламя. Я с великим страхом спросила у юноши, за что такое мучение? Он отвечал мне: «Первый разговаривал в церкви во время службы, за то у него пилят язык, а другой стоял не внимая, не слушал пения и чтения, вертел головой, и вот она прикована у него здесь цепями. У третьего пылает пламя из ушей — этот человек слушал клевету и передавал ее другим».

Из этой храмины мы пришли к ледяному колодцу, у которого сидела женщина и разливала поварешкой воду в стороны. Я спросила у юноши, что эта женщина делает. Он ответил мне: «Она при жизни своей продавала молоко и разбавляла его водой, вот за это ее теперь и заставили отделять воду от молока».

От этого колодца был темный, тесный путь, юноша шел скоро, точно летел, а меня он уже тащил за руку, потому что я не могла следовать за ним. Я сказала ему, что не могу больше идти, он же сказал мне: «Бодрствуй, крестись и иди». Я почувствовала, что мы вошли на лестницу, прошли две ступеньки и вошли на третью: вдруг к нашим ногам упал человек и свалился в пучину, которая была под лестницей. Страшилища

опять стали являться, и я очень испугалась. Когда мы прошли лестницу, я спросила у путеводителя, за что этого человека ввергли в пучину? Он ответил мне: «Этот человек прошел все мытарства, а вот этого не прошел, потому что был жесток и немилосерд».

Идя от этой лестницы, я едва опять поспевала за юношей, так как он быстро шел. Вдруг я услышала страшный шум, а впереди увидела пламя. Путеводитель мой здесь скрылся, и я очутилась около реки огненной, в которой вода сильно волновалась, но не такими волнами, которые бывают от ветра, а как-то особенно крутилась; в этой реке народу было очень много; через эту реку были перекинуты две тоненькие жердочки, и я увидела своего путеводителя на другой стороне реки.

Он сказал мне: «Переходи сюда». А я говорю ему, что боюсь упасть в реку и не могу идти. «Иди, не бойся, — говорит мне юноша, — ведь ты меня знаешь». — «Нет, я не знаю тебя, — отвечала я ему, — у нас нет таких, как ты». Он опять говорит мне: «Ты знаешь меня, от юности ты любила меня, молилась мне, и я привел тебя и устроил в обитель, а теперь ты меня забыла, вот уже два года, и не молишься мне». — «Нет, я не знаю тебя», — отвечала я ему опять. — «Я великомученик Георгий», — сказал он мне и с этими словами опять приблизился ко мне. А до него страшилища гнали меня, говоря, что никому не миновать этой реки.

Святой великомученик Георгий взял меня за руку и повел через реку, а Ангел летел. По обеим сторонам образовались две стены, так что я не видела реки и безбоязненно перешла на другую сторону со святым великомучеником Георгием, и мы пошли по берегу реки; народу было в ней множество, все они как будто старались выпрыгнуть, но снова окунались и громко кричали: «О, люто мне, люто мне».

В реке я увидела знакомого мужика из нашей деревни, который кричал мне: «Зачем ты здесь, уйди отсюда, тебе не вынести и одной искры этого пламени». В это время я почувствовала, что искра упала мне на руку (левую), и я вздрогнула. Я спросила у святого великомученика Георгия, за какие грехи здесь страдают люди? Он отвечал мне: «Здесь будут все самоубийцы и христиане, которые только назывались христианами, но дела делали не христианские, все те люди будут ниже неверных в этой реке, и освободить душу из этой реки очень трудно, надо много молитв и труда для этого освобождения».

Мы все шли берегом, народу в реке было все меньше и меньше; наконец, подошли мы к широкому мосту, перешли его. Вдруг я увидела глубокий снег, был сильный ветер и вьюга, так что я шла с большим трудом, едва вытаскивая ноги; было ужасно холодно, я чувствовала, что все мои члены начинают стынуть от холода. Тогда святой великомученик Георгий сказал мне: «Бодрствуй и кре-

стись». Подошли мы к большому полю, оно было покрыто льдом, лед был очень толстый и опять была сильная вьюга, святой Георгий скрылся от меня. И тут узнала я иноков (по одежде); сидят они, волосы у них распущены, все трясутся от холода и сильно щелкают зубами; мне стало их жаль, и думаю я, за что же эти иноки попали сюда? И, не видя святого Георгия, я и за себя испугалась, думала, что и мне здесь придется остаться. Но вот я почувствовала, что меня как будто теплом обдало, и вдруг я увидела около себя святого Георгия, который сказал мне: «Эти иноки жили в обители и, нося ризу Царицы небесной, жили безпечно, нерадиво несли послушание и роптали на трапезу. Там, на земле, они много колотили языками, а здесь Господь их заставил колотить зубами, но по молитвам Царицы небесной они избавлены от вечного пламени».

От этого поля мы пошли дальше; я чувствовала, что становится все теплее и теплее, необыкновенный свет разливался по тому месту, по которому мы шли; вдруг я увидела огромное поле, покрытое травой и цветами; посреди протекала небольшая речка. Святой Георгий сказал: «Это обетованная земля, и кроткие наследуют ее».

Мне стало так радостно и весело, что я стала улыбаться, и чем дальше мы шли, тем больше становилась трава и цветы красивее; свет становился такой, как бы светило не одно солнце. Среди этого поля стоял огромный храм, а близ него проходной коридор,

где висело много черных мантий, в которых хоронят, их заменяют белыми. А кто недостоин, те будут черные, как головешки, и я видела несколько таких, но не узнала; им нет ни мучения, ни огня; они недостойны, чтобы им развязали руки.

Мы взошли на паперть, и я услышала пение, да такое чудное, что нет слов передать его. Пели: «Свят, Свят, Свят» и «Воскресение Христово видевше». Внутри храма была такая красота, что и передать невозможно: двери, которые вели в храм, были точно из бисера и сияли разными огнями. В храме было очень много колонн, около них стояли монахини; по обширности храма их казалось мало. Я узнала некоторых живых еще наших монахинь и послушниц, но святой Георгий сказал мне: «Обратишься назад в житейское море, не говори никому про живых, кого здесь видела, чтобы они, узнав про себя, не возгордились. Что не запрещаю, то все можешь сказать».

В храме так было чудно хорошо, что я невольно воскликнула: «Господи, Ты...» Посреди храма была огромная гора, точно хрустальная, переливалась она разными радугами, я хотела взглянуть наверх, но там было так светло, что меня сразу ослепило, и я скорей опустила голову. Святой Георгий сказал мне: «Храм этот приготовлен для последних иноков, но мало их будет: нет теперь на земле наставников и руководителей, и немногие могут спастись, но зато какое блаженство Господь уготовил им!» Удивля-

ясь всей этой красоте, я только и могла говорить: «Господи, Господи...»

Вдруг святой Георгий сказал: «Смотри, смотри, вот Царица небесная спускается сюда». Я взглянула и увидела Величественную Жену, красоты неизреченной, в короне и в порфире. Она спускалась по воздуху, улыбалась и близко подлетела ко мне, так что я хотела обеими руками схватить Ее, и я воскликнула: «Царица Ты небесная». Она улыбнулась, перекрестила меня три раза и тихо сказала: «Святой Георгий, возврати эту душу обратно».

Святой Георгий сказал мне: «Молись Ей, молись всегда. Она Заступница всех христиан, день и ночь Она молится перед Сыном и Богом, а особенно молится за иноков, чтобы они не посрамили ризы Ее, которую носят». Тут я увидела, что все попарно идут прикладываться, и я со святым Георгием прикладывалась. На аналое лежало Евангелие и икона Знамения Божией Матери.

Когда мы вышли из храма, то пошли в храм рядом с этим, но гораздо меньше. Посреди храма — три стола, вокруг этих столов стояли прекрасные юноши, сидели отроки и плели венки из разных цветов, которые были насыпаны на всех столах в великом множестве; юноши эти учили отроков плести венки: все они вместе очень хорошо пели «Аллилуиа».

Среди этих отроков я увидела своего племянника, который умер в этом году: он, увидя меня, улыбнулся, но не подошел ко

мне, и мне сделалось очень обидно, что он не заговорил со мной. Здесь я долго стояла, и мне не хотелось уходить, но святой Георгий взял меня за руку, и мы пошли из храма. На мой вопрос, для кого плетут эти венки, святой Георгий ответил: «Для праведных».

Недалеко от этого храма я увидела три обители; святой Георгий сказал мне: «Это обитель Введенских Игумений». Когда мы подошли к ним, то из одной обители вышла (недавно умершая) наша игуменья Рафаила, она обратилась ко мне и сказала: «Ты, Феклушка, здесь уже? Да я тебя еще не возьму, тебе надо еще потрудиться в своей обители». Еще спросила у меня, как поживаем, и когда я стала ей рассказывать, то она сказала мне: «Я знаю, все знаю. Помоги, Господи, матушке Аполлинарии, я за нее и за всех сестер молюсь».

Когда матушка отошла от меня, я пошла к красивому домику; у дверей домика я увидела свою старицу монахиню Людмилу, она отворила дверь и радостно сказала: «А, и ты пришла сюда, да тебе еще рано, я еще не возьму тебя». Она ввела меня в келию, где было множество икон; здесь было у нее очень хорошо. Потом она села к столу и что-то писала. Вдруг послышался звон и старица сказала: «Теперь иди домой, а мне надо идти к обедне».

Когда я вышла от нее, то встретила матушку Поликсению; она очень обрадовалась, когда увидела меня, и сказала: «Ах, Феклуш-

ка, ты уже здесь? Но ведь еще рано тебе». Крепко меня обняла и показала свою келию: это был красивый одноэтажный домик. Она сказала: «Я все знаю, молюсь за своих келейных и жалею их».

Когда она отошла, я встретила первую мою старицу (старшую при молочной на скотном дворе). Она тоже очень обрадовалась, крепко меня обняла, говоря: «И ты, Феклушка, пришла к нам?» Я спросила у нее: «Матушка, ведь вы — умершая, хорошо ли вам здесь?» — «Было раньше не особенно хорошо, — отвечала она, — сама знаешь, с народом жила, много греха было; но сестры в шесть недель умолили за меня, теперь мне хорошо».

Она отошла от меня, я осталась стоять среди поля, тут явился святой Георгий, и мы пошли дальше. Поле становилось все красивее, вдали виднелись ворота; вдруг я увидела, что посреди поля идут монашествующие, все больше полками, в белых, светлых и парчовых мантиях, в золотых и серебряных венцах.

Много шло святителей в золотых одеждах, в венцах и с крестами; в пятом полку узнала своего священника, очень хорошей жизни.

Впереди монахинь шли игуменьи с посохами; много узнала своих умерших сестер, некоторые рясофорные были в мантиях белых с золотыми венцами, а другие в белых с серебряными венцами, у некоторых были букеты из чудных цветов. Все знакомые мо-

нахини кланялись мне и улыбались, а одна послушница сказала: «Феклушка, и ты пришла к нам! Да не совсем — вернешься обратно».

Во главе священства шел святитель в митре, весь в золоте и с крестом в руке. В пятом полку узнала трех иеромонахов большого Тихвинского монастыря, в том числе и отца Клавдиана, с крестами в руках. Все они были веселы и все как будто в одних годах, лет тридцати; а мирские шли по краям с двух сторон, их было так много, как бы в воздухе комаров; все они проходили в ворота.

Вдруг явился около меня седой старичок в блестящей одежде и в крестах, я узнала в нем святителя Николая: «Пойдем, теперь надо возвратиться обратно». И мы с ним пошли. Тут я никого не видела; пришли мы на другое поле, которое похоже на нашу сенокосную полянку, только течение реки как будто другое, с восточной стороны; на этом поле я увидела своих монахинь и послушниц, которые косили траву, а некоторые гребли сено, и светло было у них; они пели очень хороший псалом: «Пресветлый Ангел мой Господень».

Вдруг в воздухе точно блеснуло что-то и я увидела небольшой венчик над тем местом, где работали наши: он золотой и все делался больше и больше; то он поднимался, то опять опускался; а с восточной стороны идет точно игуменья с посохом в руках, а сама все крестит всех, но я не узнала, которая игуменья.

Тут я оглянулась и посмотрела за реку, там было очень темно. На самом берегу стояли наши, живущие в монастыре; волосы у них были распущены, им, по-видимому, хотелось перейти на эту сторону, но только они подойдут ближе, берег реки начинает обваливаться, и они вместо того, чтобы приближаться, все отдалялись; мне стало их очень жаль. Вдруг, в это время явился ко мне в облачении с крестом отец Клавдиан. Он сказал мне: «Не говори никому, кого ты видела за рекой, они, быть может, милосердием Божиим и покаются».

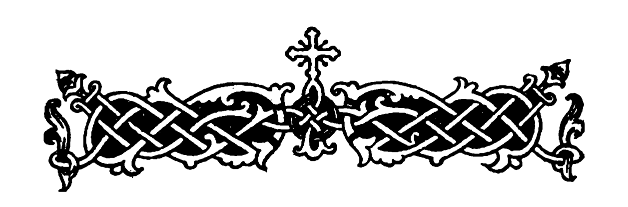
После этих слов я опять увидела около себя святителя Николая, он сказал мне: «Теперь пойдем, я провожу тебя». И точно, мы пришли в келию, и он скрылся.

Вдруг открывается дверь в келию и входит умершая наша матушка игуменья Рафаила — в парчовой блестящей мантии и в венце на голове. За ней входит другая монахиня — высокая, черная, а одежда на ней еще светлее, на голове корона; она стояла позади матушки игуменьи и улыбалась, а матушка подошла ко мне и сказала: «Вот ты теперь больна, пособоруйся и поправишься». Тут матушка три раза перекрестила меня. Я спросила: «Матушка, кто это с вами?» Матушка ответила мне: «Это наша благоверная царица, схимонахиня Дарья». Она стоит и улыбается, издали перекрестила меня, и они обе скрылись.

После этого я проснулась, окинула взглядом всю келию, и какая грязная и мрачная

показалась она мне после того, что я видела. Сначала никого не узнала, кто был около меня, такие они мне показались дурные, черные, после тех, каких я видела в поле и которые шли полками.

Немного погодя я совершенно пришла в себя, узнала всех, и первое слово мое было к ним: «Девушки, не делайте никому зла. Что будет вам на том свете за зло, страшно и подумать».



ВИДЕНИЯ ИГУМЕНЬИ ТАИСИИ

Игуменья Таисия (в миру — Мария Васильевна Солопова) родилась в Санкт-Петербурге в 1842 году. Мария получила блестящее образование, окончив в 1860 году курс обучения в Павловском институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. В годы учебы произошло событие, которое изменило всю жизнь Марии Солоповой. В чудесном сне отроковица увидела Христа Спасителя с сонмом святых, который благословил ее, коснувшись десницей главы. Это видение она восприняла как призвание к служению Господу и благословение на монашеский путь, который и начался в 1861 году. Через двадцать лет матушка Таисия стала настоятельницей Леушинской общины. Ее трудами Леушинский монастырь достиг необычайного духовного расцвета. Игуменья Таисия преставилась 2 (15 н. ст.) января 1915 г. В советское время Леушино попало в зону затопления Рыбинского водохранилища. Могила игуменьи Таисии, пользовавшаяся народным почитанием и посещавшаяся многими паломниками, ныне пребывает под водами рукотворного моря.

Видение в Павловском институте благородных девиц

По существовавшему в Павловском институте правилу, все воспитанницы обязательно говели в течение Великого поста на

первой, четвертой и седьмой неделях. Но так как в этот год, как я упоминала, почти половина воспитанниц были больны корью, продолжавшейся всю весну, то нам и не пришлось говеть Великим постом, а вместо того все мы, по распоряжению начальства, исполнили этот долг Успенским постом, в конце каникул, продолжавшихся всегда до 16 августа. Вместе со всеми говела и я и 15 августа причастилась Святых Таин. После причащения, в ночь на 16 августа, я видела чудное видение, положившее решительный и окончательный переворот на всю мою жизнь, или, иначе сказать, составившее и указавшее мне мое призвание.

Виделось мне, что я стою в поле, покрытом зеленой травой, стою на коленях и молюсь Богу. Передо мной, то есть с той стороны, куда я была обращена лицом, поле окаймлялось лесом, а позади, не более саженей пяти от меня, протекала длинная речка, на противоположном берегу которой был расположен большой, шумный город, который я принимала за Петербург, так как никакого другого города в то время еще не видела. Оттуда доносился до меня шум, и стук, и крик, и говор. И как я была довольна, что ушла оттуда на этот берег, в это тихое, уединенное поле! Вдруг я стала подыматься от земли, нимало не изменяя своего положения, то есть колени мои не разгибались, ноги не опускались, хотя и теряли под собой опору, то есть землю, я летела все выше и выше, хотя и не безостановочно, ибо среди

полета кверху иногда и спускалась немного, но потом снова поднималась и, наконец, высоко-высоко поднявшись, остановилась. Тут я увидела себя в каком-то ином мире, как мне думалось — на небе, неизъяснимо сладкое чувство наполнило мою душу — там было так светло, чудно хорошо, что я не берусь и не в силах описать.

Почти совсем передо мной я видела бесчисленное множество людей, стоявших длинными рядами, в несколько рядов, так что и конца не было этим рядам; все они были по форме своих тел одинаковы, только не таковы были эти тела, как наши земные, грубые, а тонкие, прозрачные, как бы из облака вылитые, и настолько прозрачны, что сквозь каждого можно было видеть стоявшего позади него, и так до конца этих безчисленных рядов; только цвет или оттенок этих сквозных тел был не одинаков, подобно тому, как и облака бывают на небе не одинакового цвета: иные желтоватее, иные краснее, голубее, белее, серее и так далее, только все сквозны, легки и прозрачны. Поднявшись неведомой мне силой, я остановилась прямо против первого ряда с правого его конца, в том же своем молитвенном положении на коленях, и во все время видения не шевельнулась с места, но и с этого видела многое, многое.

Видя эти чудные тела, я подумала о себе: не такова ли стала и я. Но нет, взглянув на себя, я увидела, что ничуть не изменила не только вида, но даже и положения, что все

в том же своем институтском платье продолжаю стоять на коленях в воздушном пространстве. В момент, когда я взглянула на себя, я невольно взглянула вниз и там увидела землю далеко-далеко внизу; она казалась мне какой-то весьма малой выпуклостью, черневшейся в пустом пространстве; оттуда донеслись до моего слуха какие-то неопределенные звуки смешанных рыданий, крика, смеха и тому подобные, и хотя это длилось не более секунды, пока я лишь взглянула на себя, но мне стало жутко воспоминание о земле, и я поспешила к чудному небесному зрелищу. Что касается виденных мной святых, то относительно того (как меня однажды спросили), в одежде ли они были или без нее, я определить не берусь. Тогда мне и на мысль не пришло этого вопроса, теперь я не помню, скажу только, что если и в одежде, то, значит, и одежда была сквозная, потому что я хорошо видела самые задние ряды сквозь передние, и там все было сквозно, прозрачно, светло, ни малейшей дебелости, вещественности.

Все эти святые стояли, как бы в два лика, то есть их длинные ряды, тянувшиеся в безконечную даль, как мне казалось, делились на два лика, так что между этими двумя ликами образовывалось пустое светлое пространство, наподобие какого-то коридора. Я, как упоминала, была поставлена против самого первого ряда левого лика с правой его руки, где начинался этот первый ряд, так что очень ясно было видно и другой правый

от меня лик, и пустое это между ними пространство.

Все они пели, то попеременно, то все вместе, и когда они начинали петь, то изо рта каждого из них выдыхалась как бы струя какого-то аромата, наподобие того, как выходит фимиам из кадильницы, но эта струя не останавливалась и не разливалась тут же, а поднималась выше, так что лишь в воздухе клубился и разливался этот аромат и своей густотой не застилал святых. Что именно они пели, я не знаю, только так хорошо, что я не могу и высказать.

Стоя у самого начала этих двух ликов и образуемого между ними пространства пустого, я безпрепятственно смотрела вдаль, где мне казалось все светлее и светлее (не знаю, так ли это было в действительности, или мне только казалось), я думала, что, вероятно, там самый Престол Бога, Источника Света, и что Он там и находится. В эту минуту, как только я это помыслила, вижу, что ко мне приближается один из святых и отвечает прямо на мою мысль: «Ты хочешь видеть Господа? Для этого не требуется идти никуда — ни в то дальнее пространство, Господь здесь везде, Он всегда с нами, и подле тебя!» Пока он говорил мне это, я подумала: «Кто это такой и почему и как узнал он мои мысли, не вполне ясные и для меня самой?» И это не укрылось от него, окончив свою речь о присутствии Бога, он продолжал, как бы в ответ на мою последнюю мысль: «Я — Евангелист Матфей!» Не успел он

окончить эти слова, как я увидела подле себя по правую сторону обращенного ко мне лицом Спасителя нашего Иисуса Христа. Страшно мне начать изображать подобие Его Божественного вида, знаю, что ничто, никакое слово, не может выразить сего, и боюсь, чтобы немощное слово не умалило Великого. Не только описать, но вспомнить не могу без особенного чувства умиления, трепета, этого Божественного, Величественного вида Сладчайшего Господа. Десятки лет миновали со дня видения, но оно живо и неизгладимо хранится в душе моей! Величественно чудно стоял Он предо мной. Весь стан Его или, иначе сказать, все тело было как бы из солнца или, сказать наоборот, само солнце в форме человеческого тела; сзади, через левое плечо, перекидывалась пурпуровая мантия, или пелена, наподобие того, как изображается на иконах, только мантия эта не была вещественная, из какой-либо ткани (там не было ничего вещественного), как бы из пурпуровой, огненной зари наподобие того, как мы видим иногда вечернюю огненную зарю на горизонте. Спускаясь спереди через левое плечо, она покрывала собой левую половину груди, весь стан и, наискось спускаясь по ножкам, покрывала их немного ниже колен и взвивалась по правую сторону, как бы колеблемая воздухом в воздушном пространстве, среди коего и стоял Господь. Правая рука, как и правая сторона груди, были не покрыты мантией и оставались, как и ножки, солнцеобразными; стопы, совер-

шенно как человеческие, носили следы язв, ясно видимых посреди солнцеобразной стопы; рука правая была опущена, и на ней виднелась такая же язва, левая рука была поднята, и, как мне помнится, Он ею опирался или держал большой деревянный крест, который единственный был из земного вещества, то есть из дерева. Глава Его, то есть лик, окаймлялся волосами, спускавшимися на плечи, но то были как бы лучи или нечто подобное, устремленное книзу и колеблемое тихим, легким веянием воздуха; черты Его лика я не разглядела, а возможно ли было это при таком сильном ослепительном сиянии? Помню только очи Его, чудно-голубые, точно в них-то и отражалось все небо голубое, они так милостиво, такой любовью устремлены были на меня! Увидев, приблизительно в таком образе, Господа, я вся как-то исчезла в избытке сладостного восторга и благоговения, о каком-либо чувстве страха и речи быть не могло, любовь, безконечная святая любовь объяла все мое существо. Не знаю, долго ли я наслаждалась этим пресладким лицезрением Господа, но, наконец, бросилась Ему в ноги и простерла руки, чтобы обнять их и облобызать Его стопы. Сделала я это как бы вне себя, от избытка охватившего меня чувства. Но Он не допустил меня прикоснуться к Его стопам, Он простер Свою десницу, бывшую опущенной, и, дотронувшись до темени моей головы, сказал: «Еще не время». От этого чудного прикосновения, от этого пресладкого гласа я со-

вершенно исчезла, и, если бы в ту же минуту не пробудилась, думаю, — душа моя не осталась бы во мне. Я пробудилась, но я не сознавала вполне, что со мной, следы всего виденного и слышанного были еще так живы, голова еще как бы продолжала ощущать Божественное прикосновение и пресладкие слова все еще слышались мне. Вся подушка, на которой я лежала, и вся грудь моя были смочены слезами, которые я проливала, вероятно во время видения, во сне. Я села на своей койке и мало-помалу начала сознавать, что была не в здешнем мире и вот вернулась опять, проснувшись. О, как не хотелось мне сознавать эту действительность, то есть что я проснулась снова для обыденной земной жизни. Не выпуская ни на мгновение из памяти виденного, я даже силилась снова заснуть, воображая, что этим продолжу видение, но все напрасно, и, наконец, осознала, что видение кончено, и, как сказано мне, теперь «еще не время» переселиться в ту блаженную страну. Я раскрыла глаза, полные слез — как мрачно показалось мне все, как грустно, но я утешалась хотя тем, что все воспитанницы спали, кругом полная тишина, и я могу дать себе свободу и плакать и молиться — никто не видел меня.

Долго, долго я всецело отдавалась своим воспоминаниям и размышлениям, с благоговением я дотрагивалась до темени головы моей, и оно казалось мне священным, с радостью вспоминала я слова Спасителя «еще не время», толкуя их себе так, что, значит,

будет же время, когда я снова узрю Его, и уже не возбранит Он мне припасть к Его Божественным стопам и облобызать их. Наконец, боясь быть замеченной, я потихоньку встала, оделась, умылась и, выйдя осторожно из дортуара, направилась к дверям церкви (на паперть), которые были двойные; первые — глухие деревянные, и они никогда не запирались на замок, а вторые — со стеклами, всегда бывшие запертыми. Пространство между обеими этими дверями было довольно широкое, на этот раз оно оказалось мне спасительным убежищем, я знала, что тут меня никто не увидит. Страх в полном ночном мраке, среди безконечных институтских коридоров и лестниц, именно тут на паперти, ко мне не приходил. Я радовалась своему убежищу, и незаметно скоро пролетело для меня все остальное время ночи. Но вот раздался звонок воспитанницам вставать, зная, что не замедлит через час последовать и второй звонок на молитву, я содрогнулась при мысли о том, как выйду, что скажу, как вступлю в обычную колею жизни и тому подобное. И не ошиблась. Лишь только со вторым звонком я вышла из своего убежища, меня окружили воспитанницы, осаждавшие меня вопросами: «Где была, что с тобой, отчего ты так заплакана?» и прочее. Мое молчание возбуждало еще большее любопытство. Не только дети-подруги, но и дежурная классная дама подошла ко мне с теми же вопросами. Вместо ответа я только разрыдалась. Открыть свою тайну я не решилась бы

ни за что никому, кроме нашего священника, а солгать что-нибудь я не могла, да и вообще говорить не чувствовала в себе силы. Наконец понемножку меня оставили в покое. Когда после молитвы и после чая все вошли в класс, я попросила свою классную даму разрешения остаться в коридоре и дождаться батюшку, чтобы сказать ему несколько слов. Она мне это позволила. Когда я рассказала ему все, он поцеловал меня в голову и сказал: «Это твое призвание, храни эту тайну, а Господь Сам довершит Свое дело».

Явление Пресвятой Богородицы

Давно, давно, с самого юного возраста моего, я имела сильное желание посетить святыни Киева, особенно Печерской лавры. Но исполнить это заветное желание пришлось мне не ранее как в 1886 году; 1 ноября сего года я приехала в Киев, где пробыла ровно две недели, то есть до 17 ноября. Главной целью поездки моей туда теперь составляло не одно исполнение желания, а более — то обстоятельство, что я приступала к закладке каменного храма во вверенной мне еще новой обители, до того времени довольствовавшейся лишь небольшой домовой церковью. Зная, что постройка храма решительно необходима, зная и то, что средств у меня на то нет никаких, я почему-то надеялась, что Сама Царица небесная пошлет мне и средства и выстроит храм во славу Ее и

Сына Ее, как чудно совершила это Она в Киеве, соорудив Великую лаврскую Церковь. Правда, думалось мне, что теперь не те времена, не те люди, и мы-то, храмостроители, — не Антонии. Но все же думалось мне, что хотя и все теперь не то, что было тогда, но Бог-то все Тот же Неизменный, Всемогущий и строящий на пользу рабам Своим. Мне очень хотелось помолиться и как бы получить благословение на это великое и многотрудное для меня дело, именно в той чудной Великой Церкви лаврской.

И, действительно, я там помолилась, как ни раньше, ни после нигде не маливалась, дважды приобщилась Святых Таин — раз в Великой Церкви и раз в пещерной преподобного Антония; и укрепившись верой и надеждой на помощь свыше, я вернулась в обитель на 25-е число ноября.

Физически я была вся разбита дорогой, ехав в третьем классе; но и там мне пришлось сидеть между лавочек, потому что, везя с собой двух маленьких сироток, их укладывала на лавочку, а сама ютилась на ящике между ними. По этой причине физической немощи, я не могла первые дни идти в церковь. С вечера на 27-е, день Знамения Богоматери, я решилась непременно наутро идти к утрени. Озабоченная этой мыслью, я проснулась в начале четвертого часа, а так как утреня у нас бывает в 5 часов, то, одевшись и приготовившись совсем, легла еще полежать и заснула.

В этот краткий промежуток до звона к

утрени мне и привиделось следующее чудное явление.

Все мы в нашей домовой церкви; пришли, чтобы отсюда крестным ходом идти встречать идущую к нам Царицу.

У всех у нас в руках свечи зажженные, а у меня в руке, кроме моей зажженной свечи, еще толстая необожженная восковая свеча, которую мне и приказано, когда придет Царица, то зажегши от своей горевшей свечи эту толстую свечу, подать Ей, Царице.

Все мы крестным ходом и вышли на монастырскую площадь, где ныне храм, и остановились в ожидании прихода Царицы. Долго, долго Ее не было, так что у нас от свечей оставались в руках лишь маленькие огарки.

Вдруг вдали, по направлению к святым воротам, на горизонте показалось как бы восходящее солнце, между тем как был яркий полдень и солнце светило над головами. Мы стали вглядываться в это и увидели, что оно не подымается как обычно к солнцу, а, идя по земле, подвигается по направлению к нам. Когда этот солнечный шар подошел ближе, то ясно можно было разглядеть, что он овальный, то есть продолговатый, и ядро света заключается в самой середине, в центре его. Когда оно подошло еще ближе к святым вратам, то уже ясно все увидели, что это Царица небесная (во весь рост) шла к нам, Она-то и была ядро света солнечного, а круг, образовавшийся около Нее, были лучи. Как только Она взошла в святые врата оби-

тели, над Ней в небе запели невидимые силы «Достойно есть». Эту же песнь запели и сестры, ожидавшие Ее, зазвонили все колокола, и произошло нечто необычное. Между тем я раздумывала: «Так вот какая Царица пришла, не земная, как я ожидала, а небесная Царица; так подавать ли мне Ей свечу, приготовленную для Нее, или нет?»

На эту мысль ответила следующая мысль: «Да ведь тот, кто дал такое распоряжение (а кто это был, я не знаю), может быть, и знал, какая Царица придет; да притом же «истинное послушание не рассуждает»; мне велено подать, и я должна». Решив таким образом, я зажгла приготовленную большую свечу от своего горевшего огарка и, подошед к Царице, низко поклонилась Ей, но не в ноги, потому что обе мои руки были заняты, и молча со страхом и благоговением подала Ей свечу зажженную. Но к удивлению моему, Она, милостиво смотрев на меня, подняла ручку и протянула ее не к подаваемой Ей большой свече, а к моему огарку, который я держала в левой руке, и при этом сказала мне: «Мне угодна свеча, горевшая в твоих трудах для Меня, а эту свечу (указав на большую) возьми себе и снова трудись с ней, пока Я опять приду на это место». Я, объятая благоговением, не могла ни слова вымолвить и молча поклонилась Ей, взявшей из левой моей руки огарок. Тут я снова услышала пение (которое или за разговором с Царицей уже не слышала, или же действительно оно прекращалось, не знаю) и про-

снулась, объятая трепетом благоговейным; из этого я поняла, что Царица небесная как бы благословила своим посещением место, назначенное для Ее храма (храм во имя Похвалы Богородицы), ибо Она на этом именно месте стояла; благословила и труды мои, приняв прежние и указав новые, большие и труднейшие, которые предстояли мне в деле созидания храма Ее.

Слава Милостивому Ее благоволению ко святой обители нашей!

ВИДЕНИЕ ПОСЛУШНИЦЫ ОЛЬГИ

Видение Ольги Зосимовны Бойко, послушницы Ржищева монастыря, было записано в Киевском Покровском монастыре заботами матери игуменьи Софии и С. А. Нилуса в апреле 1917 года. С. А. Нилус, видевший отроковицу в Киеве, писал в одном из писем: «Эта малограмотная деревенская девочка 21 февраля сего года во вторник второй недели Великого поста впала в состояние глубокого сна, продолжавшегося с небольшими перерывами до самой Великой субботы, всего ровно сорок дней. Во время этого сна при пробуждениях, последние же две недели и во сне девочка эта питалась только одними святыми Христовыми Таинами. В Великую субботу Ольга проснулась окончательно, встала, умылась, оделась, помолилась Богу, пошла на свое клиросное послушание и отстояла всю Пасхальную службу не садясь, несмотря на уговоры. Во время своего этого сна Ольга имела видение жизни загробной и сказывала сонная и когда просыпалась, что видела, а за ней записывали. В Киеве с ее слов и слов ее старицы записал я, о чем главное повествую теперь и Вам».

21 февраля 1917 года, во вторник 2-й недели Великого поста, в 5 часов утра послушница Ольга вбежала в псалтирню и, поло-

живши три земных поклона, сказала монахине-чтице, которую пришла сменить:

— Прошу прощения, матушка, и благословите: я пришла умирать.

Не то в шутку, не то всерьез монахиня ответила:

— Бог благословит — час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла.

Ольге в то время было около четырнадцати лет.

Ольга легла на кровать в псалтирне и уснула, а монахиня продолжала читать. В полседьмого утра сестра стала будить Ольгу, но та не шевелилась и не отзывалась. Пришли другие сестры, тоже пробовали будить, но так же безуспешно. Дыхание у Ольги прекратилось, и лицо приняло мертвецкий вид. Прошло два часа в безпокойстве для сестер и в хлопотах возле обмершей. Ольга стала дышать и с закрытыми глазами, в забытьи, проговорила:

— Господи, как я уснула!

Ольга спала трое суток не просыпаясь. Во время сна много говорила такого, что на слова ее обратили внимание и стали записывать. Записано было с ее слов следующее.

«За неделю до вторника 2-й недели я видела, — говорила Ольга, — во сне Ангела, и он мне велел во вторник идти в псалтирню, чтобы там умереть, но чтобы я о том заранее никому не говорила. Когда я во вторник шла утром в псалтирню, то, оглянувшись назад, увидела страшилище во образе пса, бежавшего на задних лапах следом за

мною. В испуге я бросилась бежать, и когда вбежала в псалтирню, то в углу, где иконы, я увидела святого архистратига Михаила и в стороне — смерть с косой. Я испугалась, перекрестилась и легла на кровать, думая умирать. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств. Потом сознание ко мне вернулось, и я увидела Ангела: он подошел ко мне, взял меня за руку и повел по какому-то темному и неровному месту. Мы дошли до рва. Ангел пошел вперед по узкой доске, а я остановилась и увидела «врага» (беса), который манил меня к себе, но я кинулась бежать от него к Ангелу, который был уже по ту сторону рва и звал меня тоже к себе. Доска, перекинутая через ров, была так узка, что я побоялась было через нее переходить, но Ангел перевел меня, подав мне руку, и мы с ним пошли по какой-то узкой дорожке. Вдруг Ангел скрылся из виду, и тотчас же появилось множество бесов. Я стала призывать Матерь Божию на помощь; бесы мгновенно исчезли, и вновь явился Ангел, и мы продолжали путь. Дойдя до какой-то горы, мы опять встретили бесов с хартиями в руках. Ангел взял их из рук бесовских, передал их мне и велел порвать. На пути нашем бесы появлялись еще не раз, и один из них, когда я отстала от своего небесного путеводителя, пытался меня устрашить, но явился Ангел, а на горе я увидела стоящую во весь рост Божию Матерь и воскликнула:

— Матерь Божия! Тебе угодно спасти меня — спаси меня!

Пала я на землю, и когда поднялась, то Матерь Божия стала невидима. Стало светать. По дороге увидели церковь, а под горою сад. В этом саду одни деревья цвели, а другие уже были с плодами. Под деревьями были разбиты красивые дорожки. В саду я увидела дом. Я спросила Ангела:

— Чей это дом?

— Здесь живет монахиня Аполлинария.

Это была наша монахиня, недавно скончавшаяся.

Тут я опять потеряла Ангела из виду и очутилась у огненной реки. Эту реку мне нужно было перейти. Переход был очень узкий, и по нему переходить можно было не иначе, как переступая нога за ногу. Со страхом стала я переходить и не успела дойти до середины реки, как увидела в ней страшную голову с выпученными огромными глазами, раскрытой пастью и высунутым длиннейшим языком. Мне нужно было перешагнуть через язык этого страшилища, и мне стало так страшно, что я не знала, что и делать. И тут внезапно по ту сторону реки я увидела святую великомученицу Варвару. Я взмолилась ей о помощи, и она мне протянула руку и перевела на другой берег. И уже когда я перешла огненную реку, то, оглянувшись, увидела в ней еще и другое страшилище — огромного змия с высоко поднятой головой и разинутой пастью. Святая великомученица объяснила мне, что эту реку необходимо переходить каждому и что многие падают в пасть одного из этих чудовищ.

Дальнейший путь я продолжала идти с Ангелом и вскоре увидела длиннейшую лестницу, которой, казалось, и конца не было. Поднявшись по ней, мы дошли до какого-то темного места, где за огромной пропастью я увидела множество людей, которые примут печать антихриста: участь их — в этой страшной и смрадной пропасти... Там же я увидела очень красивого человека без усов и бороды. Одет он был во все красное. На вид он мне показался лет двадцати восьми. Он прошел мимо меня очень быстро, вернее, пробежал. И когда он приближался ко мне, то казался чрезвычайно красивым, а когда прошел и я на него посмотрела, то он представился мне диаволом. Я спросила Ангела:

— Кто это такой?

— Это, — ответил мне Ангел, — антихрист, тот самый, что будет мучить всех христиан за святую веру, за Святую Церковь и за имя Божие.

В том же темном месте я видела недавно скончавшуюся монахиню нашего монастыря. На ней была чугунная мантия, которою она была вся покрыта. Монахиня старалась из-под нее высвободиться и сильно мучилась. Я потрогала рукой мантию: она действительно была чугунная. Монахиня эта умоляла меня, чтобы я попросила сестер молиться за нее.

В том же темном месте видела я огромнейший котел. Под котлом был разведен огонь. В котле этом кипело множество людей: некоторые из них кричали. Там были и

мужчины и женщины. Из котла выскакивали бесы и подкладывали под него дрова. Других людей я там видела стоящими на льду. Были они в одних рубашках и дрожали от холода: все были босы — и мужчины и женщины.

Еще я видела там же обширнейшее здание и в нем тоже множество людей. Сквозь уши их были продернуты железные цепи, привешенные к потолку. К рукам и ногам их привязаны были огромные камни. Ангел мне объяснил, что это все те, которые во храмах Божиих держали себя соблазнительно-непристойно, сами разговаривали и других слушали; за то и протянуты им цепи в уши. Камни же к ногам привязаны тем, кто в церкви ходил с места на место: сам не стоял и другим спокойно стоять не давал. К рукам же камни были привязаны тем, кто неправильно и небрежно налагал на себя крестное знамение в храме Божием.

Из этого темного и ужасного места мы с Ангелом стали подниматься вверх и подошли к большому блестящему белому дому. Когда мы вошли в этот дом, я увидела в нем необыкновенный свет. В свете этом стоял большой хрустальный стол, и на нем поставлены были какие-то невиданные, райские плоды. За столом сидели святые пророки, мученики и другие святые. Все они были в разноцветных одеяниях, блистающих чудным светом. Над всем этим сонмом святых Божиих угодников, в свете неизобразимом, сидел на престоле дивной красоты Спаси-

тель, а по правую руку Его сидел наш государь Николай Александрович, окруженный Ангелами. Государь был в полном царском одеянии, в блестящей белой порфире и короне и держал в правой руке скипетр. Он был окружен Ангелами, а Спаситель — высшими небесными силами. Из-за яркого света я на Спасителя смотреть могла с трудом, а на земного царя смотрела свободно.

Святые мученики вели между собой беседу и радовались, что наступило последнее время и что их число умножится, так как христиан вскоре будут мучить за Христа и за неприятие печати. Я слышала, как мученики говорили, что церкви и монастыри будут уничтожены, а раньше из монастырей будут изгонять живущих в них. Мучить же и притеснять будут не только монахов и духовенство, но и всех православных христиан, которые не примут печати и будут стоять за имя Христово, за веру и за Церковь.

Еще я слышала, как они говорили, что нашего государя уже не будет и что время всего земного приближается к концу. Там же я слышала, что при антихристе святая лавра поднимется на небо; все святые угодники уйдут со своими телами тоже на небо, и все живущие на земле, избранные Божии, будут тоже восхищены на небо.

С этой трапезы Ангел повел меня на другую вечерю. Стол стоял наподобие первого, но несколько меньше. В великом свете сидели за столом святые патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, архиманд-

риты, священники, монахи и мирские в каких-то особенных одеяниях. Все эти святые были в радостном настроении. Глядя на них, и сама я пришла в необыкновенную радость.

Вскоре в спутницы мне явилась святая Феодосия, а Ангел скрылся. С нею мы пошли в дальнейший путь и поднялись на какую-то прекрасную возвышенность. Там был сад с цветами и плодами, а в саду много мальчиков и девочек в белых одеждах. Мы поклонились друг другу, и они чудно пропели «Достойно есть». В отдалении я увидела небольшую гору; на ней стояла Матерь Божия. Глядя на Нее, я неописуемо радовалась. Святая мученица Феодосия повела меня затем в другие райские обители. Первой на вершине горы мы увидели неописуемой красоты обитель, обнесенную оградой из блестящих, прозрачных белых камней. Врата этой обители издавали особый яркий блеск. При виде ее я чувствовала какую-то особенную радость. Святая мученица открыла мне врата, и я увидела дивную церковь из таких же камней, как и ограда, но еще светлее. Церковь та была необычайной величины и красоты. С правой ее стороны был прекрасный сад. И тут, в этом саду, как и в прежде виденном, одни деревья были с плодами, в то время как другие только цвели. Врата в церковь были открыты. Мы вошли в нее, и я была поражена ее чудной красотой и безчисленным множеством Ангелов, которые ее наполняли. Ангелы были в белых блестящих одеждах. Мы перекрестились и поклонились

Ангелам, певшим в то время «Достойно есть» и «Тебе Бога хвалим».

Прямая дорога из этой обители повела нас к другой, во всем подобной первой, но несколько менее ее обширной, красивой и светлой. И эта церковь наполнена была Ангелами, которые пели «Достойно есть». Святая мученица Феодосия объяснила мне, что первая обитель была высших ангельских чинов, а вторая — низших.

Третья обитель, которую я увидела, была с церковью без ограды. Церковь в ней была так же прекрасна, но несколько менее светлая. Это была, по словам моей спутницы, обитель святителей, патриархов, митрополитов и епископов.

Не заходя в церковь, пошли далее и по пути увидели еще несколько церквей. В одной из них монахи в белых одеждах и клобуках; среди них я увидела и Ангелов. В другой церкви были монахи вместе с мирскими мужчинами. Монахи были в белых клобуках, а мирские — в блестящих венцах. В следующей обители в церкви были монахини во всем белом. Святая мученица Феодосия сказала мне, что это схимонахини. Схимонахини в белых мантиях и клобуках, с ними были и мирские женщины в блестящих венцах. Среди монахинь я узнала некоторых монахинь и послушниц наших — еще живых, и среди них умершую мать Агнию. Я спросила святую мученицу Феодосию, почему некоторые монахини в мантиях, а другие без мантий, некоторые же наши послушницы в мантиях.

Она ответила, что некоторые, не удостоившиеся мантии при жизни на земле, будут удостоены ее в будущей жизни и, наоборот, получившие мантию при жизни лишены будут ее здесь.

Идя дальше, мы увидели чудный фруктовый сад. Мы вошли в него. В этом саду, как и в прежде виденных, одни деревья были в цвету, а другие со спелыми плодами. Верхушки деревьев сплетались между собой. Сад этот был прекраснее всех прежних. Там были небольшие домики, точно литые из хрусталя. В саду этом мы увидели святого архистратига Михаила, сказавшего мне, что сад этот — жилище пустынножителей. В саду этом я увидела сперва женщин, а идя дальше — мужчин. Все они были в белых одеждах, монашеских и немонашеских.

Выйдя из сада, я увидела вдали на хрустальных блестящих колоннах хрустальную крышу. Под этой крышей было много людей — монахов и мирских, мужчин и женщин. Тут святой архистратиг Михаил стал невидим.

Далее нам представился дом: был он без крыши, четыре же его стены были из чистого хрусталя. Его осенял воздвигнутый как бы на воздухе крест ослепительного блеска и красоты. В этом доме находилось множество монахинь и послушниц в белых одеждах. И здесь я между ними увидела некоторых из нашего монастыря, еще живых.

Еще дальше стояли две хрустальные стены, как бы две стены начатого построй-

кой дома. Двух других стен и крыши не было. Внутри, вдоль стен, стояли скамьи; на них сидели мужчины и женщины в белых одеждах.

Затем мы вошли в другой сад. В этом саду стояло пять домиков. Святая мученица Феодосия сказала мне, что эти домики принадлежат двум монахиням и трем послушницам нашего монастыря. Она их назвала, но велела имена их хранить в тайне. Около домиков росли фруктовые деревца: у первого — лимонное, а у второго — абрикосовое, у третьего — лимонное, абрикосовое и яблоня, у четвертого — лимонное и абрикосовое. Плоды у всех были спелые. У пятого деревьев не было, но места для посадки были уже выкопаны.

Когда мы вышли из этого сада, то нам пришлось спуститься вниз. Там мы увидели море; через него переправлялись люди: одни были в воде по шею, у других из воды были видны только одни руки; некоторые переезжали на лодках. Меня святая мученица перевела пешком.

Еще мы видели гору. На горе в белых одеждах стояли две сестры нашей обители. Выше их стояла Матерь Божия и, указывая мне на одну из них, сказала:

— Се, даю тебе сию в земные матери.

От ослепительного света, исходящего от Царицы небесной, я закрыла глаза. Потом все стало невидимо.

После этого видения мы стали подниматься в гору. Вся эта гора была усеяна див-

но пахнувшими цветами. Между цветами было множество дорожек, расходившихся в разных направлениях. Я радовалась, что так тут хорошо, и вместе с тем плакала, зная, что придется расстаться со всеми этими чудными местами, и с Ангелами, и со святой мученицей.

Я спросила Ангела:

— Скажи мне, где мне придется жить?

И Ангел и святая мученица ответили:

— Мы всегда с тобою. А где бы ни пришлось жить, терпеть всюду надо.

Тут я опять увидела святого архистратига Михаила. У сопровождавшего меня Ангела в руках оказалась Святая Чаша, и он причастил меня, сказав, что иначе «враги» воспрепятствовали бы моему возвращению. Я поклонилась своим святым путеводителям, и они стали невидимы, а я с великой скорбью вновь очутилась в этом мире».

Все это со слов Ольги мною было записано в Киеве 9 апреля 1917 года.

Далее повествование о видениях Ольги поведется уже со слов ее старицы, матушки Анны.

«В первые дни своего сна, — так рассказывала мне матушка Анна, — Ольга все искала во сне шейный крест. По движениям ее было видно, что она его кому-то показывала, кому-то им грозила, крестила им и сама крестилась. Когда первый раз проснулась, говорила сестрам:

— Этого враг боится. Я им грозила и крестила, и он уходил.

Тогда решили дать ей в руку крест. Она крепко зажала его в правой руке и не выпускала его двадцать дней так, что силой нельзя было его у нее вынуть. При пробуждении она его выпускала из руки, а перед тем как заснуть, снова брала его в руку, говоря, что он ей нужен, что с ним ей легко.

После двадцатого дня она его уже не брала, объяснив, что ее перестали водить по опасным местам, где встречались «враги», а стали водить по обителям райским, где некого было бояться.

Однажды, во время своего чудесного сна, Ольга, держа в одной руке крест, другою распустила свои волосы и покрыла их бывшей у нее на шее косынкой. Когда проснулась, то объяснила, что видела прекрасных юношей в венцах. Юноши эти ей подали тоже венец, который она надела себе на голову. В это-то время она, должно быть, и надевала косынку.

1 марта, в среду вечером, Ольга, проснувшись, сказала:

— Вы услышите, что будет в двенадцатый день.

Бывшие тут сестры подумали, что это число месяца и что в это число с Ольгой может произойти какая-нибудь перемена. На эти мысли Ольга ответила:

— В субботу.

Оказалось, что то был двенадцатый день ее сна. В этот день у нас в обители узнали об отречении государя от престола. Первой узнала об этом по телефону из Киева я. Ког-

да вечером Ольга проснулась, я в страшном волнении сказала ей:

— Оля! Оля! Что случилось-то: государь оставил престол!

Ольга спокойно на это ответила:

— Вы только сегодня об этом услышали, а у нас там давно об этом говорили. Царь уже там давно сидит с небесным Царем.

Я спросила Ольгу:

— Какая же тому причина?

— Какая была причина небесному Царю, что с Ним так поступили: изгнали, поносили и распяли? Такая же причина и этому царю. Он — мученик.

— Что же, — спрашиваю я, — будет?

Ольга вздохнула.

— Царя не будет, — отвечает, — теперь будет антихрист, а пока новое правление.

— А что это, к лучшему будет?

— Нет, — говорит, — новое правление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри. Готовьтесь, готовьтесь все в странствие.

— Какое странствие?

— Потом увидите.

— А что же брать с собою? — спрашиваю.

— Одни сумочки.

— А что в сумочках понесем?

Тут Ольга мне сказала одну старческую тайну и прибавила, что и все то же понесут.

— А что будет с монастырями? — продолжаю допытываться. — Что будут делать с келиями?

Ольга с живостью ответила:

— Вы спросите, что с церквами делать будут! Разве одни монастыри будут теснить? Будут гнать всех, кто будет стоять за имя Христово и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать. Только не бойтесь; боли не будет, как бы сухое дерево резать будут, зная, за Кого страдают.

Я опять спросила Ольгу:

— Зачем же им разорять монастыри?

— Затем, что в монастырях люди живут ради Бога, а такие должны быть изгнаны.

— Но мы, — говорю, — и в монастыре одни других гоним.

— То, — отвечает, — не вменится, а вот это гонение вменится.

При этом разговоре сестры пожалели государя.

— Бедный, бедный, — говорили они, — несчастный страдалец! Какое он терпит поношение!

На это Ольга весело улыбнулась и сказала:

— Наоборот: из счастливых счастливейший. Он — мученик. Тут пострадает, а там вечно с небесным Царем будет.

На девятнадцатый день своего сна — в субботу 11 марта — Ольга, проснувшись, сказала мне:

— Услышите, что будет в двадцатый день.

Я думала, что это — число месяца, а Ольга пояснила:

— В воскресенье.

В воскресенье, 12 марта, был двадцатый день ее сна. Затем Ольга весело сказала:

— Поедем, поедем к батюшке!

«Батюшка» — это старец Голосеевской пустыни, иеросхимонах Алексий, мой духовный отец и руководитель.

Затем весь разговор, по этом пробуждении, Ольга вела только об этом батюшке. В конце разговора Ольга и сказала:

— Поедем к батюшке в третий день Пасхи.

После этого она заснула... На следующий день, в воскресенье, она опять радостно начала разговор о батюшке. Я говорю ей:

— Оля, поедем же к батюшке!

Ольга вздохнула и сказала:

— Вы же написали батюшке два письма.

Так это и на самом деле было, хотя Ольга об этом знать не могла. Потом она продолжала:

— Ожидайте, ожидайте: скоро будет ответ.

Опять, немного погодя, говорила:

— Матушка, матушка! К нам батюшка скоро приедет.

Это она в радостном настроении повторяла несколько раз. Бывшие тут сестры подумали, что это она про нашего монастырского священника отца Всеволода говорит, и слышу, они между собой говорят:

— А, должно быть, Ольге и в самом деле открыты такие тайны, которых другие не знают.

Тут потянуло меня взять крест моего старца отца Алексия. Села я поодаль от сестер, сложила руки на груди и как бы ушла в себя, отрешившись от всего окружающего. Настала полная тишина. Это было в одиннадцать часов вечера. Через несколько минут я пришла в себя. Ольга не спала. Я ей говорю:

— Скоро отец Всеволод придет.

— Ну да, отец Всеволод!

Точно хотела мне сказать, что не в нем дело, и вслед уснула.

На другое утро я получила телеграмму, что накануне вечером отец Алексий скончался. Когда Ольга проснулась, то сказала, что накануне, около одиннадцати часов вечера, она видела отца Алексия, как он вошел к нам в келию, благословил всех и молча удалился. На двадцать четвертый или двадцать пятый день сна Ольги я, вернувшись от вечерни, застала Ольгу пробудившейся. Окружавшие ее постель сестры встретили меня словами:

— Анюта, ожидай гостей: Ольга говорит, что гости будут.

Ольга повторила то же и просила позвать регентшу. Спрашиваю Ольгу:

— Какие ж то будут гости?

— Увидите, какие.

Я не поняла, что это за гости, и подумала, что надо в келии место освободить для них. Говорю, чтобы часть сестер вышла. Ольга улыбнулась и сказала:

— Будь хотя полна келия сестер, все равно они не помешают: гостям место будет.

Тут мы поняли, что будут к нам неземные гости, и стали спрашивать, увидим ли мы их. Ольга ответила:

— Не знаю. Когда придут, почувствуете.

Тут вид ее лица изменился, точно она увидела нечто таинственное — великое, молча обводила она келию глазами. В таком состоянии она находилась минут двадцать. Я почувствовала в это время как бы толчок в сердце: меня охватил какой-то еще никогда не испытанный, благоговейный страх, и я заплакала, чувствуя присутствие в келии кого-то не из здешнего мира. Сестры, бывшие в келии, шепотом творили молитву; некоторые плакали... Потом из слов их видно, что они в то же время испытывали то же, что и я, когда плакали, но никто, как и я, ничего не видел и не слышал.

Минут через двадцать лицо Ольги приняло обычное выражение и она залилась слезами. Успокоившись немного, на расспросы сестер ответила:

— Как же это? Ведь я думала, что вы видите и слышите пение. А гости-то какие были: сам святой архистратиг с небесным своим воинством!

— Что же пели они? — спрашиваем.

— Они пели «Тебе Бога хвалим», и как пели-то!.. С ними были и блаженные старцы, и святые молитвенники, к которым мы прибегали с матушкой Анной и имена которых были у нас записаны на псалтирном чтении. Святой архистратиг Михаил пере-

крестил всех присутствующих и окропил святой водой...

Пять минут спустя Ольга опять заснула. В субботу на первой неделе Великого поста Ольга причастилась, как и все сестры нашей обители. 21 февраля она уснула. На другой день ее соборовали, но она этого почти не помнит; помнит только приготовление к таинству священников, но самого соборования не помнит, говоря, что ее в то время здесь не было, что она уходила со своим путеводителем.

На четвертый день, в пятницу, в 11 часов вечера она проснулась. После краткой исповеди ее причастили. Перед причащением я была в страхе, боясь, чтобы она не заснула, когда придет священник, но она сказала: «Не бойтесь: я дождусь!» Потом, по пробуждении, Ольга говорила, что только этот раз она видела батюшку.

Уходя ночью после причащения, батюшка сказал, что в воскресенье ее надо будет снова причастить, это исполнит другой очередной священник. Когда в этот день пришел священник, Ольга спала, зубы ее были стиснуты, и священник причастить ее не решался. Я взмолилась Господу, и Ольга открыла рот. Батюшка ее причастил. Когда потом Ольга проснулась и я об этом ей рассказала, то она мне сказала:

— Не бойтесь: я всегда буду открывать рот.

Я спросила ее:

— А слышала ли ты, как приходил и причащал тебя батюшка?

Она ответила, что его не видела и ничего не слышала, а видела Ангела, читавшего молитву пред причащением, и тот же Ангел причастил ее.

Когда об этом сообщили отцу Всеволоду, он решил причащать Ольгу и преждеосвященными Дарами. Так и сделали и стали с тех пор причащать спящую по средам, пятницам, а также по субботам и воскресеньям весь Великий пост, до полного ее пробуждения. И всякий раз, как читали молитву «Верую, Господи, и исповедую», Ольга постепенно открывала рот, и к концу молитвы открывала его вполне. Иногда и после причащения открывала его, чтобы из рук священника принять две-три лжицы воды.

В Великую пятницу она проснулась на несколько минут и сказала:

— Завтра причастите меня в шесть часов утра. Я завтра в этот час должна прийти.

Я передала об этом отцу Всеволоду, и он согласился.

Проснувшись в Великую субботу, чтобы идти к утрени, отец Всеволод внезапно увидел как бы молнию, блеснувшую и осветившую ему лицо, и услышал голос:

— Пойди приобщи спящую Ольгу.

И когда батюшка стал раздумывать, что бы это значило, он вновь услышал тот же голос, повторивший те же слова.

После утрени, еще раньше шести часов, отец Всеволод причастил Ольгу. Она все

еще спала. Через час после того она проснулась, приподнялась на кровати, посидела на ней несколько минут в полузабытьи, потом сразу встала с постели и начала ходить по келии, хотя была слаба и, видимо, истощена. Во все время своего сна она, кроме причастия и нескольких лжиц воды, ничего в рот не брала.

В Великую субботу она целый день более уже не ложилась, а к половине двенадцатого ночи оделась и пошла к Светлой заутрени. Во все время пасхального богослужения она не садилась, хотя сестры и уговаривали ее присесть, и так простояла всю заутреню и обедню.

После того она долго была в большой задумчивости и тоске и плакала. На расспросы сестер отвечала:

— Как мне не плакать, когда я уже больше не вижу ничего из того, что я видела, а все здешнее, даже и то, что прежде было мне приятно, все мне теперь противно, а тут еще эти расспросы... Господи, скорее бы опять туда!

Когда потом записывалось в Киеве бывшее с Ольгой, то она сказала:

— Пишите — не пишите: все одно не поверят. Не то теперь время настало. Разве только тогда поверят, когда начнет исполняться что из моих слов.

Таковы видения и чудесный сон Ольги.

Эту Ольгу и старицу ее я видел, с ними разговаривал. На вид Ольга самая обыкновенная крестьянская девочка-подросток, ма-

лограмотная, ничем по виду не выдающаяся. Глаза только у нее хороши были — лучистые, чистые, и не было в них ни лжи, ни лести. Да как было и лгать и притворяться пред целым монастырем, да еще в такой обстановке, почти сорок дней без пищи и пития?!!

Я поверил и верю:

Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него (Лк. 18, 17).

ВИДЕНИЕ СЕСТРЫ ЕВФРОСИНИИ

Это видение сестры Марфо-Мариинской обители Евфросинии (в монашестве Любовии) было записано духовником обители, протоиереем Митрофаном Сребрянским (канонизован Русской Православной Церковью). Свою запись 31 октября 1917 года отец Митрофан предварил такими словами: «Свидетельствую своею священнической совестью, что все, записанное мною со слов сестры Евфросинии, верно».

Господи, благослови! 1912 года июня 25-го в пять часов вечера мне очень захотелось спать. Зазвонили ко всенощной, а я, не будучи в силах противиться, легла и уснула. Проснулась 26 июня в пять часов вечера. Родные думали, что я умерла, но внезапность смерти понудила их позвать врача, который сказал, что я жива, но сплю летаргическим сном. Во время этого сна душа моя видела много ужасного и хорошего, что я и расскажу по порядку.

Вижу, что я нахожусь в поле совершенно одна. Страх напал на меня, небо темнеет. Вдруг вдали что-то засветилось. Оказалось, что свет исходит от приближающегося ко мне старца с длинными волосами и длинной

бородой, почти до земли, в белой рубашке, подпоясанный. Лицо его так сияло, что я не могла смотреть на него и упала ниц. Он поднял меня и спросил: «Куда идешь, раба Божия?» Я отвечаю: «Не знаю». Тогда старец сказал мне: «Стань на колени!» — и начал напоминать мне все мои грехи, которые я по забвению не исповедала. Я была в ужасе и думала: «Кто же это, что и помышления мои знает?» — а он говорит: «Я святой Онуфрий, и ты меня не бойся» — и перекрестил меня большим крестом: «Все тебе прощается. А теперь пойдем со мной, я тебя по всем мытарствам поведу». Берет меня за руку и говорит: «Что будет встречаться, не бойся, только непрестанно крестись и говори: спаси меня, Господи! — и думай о Господе, и все пройдет. Пошли». Преподобный Онуфрий говорит: «Смотри на небо!» Я смотрю и вижу, что небо как бы перевернулось и стало темнеть. Я испугалась, а преподобный говорит: «Не думай дурного, крестись».

Стало совершенно темно, только тьму разгонял свет, исходящий от преподобного Онуфрия. Вдруг множество бесов пересекли нам дорогу, составивши цепь. Глаза их как огонь, вопят, шумят и намереваются схватить меня. Но как только преподобный Онуфрий поднимал руку и творил крестное знамение, так бесы мгновенно разбегались, показывая листы, исписанные моими грехами. Преподобный сказал им: «Она раскаялась при начале пути во всех грехах» — и бесы тотчас разорвали листы, стеная и кри-

ча: «Бездна наша, она не пройдет!» От бесов исходил огонь и дым, что среди окружающего мрака производило страшное впечатление. Я все время плакала и крестилась. Жара от огня я не чувствовала. Вдруг перед нами оказалась огненная гора, от которой во все стороны неслись огненные искры. Здесь я увидела множество людей, услышала крики их и стоны. На мой вопрос, за что они страдают, преподобный Онуфрий ответил: «За беззакония свои. Они совсем не каялись и умерли без покаяния, не признавая заповедей. Теперь страдают до суда».

Идем дальше. Вижу — перед нами два глубоких оврага, столь глубоких, что их можно назвать бездной. Я посмотрела в овраг и увидела там множество ползающих змей, животных и бесов. Преподобный Онуфрий говорит: «Огонь мы перешли. Как нам эту бездну перейти?» В это время опустилась как бы большая птица, распустила крылья, и преподобный говорит: «Садись на крылья, и я сяду. Не будь маловерна, не смотри вниз, а крестись». Сели мы и полетели. Долго летели, старец держал меня за руку. Наконец мы опустились и стали на ноги среди змей, холодных и мягких, которые разбежались от нас. От множества змей делались целые змеиные горы. Под одной такой горой я увидела сидящую женщину, у которой голова вся была покрыта ящерицами, из глаз падали искры, изо рта — черви, змеи сосали грудь ее, а псы держали во рту руки ее. Я спрашиваю у преподобного Онуфрия: «Что это за

женщина, и за что она страдает?» Он говорит: «Это блудница. Она в жизни сделала много грехов и никогда не каялась. Страдает до суда. Ящерицы на голове — это за украшение волос, бровей, и вообще украшение лица; искры из глаз за то, что она смотрела разные нечистоты, черви за то, что она говорила неподобные слова, змеи — это блуд, псы — за скверные осязания».

Идем дальше. Преподобный Онуфрий говорит: «Сейчас мы придем к очень страшному, но ты не бойся, крестись». Действительно, дошли до места, от которого шел дым и огонь. Там я увидела огромного как бы человека, светящегося огнем. Возле него лежит шар большой, огненный, а в нем много спиц, и когда человек этот поворачивает шар, то из спиц выходят огненные спицы, а между спицами — бесы, так что пройти через них нельзя. Я спрашиваю: «Кто это?» Преподобный Онуфрий отвечает: «Это сын диавола, разжигатель и обольститель христиан. Кто ему повинуется и не соблюдает Заповедей Христовых, тот идет в муку вечную. А ты крестись, не бойся». Шли мы через эти проволоки свободно, но со всех сторон несся шум и крик, который исходил от множества бесов, стоящих цепями. С ними было и много людей. Преподобный Онуфрий объяснил мне, что люди потому вместе с бесами, что им при жизни служили и не каялись, здесь ожидают страшного суда.

Затем подошли мы к огромной огненной реке, в которой много людей, и от них не-

сутся крики и стоны. Я смутилась при виде реки, но старец стал на колени, велел стать и мне и смотреть на небо. Я так и сделала и увидела на облаках Архангела Михаила, который протянул нам жердочку. Преподобный Онуфрий взял за конец, и она перекинулась через реку, аршина на три от огня. Я, хотя сильно боялась, но крестилась, и при помощи преподобного Онуфрия перешла на другую сторону и очутилась перед стеной. Мы перешли через узкую дверь с трудом и вышли на огромные снеговые ледяные горы, где находилось много людей, они все дрожали. Особенно меня поразил один, который по шею сидел в снегу и кричал: «Спасите! Спасите!» Я хотела пойти, помочь ему, но преподобный Онуфрий сказал: «Оставь его. Он зимой не впустил к себе в дом отца своего, и тот замерз. Пусть сам даст ответ за себя. Вообще, здесь находятся люди за то, что холодным сердцем относились к Богу и людям».

После этого мы подошли к прекрасной и широкой реке, где преподобный старец поставил меня на доску и сам пошел по воде. На другой стороне оказалось прекрасное поле, покрытое зеленью, травою, лесом. Когда мы проходили через него, то увидели множество зверей, которые ласкались к преподобному Онуфрию. Прошли поле и подошли к высокой прекрасной горе, на которой были три лестницы, как бы из желатина, и бежали с горы двенадцать ручейков чистейшей воды. Около горы мы остановились, и

преподобный Онуфрий сказал: «Ты видела все страшное, за что люди страдают, живи же по Заповедям Господним. Ты все это перешла за два добрых дела (но не сказал, какие). Теперь я тебя одену в другую одежду, и ты должна лезть, но не по этой лестнице». Преподобный Онуфрий всю меня облил водой из ручья, омыл, и мое голубенькое платье не знаю, куда девалось. Старец надел на меня рубашку белую, сделал из травы пояс и опоясал меня, из листьев сделал шапочку и, три раза перекрестив мою голову, надел на меня шапочку и велел лезть на гору. Очень трудно мне было, но старец подставлял свои руки, и постепенно я долезла до половины горы, но так изнемогла, что старец разрешил дальше продолжать путь по лестнице, причем вел меня за руку, и три раза перекрестил. Затем старец ввел меня в церковь, поставил на середину и сказал: «Будь душой вся в Боге! Здесь — райское жительство».

Боже мой, какая красота! Я увидела там много чудных обителей, неописуемой красоты деревья, цветы, благоухание, свет необыкновенный. Старец подводит меня к одной обители и говорит: «Это обитель святых жен Марфы и Марии». Обитель сделана не из камней, а вся покрыта зеленью и цветами, окна светятся как хрустальные, насквозь. Возле дверей, по обе стороны, стоят Марфа и Мария с горящими большими свечами в руках. Мы с преподобным стали под деревом, и я вижу: несут Ангелы шесть расслабленных людей в эту обитель, а за ними

пошло туда много народа, больных, слепых, хромых, в одежде рваной, и много детей. Я спрашиваю: «Неужели эта обитель так велика, что может вместить так много людей?» Старец отвечает: «Может вместить весь мир христиан. Вот и ты небольшая, и в тебе весь мир. Возлюби всех чисто, а себя позабудь, и возненавидь тело, которое служит всем страстям. Постарайся мертвить тело, а душу укрась добрыми делами. Смотри, несут расслабленного человека». «Кого это несут?» — спросила я. «Брата во Христе, — ответил преподобный. — Его несут многострадальный пастырь Митрофан и многострадальная Княгиня Елизавета». Я увидела Великую Княгиню Елизавету Феодоровну в белой форме, на голове — покрывало, на груди — белый крест. Отец Митрофан тоже был в белой одежде, на груди такой же белый крест. Я совершенно не знала до этого времени о существовании Марфо-Мариинской обители милосердия, Елизавету Феодоровну и отца Митрофана не знала и не видела. Когда они поравнялись со святыми женами Марфой и Марией, то оба, которые несли расслабленного, Елизавета Феодоровна и отец Митрофан, поклонились им, а затем святые Марфа и Мария вошли тоже в обитель, а за ними и мы. Обитель внутри была прекрасна. Отец Митрофан и Елизавета Феодоровна снова вышли из обители, уже одни, и тоже с горящими свечами, подошли к нам и поклонились преподобному Онуфрию, который обратился к ним и говорит:

«Вручаю вам эту странницу и пришелицу и благословляю под ваш покров». Старец при этом велел мне сделать земной поклон отцу Митрофану и Елизавете Феодоровне. Оба они меня благословили большим крестом. Я говорю: «Останусь с ними!» — но старец говорит: «Пойдешь еще, а потом придешь к ним». Мы пошли. Куда ни посмотрю — везде славят Господа. Красоту рая описать не могу. Какой-то другой свет, сады, птицы, благоухание, земли не видно, все покрыто, как бархатом, цветами. Куда ни посмотришь — везде Ангелы, их великое множество. Смотрю — Сам Христос Спаситель стоит, видны язвы на руках и на ногах, лицо и одежда сияют так, что смотреть невозможно. Я упала ниц. Рядом с Господом стояла Пресвятая Богородица с распростертыми руками, Херувимы и Серафимы непрестанно пели: «Радуйся, Царице!» Здесь же было множество святых мучеников и мучениц. Одни были одеты в архиерейские одежды, другие в иерейские, третьи — в диаконские, иные же — в прекрасных разноцветных одеждах, у всех — венцы на головах, преподобный Онуфрий говорит: «Это те святые, которые страдали за Христа, все переносили смиренно, с терпением, шли по стопам Его. Здесь нет печали и страданий, а всегда радость». Много я видела здесь знакомых умерших, видела там некоторых сейчас еще живых. Святой Онуфрий строго сказал: «Не говори тем, которые еще живы, где ты их видела. Когда тело умрет, тогда души их Господом

вознесутся сюда, хотя они и грешные, но добрыми делами и покаянием души их всегда пребывают на небе». Святой Онуфрий посадил меня, и говорит: «Здесь твоя надежда». Начали проходить множество святых в разных одеждах, и чудных, и бедных, кто с крестом в руках, кто со свечами и цветами. Преподобный Онуфрий берет меня за руку и водит по раю. Везде такое славословие Бога и непрестанная песнь: «Свят, Свят, Свят!» — текут струи серебристой воды, преподобный Онуфрий возгласил: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» Вошли мы с преподобным Онуфрием в одно чудное место, где Ангелы непрестанно поют: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!», «Слава в вышних Богу!» и «Аллилуиа!» Перед нашими глазами открылось дивное зрелище: вдали, во свете неприступном, на престоле славы восседал Господь наш Иисус Христос. По одну сторону Его стояла Божия Матерь, а по другую — святой Иоанн Предтеча. Сонмы Архангелов, Ангелов, Херувимов и Серафимов окружали престол. Множество святых красоты неописуемой стояли около престола. Тела их легкодвижны, прозрачны, одежда блестящая разных цветов, вокруг головы каждого из них — ослепительное сияние, на головах у некоторых — венцы из особого какого-то металла, лучше золота и бриллиантов, а на других — венцы из райских цветов. Одни держали в руках цветы, другие — кресты или пальмовые ветви. Указывая рукой на одну из святых, стоящих в правом ряду, преподобный

Онуфрий сказал: «Это святая Елизавета, которой я тебя вручил». Я действительно увидела ту, к которой меня уже подводил преподобный Онуфрий в видении дел человеческих. Там она была среди калек, нищих, больных, вообще — страждущих, которым она служила на земле, а здесь я увидела ее же, но уже во святости, в лике святых. «Да, я вижу ее, — ответила я преподобному Онуфрию, — но ведь я недостойна жить с ней: она святая, а я очень грешная». Преподобный Онуфрий сказал: «Она теперь живет еще на земле, подражая житию святых жен Марфы и Марии, соблюдает душу и тело в чистоте, творит добрые дела, молитва ее и крест скорбей, который она безропотно несет, возносят душу ее на небо. У нее тоже были грехи, но через покаяние и исправление жизни она идет на небо». Я от умиления повергласъ несколько раз на землю. Под ногами было нечто вроде хрустального, зеленовато-голубого неба. Вижу — все святые попарно подходят ко Христу и поклоняются Ему. Пошли и Елизавета Феодоровна с отцом Митрофаном и снова вернулись на свои места. Княгиня Елизавета была одета в блестящую одежду, вокруг головы — сияние, и надпись из блестящих светозарных букв: «Святая многострадальная Княгиня Елизавета». Руки у нее сложены на груди, в одной руке — золотое распятие, прекрасный лик святой сияет неземной радостью и блаженством, чудные глаза ее подняты вверх, в них святые молитвы чистой души, узревшей

Бога лицом к лицу. Возле святой Елизаветы, по левую сторону, стоял преподобный Сергий Радонежский, а по правую руку — отец Митрофан в архиерейском облачении. «Но ты не думай, что ты достойна была все это видеть и останешься теперь здесь. Нет, твое мертвое тело ждет тебя, это только твоя душа со мной. Когда же душа твоя войдет в тело и вернешься опять на грешную многострадальную землю, которая вся обливается кровью, то я благословляю тебя в ту обитель, где тебя встретили Княгиня Елизавета и отец Митрофан». Я спросила: «Разве есть на земле такая прекрасная обитель?» Святой отвечал: «Да, есть, процветает и возносится на небо через добрые дела и молитвы. Смотри же, ты видела все хорошее и плохое, и знай, что без креста и страданий сюда не войдешь. А покаяние всех грешных сюда приводит. Смотри, вот твое тело».

Действительно, я увидела свое тело, и мне сделалось страшно. Преподобный Онуфрий перекрестил меня, и я проснулась. Полтора часа я не могла говорить, а когда заговорила, то стала заикаться. Кроме того, ноги мои отнялись до колен и я не могла ходить, меня носили. Доктора не могли излечить меня. Наконец 25 сентября 1912 года меня принесли в женский монастырь города Богодухова Харьковской губернии, где находилась чудотворная Каплуневская икона Божией Матери. 26 сентября я приобщилась Святых Таин Христовых, отслужила молебен перед этой иконой, и когда меня поднесли к

иконе и я приложилась, то мгновенно исцелилась. Тут я вспомнила слова преподобного Онуфрия, когда я была близ Богоматери: «Здесь твоя надежда». Еще прямо после сна я решила удалиться из мира, а после исцеления я уже не могла дождаться возможности уйти в обитель. Меня звали поступить в Богодуховской женский монастырь, где я исцелилась, но я сказала монахиням, что мне хотелось бы уйти подальше от знакомых. Спрашивала я о святых Марфе и Марии, но никто не знал, есть ли обитель во имя их. Однажды я пришла в свой Богодуховской монастырь и монахини сказали мне: «Евфросиния! Ты хочешь подальше уехать от знакомых. Приехала сестра из обители Марфы и Марии. Туда же поступила наша послушница Василиса». Услышав это, я была в ужасе и восторге. Скоро получился ответ от Василисы, что можно мне поехать в Москву. 23 января 1913 года я приехала и поступила в обитель. Передать не могу, что я испытала, войдя в храм обители и услышав пение тропаря святым праведным женам Марфе и Марии.

ВИДЕНИЕ МОНАХИНИ СЕРГИИ

Это видение было записано монахиней Сергией (в миру Татиана Ивановна Клименко, почила 7 октября 1994 года). В 1924 году, во время тяжелого воспаления легких, по молитвам ее духовного отца, иеромонаха Стефана (Игнатенко), будущей монахине было дано видеть, как проходят мытарства.

...В течение недели болезни я сознание не теряла. В ту памятную ночь я вполне ориентировалась в окружающей обстановке, не спала и видела отчетливо всю комнату, спящую родственницу на соседней постели и зажженную свечу. Я силилась читать про себя Иисусову молитву. Сначала все шло как обычно, но потом я стала ощущать злую силу, сопротивляющуюся молитве Иисусовой и стремящуюся отвлечь меня от нее: то плыли передо мной пейзажи дивной красоты, то звуки симфонического оркестра врывались в мое сознание. Один момент — я залюбуюсь, заслушаюсь, оставив слова молитвы, и... злая сила потрясает меня до основания.

В такой борьбе, томясь от жара, но в полном сознании, я вдруг вижу перед собой отца

Стефана с крестом на груди. Отдавая себе отчет в невозможности его появления, я начала читать «Да воскреснет Бог...», памятуя совет отцов. Отец Стефан дожидается окончания молитвы, говорит с улыбкой «Аминь» и... в мгновение ока берет из меня душу.

Мы очутились с ним словно в недрах земли и шли по высоким обширным пещерам, расположенным, как я чувствовала, где-то в глубине недр.

Я была в монашеском, скорее в послушническом, одеянии, а отец Стефан — в своей обычной черной рясе. Он шел впереди, а я следом за ним. Путь наш шел по берегу ручья с черной, быстро текущей водой. Его русло пересекало пещеру, и мы направились к истоку его.

Я подумала о том, что может обозначать этот поток, и мгновенно почувствовала, как отец Стефан подумал мне в ответ: «Это мытарство — за осуждение». (Далее также мы не говорили, но общались мысленно.) Я поняла, что нахожусь на мытарствах, которые мне пришлось бы пережить, если бы я тогда умерла.

Мы подошли к истоку черного ручья и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Я «услышала» мысли отца Стефана, объясняющие мне, что там, за этими ужасными дверями, мытарства за смертные грехи. Чувствовалось, что там царит невообразимый ужас и страдание. Отец Стефан повернул от этих врат назад, и я вдруг увидела на дне ручья, среди прочих

многочисленных людей, мою знакомую, которая и до сих пор жива. Отец Стефан, повернувшись ко мне, подумал с каким-то ударением: «Осуждение (ближнего) никогда не прощается». И я с необычайной яркостью ощутила свою виновность в отношении этого греха и невозможность оправдать себя. С ужасом взмолилась я о душе, погруженной в черные воды, и... вдруг она вышла оттуда в своем человеческом облике, и притом сухая.

Отец Стефан объяснил мне, что если бы эта раба Божия умерла в том состоянии, в каком она была тогда, то она мучилась бы вечно. По милосердию и смотрению Божию ей будут дарованы при жизни великие страдания, которые помогут ей очиститься от этого греха...

Мы пошли дальше, и вдруг наш путь преградили весы. На одну чашу безпрерывным потоком падали мои добрые дела, а на другую с сухим треском, падая и рассыпаясь, сыпались пустые орешки. Они только ударяли по левой чашке весов, но, несмотря на это, пустая чаша перевешивала полную. В их треске звучала злая насмешка надо мной: эти пустые орешки изображали собой самоуслаждение, сопутствующее моим добрым делам, тщеславие, их обезценивающее.

Пустые орешки перевесили... Первая чаша взвилась высоко. Я стояла безответная, убитая, осужденная...

Вдруг на правую чашу упал кусок пирога и перевесил. Словно кто-то в долг дал

мне, но что дал — я не поняла. Возможно, это были чьи-то молитвы. Весы исчезли, путь опять был свободен. С трепетом я следовала за отцом Стефаном, и вдруг пред нами предстала гора пустых бутылок. Что-то нелепое, глупое было в ней. Гора словно надувалась, величаясь. Это, увы, была моя гордость. Непередаваемо остро я почувствовала всю глупость и ложность ее. И опять остановилась, не находя мысли, оправдывающей меня.

Если бы я уже умерла, то должна была бы трудиться на этом месте, чтобы откупорить каждую пустую бутылку, и это было бы мучительно и безплодно.

«Еще не умерла», — подумал отец Стефан и взмахнул рукой. Благодать Божия вскрыла сразу все бутылки. Путь открылся, и мы пошли дальше...

Каким-то образом мы с отцом Стефаном поднялись, словно на более высокий ярус... и далее очутились, словно в магазине готового платья. Необычайная духота и уныние составляли как бы воздух этого помещения. Я увидела множество одежды, висящей рядами, и между ними свою душу в виде какой-то одежды, распяленной на вешалке...

Должна оговориться, что мне очень трудно излагать виденные образы, слова не могут передать их тонкости и необычайной убедительности. Все сейчас звучит грубо и вместе с тем бледно (ничего не выражает)...

Меня охватило необычайно рельефное и яркое ощущение виновности, чувство невоз-

можности оправдаться — *непщевати вины о гресех:* такой осязательной вина никогда не ощущалась при жизни.

Множество висевших одежд — это были мои мысленные пожелания материальных приобретений, даже и не осуществившиеся...

Мы поднялись выше и вошли в какое-то небольшое помещение, являющееся частью большого, словно это был отгороженный угол комнаты. В нем стояли какие-то уроды, потерявшие образ человеческий, — трудно мне выразить это, но они были как бы «покрыты срамом», словно облиты помоями. Тут я поняла, что значит безобразие, оно воистину есть потеря образа и подобия Божия, так как это были люди, употреблявшие великий дар Божий — слово — на похабщину, любившие в своей жизни неприличные анекдоты. Я с облегчением подумала, что уж этим-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища заговорили хриплыми, нечистыми голосами: «Наша, наша!» Я обомлела и с кристальной ясностью вспомнила, как, будучи ученицей младших классов, сидела с подругой в пустом классе и писала в тетради какие-то глупости. Кажется, я никогда об этом и не вспоминала. Опять неоплатный долг! Нечем покрыть, нечем оправдаться! В отчаянии, закрывая глаза, чтобы не видеть этих омерзительных уродов, я бросилась к отцу Стефану и, услышав в своем сердце его мысли-слова: «может покаяться», проскользнула за ним к выходу...

С трепетом последовала я за отцом Стефаном... Идя дальше и словно наклонив-

шись, я увидела, как бы сквозь окна, нижнее помещение, вроде отделения кондитерской: там рядами стояли мириады пирожных, конфет, изображавших мою любовь к «сладенькому» — гортанобесие. В строгом порядке, в каком стояли эти кондитерские изделия, таилась бесовская ехидность, — они, бесы, возбуждали во мне эту страсть, они же старательно и запомнили содеянное. Если бы я умерла, то должна была бы снова все это поглощать, но уже без желания, нестерпимо страдая, как бы под пыткой. Знакомые спасительные слова: «еще не умерла», дали возможность идти дальше...

Далее мы очутились в высоких просторных залах. Они были красивы, но как-то чуждо холодны душе. Это были как бы храмы без Бога. Мы долго шли: храмы сменялись один за другим, и я тоскующим взглядом обводила их высокие своды. Еле передвигая ноги от усталости, я услышала мысленный укор отца Стефана: «Зачем много мечтала, ведь это все твои мечты!»...

Вдруг наш путь преградило дивное явление: представьте себе лепестки розы, пронизанные лучами солнца, и вот, сотканный из подобного кроткого сияния, весь розовый и вместе золотой, в полном архиерейском облачении стоял перед нами святитель Николай Чудотворец. Я пала на колени и, склоняясь ниц, видела душевными очами, как святитель Николай поцеловал отца Стефана в щеку. Я испытала пламя жгучего стыда. Мучительно заныли все язвы душевные,

словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Не могу передать никакими словами то ощущение, потускневшее сейчас от времени, — ощущение всеобъемлющее, подавляющее — своего недостоинства, нечистоты, невозможности прикоснуться, поднять глаза. Я поняла это сердцем, почему грешнику нет места в раю, — он не может вынести ощущения близости к святыне...

Мы с отцом Стефаном шли по дороге и вошли в храм. В его притворе царил полумрак, а в главной части храма сиял свет... Мы прошли в главный придел... и я замерла от чудного видения: перед иконостасом, в воздухе, облитая лучами света, падавшего косо из окна храмовой стены, стояла стройная фигура. Это была дева, облаченная в светлое одеяние, ниспадавшее мягкими складками. Она стояла легко и свободно в лучах света, и я, вглядываясь в нее, чувствовала, что знала ее когда-то. Она была воплощением благородства и красоты, печать образа Божия лежала неискаженно на ней... *Образ есмь неизреченныя Твоея славы...*

«Кто ты, милая, родная, безконечно близкая?» — шептала я, не в силах оторваться от дивного облика. Тщетно силилась я вспомнить. Минутами мне казалось, что вот-вот я ее узнаю, вспомню ее, но потом опять, словно туманом, заволакивало все внутри. И вдруг я узнала ее — это была моя душа! Душа, данная мне Творцом, душа в том девственном состоянии, в каком она вышла из купели кре-

щения. Образ Божий в ней был еще не искажен...

Я не сводила глаз, глубоко потрясенная, но вдруг из серого сумрака притвора выступила одна из сидевших там фигур. Это было ужасное, несказанное чудовище — на свиных ногах, с огромными черными губами поперек живота, безобразная, низкая баба... Она властно подходила ко мне, как к своей должнице, и — о ужас! — Я узнала в ней свою душу, — душу в том состоянии, в каком она находится сейчас, — безобразная, исказившая в себе образ Божий...

Слов нет выразить, что было тогда в моем сердце...

Отец Стефан отстранил чудовище, хотевшее как бы прильнуть ко мне со злорадством, словами: «Еще не умерла, может покаяться» — и повел меня к выходу...

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату, слышала дыхание спящей родственницы. Сознательно не желая продолжения этого сновидения, я читала молитву, но снова против воли уходила из себя.

Когда я окончательно проснулась, сгорая от жара, увидела знакомую обстановку и вспомнила пережитое во сне, то ясно почувствовала приближение смерти. В душе поднялась томительная тоска от сознания бесцельно прожитой жизни. Умирала я, не приобретя ничего, не принеся Богу ни одной добродетели, не исполнив ни одной Заповеди. И не приготовив себя к вечности.

«Даром, даром прожитая жизнь», — с какой-то стихийной силой твердила во мне обнаженная совесть... И тут в ответ с такой же силой во мне поднялся пламенный молитвенный призыв к Царице небесной с просьбой дать мне время на покаяние...

Еще не умолкли на запекшихся губах слова молитвы, как я почувствовала дивное прохладное дуновение, обнявшее меня всю словно благодатной росой. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни. Чувствуя полное выздоровление, я увидела в щель между оконными ставнями мерцающую чистую звездочку, зовущую меня к новой, обновленной жизни.

Пришедший поутру врач констатировал полное выздоровление. Пред Господом Богом исповедую, что все виденное излагала без всякого преувеличения или умалчивания.

Богу нашему и Пречистой Преблаженной Деве Богородице слава во веки веков. Аминь.

ЛР № 065821 от 15.04.98.

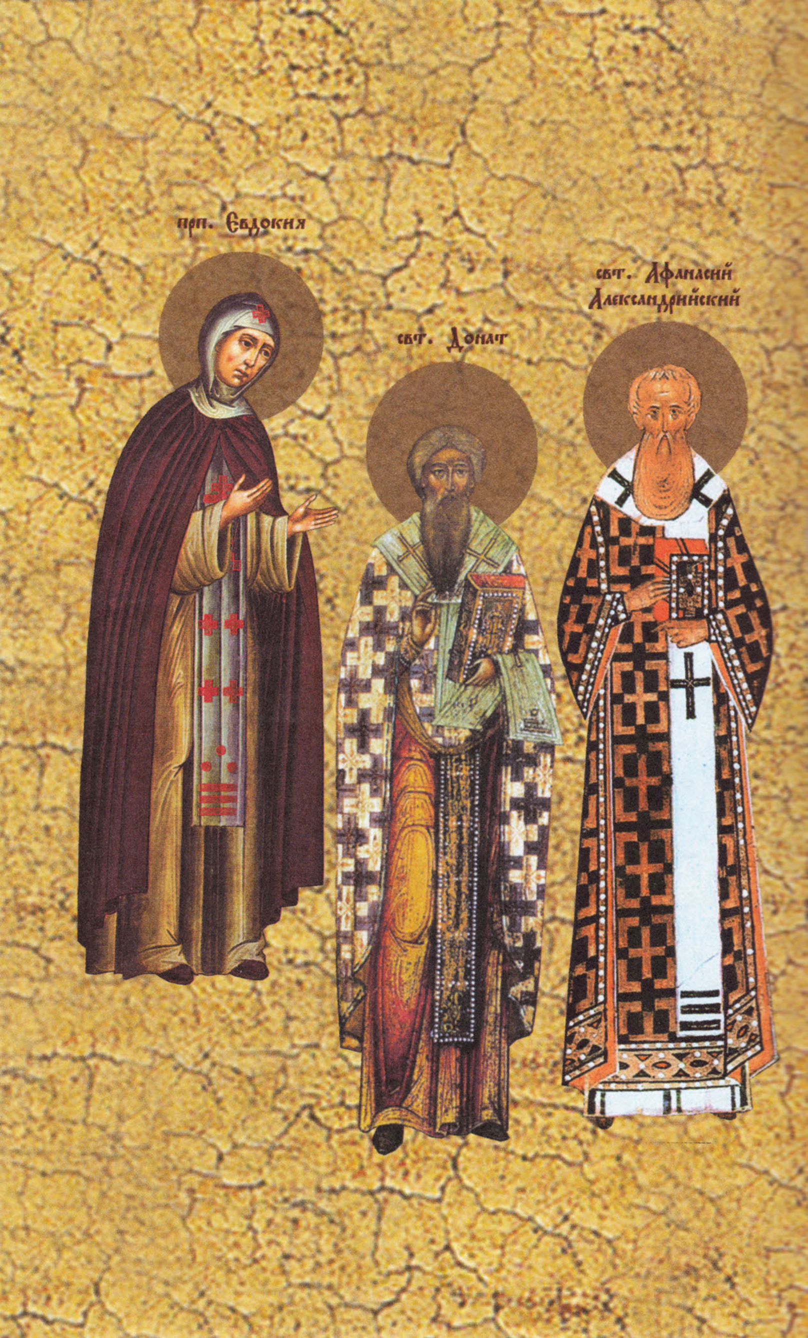
Подписано в печать 09.03.09. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 11 п. л. Усл. печ. л. 18,04.
Гарнитура «PetersburgC». Тираж 7000 экз.
Заказ № 1129.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

прп. Прокопий
Декаполит


прп. Евдокия
свт. Донат
свт. Афанасий Александрийский

Ангел Хранитель
мц. Наталия
свт. Игнатий Богоносец